

Вера Катша

ЗИМНИЙ
ИЗЛОМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Вера Викторовна Камша
Зимний излом. Том 1. Из глубин
Серия «Отблески Этерны», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139450
Зимний излом. Том 1. Из глубин: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16920-7*

Аннотация

Невозможное все же случилось. То ли волей высших сил, то ли золотом и интригами таинственных гоганов принц-изгнанник Альдо Ракан занял столицу предков. Король Фердинанд Оллар в плену. В плену и непобедимый Рокэ Алва, обменявший свою свободу на жизнь Фердинанда. Свято верящий в свое божественное происхождение, Альдо с упоением готовится к коронации и возрождает древние порядки. Счастлив и обретший себя в служении делу Раканов Ричард Окделл, но принцесса Матильда и принявший из рук Альдо маршальскую перевязь Робер Эпинэ в ужасе от того, чем оборачивается победа. Тишина в столице, это тишина в центре смерча. Только зима и нависшие над границами Талига вражеские армии мешают сохранившим верность Олларам войскам ударить по захватчикам. Только чувство долга удерживает Робера рядом с Альдо, а время уходит. Пегая кобыла, древняя вестница смерти, ходит по кругу, и круг этот все шире.

Содержание

Осенние дороги	4
I	5
II	19
III	32
IV	40
V	53
Том первый. Из глубин	70
Часть первая	71
Глава 1	71
Глава 2	89
Глава 3	114
Глава 4	136
Глава 5	165
Глава 6	182
Глава 7	202
Глава 8	221
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Вера Камша

Зимний излом

Том первый. Из глубин

*Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.*

*Все мы герои и все мы изменники,
Всем одинаково верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?*

Георгий Иванов

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Александра Зелендинова,
Марину Ивановскую, Даниила Мелинца, Юрия
Нерсесова, Александру Павлову, Артема
Хачатуриянца, Татьяну Щапову*

Осенние дороги (вместо синопсиса)

Истинно благородные люди никогда ничем не

I

Торка. Агмаренский перевал

399 года С.С. 11-й день Осенних Ветров

1

Три знамени на двух башнях, разделенных вечно злящейся Шнеештрааль... Серебряный волк Ноймаринена с усмешкой глядит на Победителя, вонзающего копьё в озадаченного Дракона, а напротив спорит с ветром золотой кораблик.

У талигойцев и бергеров на двоих одна война и один враг, только счет горцев к бывшим землякам много больше, чем у Талига к соперникам и соседям. Ненависть – это память об оставленном доме. Ненависть, парусник на гербе да имя – вот и все, что осталось от северного острова, в незапамятные времена задавленного льдами. Судьба метнула кости, и моряки-агмы стали горцами-бергерами. Судьба любит веселиться, стал же лишенный наследства южанин торским бароном, чем и гордится. Торка – не Оллария, даром ничего не дает, а дав, не отнимает.

Жермон Ариго вызывающе усмехнулся, как всегда, когда вспоминал оставленный Гайярэ. Нет, не так – Гайярэ, который вышвырнул его вон, так и не сказав за что. Тогда Жермону было двадцать лет, с тех пор прошло столько же. Половина разбитой по воле отца и кое-как сросшейся жизни. Говорят, время лечит, – оно и залечило. Так казалось, но последняя осень разбредила старую тоску. Гусиные стаи тянулись через горы, а генерал Ариго, как последний дурак, торчал на башне, провожая их глазами, словно других дел не было. Жермон вызвал бы любого, кто заподозрил бы его в тоске по старому дому, но в Торке таких не находилось, а на юге генерал не бывал. Не хотел.

Настроение стремительно портилось, но выручил ветер, исхитрившийся сорвать с генеральской головы шляпу. Жермон ее подхватил и нахлобучил прямо на внушительный фамильный нос. Ветер в лицо граф любил. Как и войну, и давший ему приют север. Прошлое на то и прошлое, что его больше нет. Генерал Ариго тщательно подкрутил темные усы и уставился на громаду Айзмессер. Над иззубренными пиками вздымалась облачная стена, в розовых сумерках казавшаяся еще одной горной грядой. Обычно в середине Осенних Ветров Торка тонула в снегах, но в этом году все встало на дыбы.

На дальнем берегу звонко ударил колокол, приветствуя холодное солнце. Еще один обычай, переживший века и дороги... Жермон отсалютовал друзьям шпагой, в ответ блес-

нул агмаренский клинок – Герхард Катершванц любил войну и рассветы не меньше Жермона Ариго.

Обмен утренними любезностями был окончен, и талигоец, поплотней запахнув волчий плащ, неторопливо спустился с башни. Неужели где-то стучат о землю созревшие каштаны, а крестьяне ходят босиком? Или он путает и в Ариго уже зарядили дожди? Сколько всего можно забыть, особенно если стараться.

Замок просыпался, приветствуя очередной день, наполненный учениями и хозяйственными хлопотами. Солдаты носили воду, рубили дрова, хрипло и весело переговаривались. У кухонь повар с помощниками разделявали кабанью тушу, рядом умильно крутили хвостами шестеро крепостных псов во главе с вконец обнаглевшим рыжим Манриком. Все шло, как положено, можно было спать и спать, но командующему горными гарнизонами нравилось вставать затемно, здороваться с соседями, а затем переходить со двора во двор, вдыхая запах дыма и горячего хлеба. Это была его жизнь, его горы и его войны, без которых генерал себя не мыслил.

Скажи кто Жермону, что его преданность Торке рождена обидой на Ариго, он бы пожал плечами, но в глубине души граф знал, что это именно так. Он был не первым и не последним, кого спасла служба, зачеркнувшая прошлое и отучившая загадывать дальше следующей кампании. Теперь будущее тонуло в пороховом дыму. Смерть Сильвестра расшевелила дриков и гаунау. Лазутчики сообщали о скопле-

нии войск за Айзмессер, а нагрянувший ночью Людвиг Ноймар привез письмо от фок Варзов. Маршал Запада сообщал генералу от инфантерии Ариго об очередном военном союзе Эйнрехта и Липпе и предполагаемом выдвижении объединенной армии к границам Талига.

«Объединенная армия», по прикидкам Жермона, могла насчитывать тысяч полтораста. Правда, на стороне обороняющихся были Торка и зима. Ариго был не прочь встретить «гусей»¹ на вверенных ему перевалах, но среди дриксенских генералов не водилось придурков, готовых пробивать лбом стены. Соседи были осторожными, неглупыми и начитанными, а признанные стратеги в один голос твердили, что большим армиям в горах удачи не видать. Алва тоже так решил и взял в Сагранну шесть с половиной тысяч. Этого хватило.

Конечно, Агмарен не Барсовы Врата, а бергеры и талигойцы не кагеты, но посты нужно выставить на каждой тропе, какой бы непроходимой та ни казалась. Есть люди, которым крутизна нипочем, Жермон и сам был из таких, хотя до двадцати лет ничего выше марикьярских холмов не видел. Он много чего не видел, и еще меньше понимал, но потом все встало на свои места.

---

¹ «Гуси» – презрительное прозвище дриксенцев, на гербе которых изображены коронованный Лебедь на волне и два скрещенных меча. «Буробокими» и «Медвежьими башками» называют подданных правящей в Гаунау династии Бербрудер, считающих своим прародителем одного из богов Седых земель, могучего воина с медвежьей головой. После принятия Гаунау эсператизма Бербрудеры взяли своим гербом медведя с двуручным мечом.

Генерал привычным жестом поправил шляпу и ухватил за рукав высунувшегося из норки тенъента-эконома. Франц Цукерброд вырос на кухне герцогов Ноймаринен, но возжелал воинской славы и отпросился в Торку, к вящей радости тамошних обитателей. Теперь Цукерброд соперничал с поваром соседа-бергера и ради победы был готов на любые жертвы.

– Что на кухне? – любопытствовал Ариго, с наслаждением пробуя только что испеченный хлеб. – И как Хайнрих?

Хайнрихом солдаты прозвали разожравшегося на осенних харчах медведя, подвернувшегося генералу Ариго. Зверь сполна расплатился за свою глупость, Жермон сорвал дурное настроение, а его офицеры получили отменное мясо. Разумеется, добычу решили съесть вместе с соседями.

– Мой генерал, Хайнрих маринуется, к обеду созреет, – глаза повара затуманились недостижимой мечтой. – Эх, мускатного ореха б!

– Хватит с тебя и перца с луком, – сам Жермон, по утверждению приятелей, был готов глотать мясо со шкурой и костями и потому смотрел на кулинарные изыски без должного почтения, – а с медведя и подавно.

– Мясо – это тело, а приправы – душа, – закатил глаза Цукерброд. Повар утверждал, что приходится дальним родичем великому Дидериху, и ему верили. Несомненный поэтический дар в сочетании с преданностью кастрюле и половнику приводил к потрясающим результатам.

– Ничего, – утешил кулинару Ариго, – душа душе рознь. Хайнриху луковой за глаза и за уши хватит. У него и такой нет!

Франц расхохотался открыто и весело. В Торке все просто. Если смешно – смеются, если война – воюют, если беда – стоят насмерть.

2

Жермон Ариго уродился жаворонком, Людвиг Ноймар – совой, но на сей раз наследник Рудольфа Ноймаринена поднялся ни свет ни заря. Разумеется, с его точки зрения.

– Хорошее утро. – Людвиг стоял на крыльце в одной рубашке, с сомнением разглядывая наползающие тучи. – Тебе не кажется, что к обеду нас засыплет?

– Нет, – Жермон от души потрянул руку маркиза. – Слишком сильный ветер. Раз тучи перешли за перевал, они уйдут вниз.

– Пожалуй, – согласился Людвиг. – В любом случае, я вовремя приехал.

– Не то слово. – Ариго глянул на друга и нарочито вздрогнул. – На тебя смотреть и то холодно. Надо выпить.

– Кто ж виноват, что ты мерзнешь?! – Серые глаза Ноймара задорно блеснули. – И все потому, что ложишься с курами, а встаешь с петухами.

– Лучше с петухами, чем с гусями, – засмеялся Жермон.

Маркиз Ноймар шутил всегда и над всеми. Семнадцать лет назад его выходка довела Жермона до белого каления. Дело кончилось дуэлью, двумя ранами и дружбой на всю оставшуюся жизнь. – Ты надолго к нам?

– Увы, – Ноймар вдохнул полной грудью ледяной воздух, – торчать мне тут не переторчать.

– Тебе здесь самое место, – хмыкнул Ариго. – На крыльце в одной рубашке торчишь, дрыхнешь до обеда.

– Ох уж эти южане, – хмыкнул Ноймар, – чуть похолодает, и они вянут, как магнолии.

– Магнолии? – возопил Жермон, с трудом сдерживая хохот. – Южане?! Я, чтоб ты знал, – торский барон до мозга костей! Таковым и помру.

– Вольфганг тебя бы отругал, – флегматично произнес Людвиг, – старик не терпит разговоров о смерти, пока она спит. Лучшая смерть – это смерть врага.

– Кто бы спорил, – улыбнулся Жермон. – Кстати о враге, тебя ждет медвежатина.

– Сам брал? – деловито уточнил Людвиг. – На что?

– На твой подарок. – Жермон ловко выхватил из-за спины кинжал. – Как в масло вошел, так что с приездом ты угадал, замариновалось уже.

– Хорошая примета, – серые глаза Ноймара задорно блеснули. – Окорок – агмам, кости – гаунау.

– Запросто, – заверил Ариго, – но сначала их надо обглодать.

– Испугал! – маркиз зевнул и потянулся. – Чтоб мы с соседями не обглодали какого-то медведя?! Сначала бурого, потом жирного! Я, кстати, вина привез, ты хоть и бергер, а от пива рожи корчишь.

– Так ведь гадость несусветная, – с чувством произнес генерал, – такое только с горя пить можно.

– Ты и с горя брезговал, – уточнил лучший друг. – Ладно, пошли в дом, а то совсем изведешься. Осенью в волчьем плаще ходишь, от пива шарахаешься – и еще говоришь, не южанин! Да ты вылитый мориск, только без шадди.

Шадди Жермон не пил – горький въедливый запах слишком навязчиво напоминал о доме. Бывшем, разумеется. Ариго подкрутил усы и огрел будущего герцога по плечу:

– Вперед, к кружкам!

Людвиг шагнул к двери, но на пороге резко обернулся, выхватывая шпагу. Ждавший этого Жермон принял клинок на клинок.

– Скотина недоверчивая, – укоризненно покачал головой гость, семнадцатый год пытавшийся застать хозяина врасплох. Те, кто видел их игры впервые, бросались разнимать «дуэлянтов». К вящему удовольствию последних.

– Ужасные времена создают ужасные нравы, – назидательно сообщил Жермон, вбрасывая шпагу в ножны. – Касеру будешь или свое пиво?

– Свое вино, – Ноймар больше не улыбался, – только позже. Жермон, я приехал тебя сменить.

– И кто же проштрафился, – хохотнул Ариго, – ты или я?

– Манрик с Колиньяром, – суконным голосом произнес Людвиг. — Тебе нужно в Ариго, и чем быстрее, тем лучше.

– И что я там буду делать?

– Вступать в права наследования. Ты так и будешь торчать у двери или сядешь? – Ноймар крутил в пальцах обручальный браслет, как и тогда, когда сказал о смерти Арно Савиньяка. Кончалась весна, и Придда была красной от маков. Ветер раскачивал цветы, и по зеленым полям катились кровавые волны, в которых тонули лошади и солдаты.

– Садись, – напомнил Людвиг, – разговор у нас долгий.

– Хочу и стою! – огрызнулся Ариго, придвигая табурет. Другой бы на его месте еще летом испросил отпуск и отправился в майорат. От свежееиспеченного графа ждали именно этого, но Жермон не собирался отказываться ни от армии, ни от выбранного в минуту злости баронского герба с ощерившимся котом. Он слишком трудно выдирает из себя Гайярэ, чтобы вернуться.

– Жермон, – тихо сказал Людвиг, – я тебя прошу. Отец тебя просит. Дриксы ждут, Эпинэ – нет.

– Дело зашло так далеко?

– Как бы не дальше. Манрики с Колиньярами после смерти Сильвестра как с цепи сорвались.

– И что? – Ариго все-таки заставил себя сесть. – При чем здесь я?

– При том, что Ариго восстала. Вместе со Старой Эпинэ

и Пуэном.

Вот тебе и твои тревоги, господин генерал. Ты грешил на дриков с гаунау, а то, что спит в каждом, проснулось и потянуло домой, только ты не понял.

– Старик Эпинэ умер дней за десять до Сильвестра. – Людвиг надел браслет и тут же снял. – Твой кузен был вне закона, и Колиньяры разинули пасть, но Робер вернулся.

– В Талиг?! – не поверил своим ушам Ариго. – Тогда он сошел с ума.

– Все южане сумасшедшие, – пошутил северянин, – но отец думает, что Роберу дали гарантии. Сильвестр не хотел отдавать титул Колиньярам. И Лионель не хотел.

– Арно их тоже терпеть не мог. – Жермон зачем-то вынул кинжал и поднес к глазам украшенную раухтопазом рукоять. Если б было солнце, в сердце камня вспыхнул бы серый огонь.

– Лучше скажи, кто их терпит. – Ноймар вскинул голову. – Ты дашь мне договорить?

Граф Ариго пожал плечами. Руки продолжали играть кинжалом, а мысли заблудились между Аррижем и Гайярэ. Мятаж! Третий за двенадцать лет, неужели Робер так ничего и не понял?

– Жермон! – Как темно за окном, но тучи скоро уйдут вниз, в Придду. – Ты помнишь барона Райнштайнера?

– Ойгена? Его, пожалуй, забудешь.

Холодный, спокойный взгляд, узкое длинное лицо, свет-

лые волосы. Ойген Райнштайнер... Соратник по Агмарену, бергер, давший присягу Талигу и отозванный в гвардию. Из гвардии в Торку возвращаются редко. Даже бергеры.

– Весной Сильвестр приставил барона к губернатору Эпинэ, – Ноймар не смог удержать ухмылки, – чтоб тот не слишком зарывался. Ойген очень старался.

– Не сомневаюсь. Странно, что Сабве не повесился.

– Не успел, – с сожалением произнес маркиз. – Сильвестр умер раньше, а с Манриками у Ойгена не сложилось. Наш барон подал в отставку, вернулся в Бергмарк и отправился напрямик к маркграфу. Тот решил, что дело важное, и спровадил Райнштайнера с его докладом в Ноймар.

– Хотел бы я послушать.

За окном зарычали. Надо полагать, здешний Манрик защищает от собратьев добытую кость. Везде одно и то же.

– Послушаешь, – утешил Людвиг. – Теперь Ойген – полковник Ноймаринен и офицер по особым поручениям при особе Проземперадора Севера.

Что ж, за особые поручения можно быть спокойным. Барон Райнштайнер не признавал шуток, но был умен, как Леворукий, и столь же удачлив. Если потребуется, он достанет луну, заодно указав небесным обитателям, что ее плохо протирали, из-за чего появились пятна. Жермон невольно ухмыльнулся:

– И кому Ойген ныне являет свои таланты?

– Отец решил вернуть его в Эпинэ. Вместе с тобой и тремя

полками, так что наговоритесь. Да будет тебе известно, что Райнштайнер склонен защищать твоего кузена.

– Что он натворил? – Сколько сейчас Роберу? Есть тридцать или еще нет? – Кроме того, что вернулся?

– Ойген уверен, что сам Иноходец ничего творить не собирался. Виноваты Мараны. Они считали Эпинэ своим, а тут такая незадача! Нагрянувшего наследника решили прикончить при попытке к бегству, но Райнштайнер счел это преждевременным. Наш дорогой бергер, к неудовольствию губернатора и его родичей, появился в Эпинэ лично. Ойген собирался под благовидным предлогом доставить пленника не в Олларию, а к Савиньяку, но Эпинэ этого знать не мог. Он бежал и поднял восстание. Говоря по чести, я его понимаю.

– Арно Савиньяк понимал Карла Борна. – Ариго подкрутил усы, дурацкая привычка, надо с ней что-то делать. – А чем кончилось?

– Эпинэ не Борн. – Людвиг пригладил русые волосы. – А делать что-то надо. Твой приятель Леонард Манрик на пару с Сабве повели в Эпинэ Резервную армию, а в столице ловят пособников бунтовщиков. Да, Леонард теперь именуется маркизом Эр-При.

– Весело. – Жермон положил кинжал на захламленный стол. – Кого я должен унимать? Своих вассалов, для которых я – вышвырнутый отцом мерзавец? Иноходца? Леонарда?

– Всех понемногу. – Ноймар вновь занялся браслетом. – Поедешь через Лаутензее, там ждет Райнштайнер со своими

стрелками и вот-вот подойдет Шарли.

– Фок Варзов отдает лучших кавалеристов? – Воистину сегодня утро невозможностей. – Пишет, что дриксы спелись с гаунау и собирают войска, и отдает?

– На юг лучше посылать южан, – объяснил лучший друг, – а старик внакладе не останется, отец поднимает своих «волков», недели через три они будут в Гельбе. Твое дело – принять капитуляцию Эпинэ и не дать Леонарду с Сабве спутать собственные графства с какой-нибудь Гайифой.

– Думаешь, успею?

– Должен, – лицо Людвига стало жестким, не хуже, чем у отца. – Леонард – человек осторожный, а Резервная армия на три четверти из новобранцев состоит. Нет, «маркиз Эр-При» на рожон не полезет, да и Робер, если не вовсе дурак, первым не начнет. Думаю, парочка до зимы станет бегать то ли друг от друга, то ли друг за другом, а тут и ты появишься. С отборными полками. Вот тут тебя твои вассалы и полюбят. И чужие заодно.

– А больше всех меня полюбит тессорий.

– Манрик теперь кансилльер, но отец с ним договорится. Уверяю тебя.

– Кто бы сомневался. – Закатные твари, вот тебе, генерал, и твой личный Излом. Торка тебя спасла, но принадлежишь ты Гайярэ, а не Агмарену. Людвиг – твой друг до своей смерти, но не до смерти Ноймаринен. Рано или поздно каждый остается со своей землей и со своей войной, потому что из-

гнанники свободны, а графы – нет.

– Жермон, – кажется, Ноймар подумал о том же или о чем-то похожем, – если б не мятеж, мы бы тебя не дергали.

Если бы не восстание, если б не война, не смерть, не зима... Любим мы это самое «если бы».

– Бросай оправдываться, тебе это не идет. Я еду.

– Едешь, – кивнул Людвиг, – куда ты денешься, но Шарли до Лаутензее раньше двадцатого не добраться, так что дня три у нас есть. Как раз съедим медведя, и ты сдашь мне дела. Как следует сдашь. Ты будешь кузена пороть и фламинго из виноградников гнать, а мне, между прочим, границу держать.

– Удержишь, – хохотнул Жермон, пинками загоняя под стол очередное предчувствие. – А теперь доставай свое вино. Надо выпить за удачу.

II

Урготский тракт

399 года К.С. 19-й

день Осенних Ветров

1

Хлеб был свежим, яичница – отменной, сыр – додержанным. Скорее всего. Потому что Чарльз Давенпорт глотал неприлично ранний завтрак, не чувствуя ни вкуса, ни запаха – только усталость. И еще ему было страшно от всеобщего спокойствия. В придорожном трактире с вывеской, которую Чарльз не удосужился разглядеть, хмурое осеннее утро ничем не отличалось от десятков таких же.

Настырно стучал в закрытые окна дождь, заспанный повар слушал еще более заспанного хозяина, лениво точил когти котяра-крысолов, глупо и весело трещали поленья, служанка остервенело перетирала кружки, а в Олларии сидел Альдо Ракан с толпой наемников, мародеров и предателей. Одного, маршала Генри Рокслея, Чарльз продырявил прямо во дворце. Молодой человек надеялся, что рана оказалась смертельной, потому что таких вот рокслеев следует убивать на гла-

зах приспешников, и желательно вовремя. С маршалом Генри он промешкал самое малое на сутки.

Чарльз оттолкнул сковороду, взялся за вино, передумал и потребовал воды. Вино было врагом, даже не врагом, а искусителем. От стакана полшага до кровати, а спать теньент Давенпорт себе запретил. По крайней мере, дольше, чем требуется для того, чтоб не издохнуть.

– Прикажете комнату? – Хозяин. Лысый, зевающий, довольный жизнью. Есть ли у него родичи во Внутренней Эпинэ или Оллarii? И если есть, что с ними?

– Я еду дальше.

– Сударь, – в голосе трактирщика отчетливо слышалась скорбь, – в такую погоду? Поверьте, у нас прекрасные спальни, а какие перины...

Вот так искусители и выглядят. Никакие они не красотки в алых платьях, а трактирщики с перинами.

Чарльз с трудом задержал взгляд на улыбающейся физиономии. Комната дрожала и расплывалась, на висках лежали невидимые ладони – тяжелые и холодные.

– Вы же с ног валитесь, – настаивал хозяин, – а конь ваш и того хуже... Жорж говорит, он и шагу сделать не может.

– Как раз о коне я и хотел поговорить, – буркнул Давенпорт. – Мне нужно обменять его на свежего. Разумеется, с приплатой.

– О! – глазки искусителя стали острыми, как иголки. – У меня есть то, что вам нужно. Орел... Золото, а не конь!

Впору хоть графу, хоть маркизу.

– Я всего лишь виконт, – перебил Чарльз. – Сколько с меня и когда ваш орел будет оседлан?

– О, – иголки стали еще острее, – два тала – и Каштан ваш. Два тала – и десять минут, но, сударь, паромщик еще не вставал. Да-да, этого лентяя раньше полудня не докличешь-ся, а Брети разлилась. Дожди... Никто не ездит. Паромщик мог и загулять. Запросто мог.

– Разбужу! – рывкнул Давенпорт, злясь на весь свет и слипающиеся глаза. С паромщиком он справится не золотом, так пистолетом. Соня согласится, но не подведут ли собственные ноги вместе с головой? Закатные твари, не хватало упасть и околеть прямо на дороге!

– Сударь, – лысый то исчезал в тошнотворном тумане, то выныривал из него, – оставайтесь!... Курьеры – и те отдыхают, а уж я на них нагляделся...

Курьеры отдыхают, только он не курьер. Он неизвестно кто, но ему нужно в Ургот, и он туда доберется назло всем дождям и всем перинам!

Чарльз Давенпорт судорожно сжал челюсти, сдерживая настырную зевоту, и бросил на стол три тала.

– Я подожду на крыльце.

– Под дождем?! – на лице трактирщика проступил неподдельный ужас.

– Именно...

В дожде есть своя прелесть. Когда ты мокрый, как утонув-

шая мышь, ты не уснешь!

2

Виконт Валме проснулся сам, и ничего хорошего в этом не было. Ничего хорошего не было ни в запахе лаванды, исходившем от простынь, ни в сопевшем у окна Герарде. Разобрать в кромешной тьме, который час, виконт не мог, но шести еще не было, иначе бы юное чудище, не хуже петуха чужавшее, когда нужно вопить, стояло б над душой с бритвенным прибором.

Марсель вздохнул и закрыл глаза, но темней от этого не стало. Пожалуй, темней бы не стало, даже если б их кто-нибудь проглотил. А чего вы хотите, сударь, – ночь, осень, дождь, и это не считая собственной дури! Виконт лежал, слушал, как барабанят о подоконник ледяные струйки, и пытался понять, за какими кошками его несет в Олларию, да еще таким аллюром. Куда спешить? К Марианне он всегда успеет, а где болтаются Алва и Луиджи, не знает сам Леворукий! Марсель отбросил тонкую перину, служившую в здешних краях одеялом, и сел, свесив ноги. Засыпать снова было глупо, а будить Герарда – жалко, хотя это было прекрасной шуткой: виконт Марсель Валме будит Герарда Арамону, тьфу ты, рэя Кальперадо! Рокэ не поверит... Ну и Леворукий с ним, пусть не верит, лишь бы отыскался!

Бывший офицер по особым поручениям поморщился и

сполз на застеленный сукном пол. Он сам не понимал, что его тащит вперед и не все ли равно, приедут они с Герардом на день раньше или на неделю позже. Дядюшка Шантэри полагал спешку вредной для здоровья, герцог Фома был слегка озабочен, не более того, а вот Марсель не находил себе места. Или, наоборот, нашел. Рядом с Вороном. Прицепился к Первому маршалу, а тот возьми да и умчись, ничего не сказав, главнокомандующий называется! Без Алвы жизнь сразу же стала скучной, потому что спать, чесать языком, танцевать и ухаживать за хорошенькими женщинами приятно, когда есть дело, от которого можно увильнуть. Когда же дела нет, праздность теряет всякое очарование. Да, разумеется, причина в этом и только в этом, а предчувствия оставим девицам в розовом. Или в голубом. Что еще делать Елене с Юлией, как не предчувствовать и не шить туалеты к мистериам?

Дочки Фомы были хорошенькими, но до Франчески Скварца им было далеко. Вот кому бы пошел наряд Элкимены! Розовая, нет, пурпурная туника, золотые сандалии, кованный пояс с шерлами...

Осторожный стук в дверь оторвал Марселя от мыслей о вдове фельпского адмирала, которой виконт перед отъездом написал длиннущее письмо. Написал и разорвал, потому что писать, не получая ответов, глупо, а Марсель не желал выглядеть дураком. Тем более в столь прекрасных глазах.

– Сударь, – голосок за дверью явно принадлежал служан-

ке, молоденькой и, весьма вероятно, хорошенькой, – сударь, восемь часов!

Восемь?! Выходит, он все-таки проспал, хоть и не так пошло, как Герард! Ну, погоди же!

– Утро, сударь! – гаркнул виконт, срывая с рэя перину. Опозорившийся изверг с жалобным кукареканьем подскочил на своем тюфячке, и Марселью впервые за последние дни стало смешно.

– Простите, – Герард явно собрался провалиться сквозь землю или хотя бы сквозь дощатый пол, – я не думал, что...

– И слава Леворукому. – Марсель отодвинул засов и открыл дверь, за которой обнаружилась премиленькая пышка. – Рыбонька, горячую воду, шадди, завтрак и лошадей.

– Лошадей? – захлопала глазами девица. – На улице дождь... Очень сильный.

– И когда он кончится? – полюбопытствовал Валме.

– Сударь, – хихикнула служанка, – об эту пору завсегда льет.

– Вот видишь, – виконт сделал над собой усилие и совершил то, чего, без сомнения, ожидала толстушка, а именно ущипнул ее за тугой бочок, – дождь не прекратится, так что прекратимся мы. Неси воду.

Девушка снова хихикнула и вышла. Виконт зевнул и натянул дорожное платье. О зеркалах и камердинерах он вспомнил, лишь застегивая манжеты. Увы, он опростился, и, похоже, навсегда. Путешествовать с одним лишь порученцем,

и то чужим! Отец не поверит, но, пожалуй, одобрит.

– Ваша вода!

– Спасибо, – Валме ухватил служанку за круглый подбородок. – Как тебя зовут, ежевичинка моя?

– Лиза, – мурлыкнула девица.

– Помолись за нас, Лиза, – виконт вытащил из кармана несколько суанов и сунул за низко вырезанный корсаж, – только не сейчас. Сейчас шадди.

Лиза, крутанув бедрами, исчезла, Марсель зевнул и потянулся к бритвенному прибору. Без сомнения, красotka решила, что, будь столь галантный кавалер один, лежать бы ей в постельке, да не за серебро, а за золото. Смешно... Если б не Герард, он бы на эту пампушку и не глянул, но не выказывать же мальчишке дурацкие страхи! Вот и приходится изображать себя самого. Позавчерашнего! Офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига вздохнул и намылил щеку: как бы виконт Валме ни опростился, до бороды он не докатится. Валмоны не Люди Чести и не козлы.

– Герард, запомни: в Урготе варят лучшее в Золотых землях мыло, – проклятье, приучил парня к болтовне, теперь хочешь не хочешь, трещи, как сорока, – а в этой гостинице делают самый мерзкий шадди.

– Сударь, – дернулся Герард, – вам помочь?

– Вот еще! – Марсель попробовал пальцем бритву. – Бросал бы ты лакейские замашки. Тебя что, рзем сделали, чтоб ты тазы с водой таскал?

– Сударь...

– Сам ты сударь, – отмахнулся Валме.

Рэй Кальперадо захлопал глазами и притих. Задумался, надо полагать. Парнишка за Ворона в огонь прыгнет, не чихнет, но пока в огонь прыгнул Рокэ. Один! А они, тапоны² эдакие, были рядом и ничего не поняли, пока письма не пришли. Ничего!

Вернулась Лиза. Хихикнула, протянула поднос. Валме хмуро взял белую чашечку с шадди. Разумеется, паршивым. В здешних краях знают толк в закусках и сладях, но не в шадди.

3

Теньент Давенпорт поправил основательно отсыревшую шляпу и вскочил в седло. На улице было легче. В том смысле, что дождь и ветер разогнали сонную одурь. Надолго ли? Орел с пошлым имечком Каштан оказался гнедым мерином с еще неведомым норовом. Радости от предстоящей прогулки конь не испытывал, и Давенпорт его понимал. Он и сам был бы рад задержаться и проспять до весны, но возвращаться – дурная примета, а упрямство явно родилось раньше теньента. Ничего, отдохнем в Эр-При. В первой попавшейся гостинице, иначе живым ему до Ургота не добраться.

---

² Слепое, похожее на крота животное, ведущее подземный образ жизни.

– Сударь, может, останетесь? Ишь как хлещет!

– Я спешу.

– Ну, как знаете...

Стук захлопнувшейся двери, и все! Никого, только он, дождь и лошадь, пятая за последнюю неделю. Не считая Бэрил, бывшей спутницей Чарльза четыре года. Оставляя загнанную чалую на попечении дородной трактирщицы, Давенпорт чувствовал себя последним подонком, но ждать не мог. Не имел права. Следующие кони не успели стать для тенъента никем, они просто его везли, пока могли, а потом уступали место новым. Одни были хуже, другие лучше. С Каштаном, кажется, повезло. Почти повезло, потому что мерин оказался не только резвым, но и зловредным. Он бодро трусил по раскисшей дороге, умело отыскивая лужи поглубже. Надо полагать, назло настырному седоку.

Снизу брызгало, сверху лило, со всех сторон дуло, но спать все равно хотелось. Видимо, из-за проклятой яичницы. Не нужно было поддаваться на совместные уговоры пустого брюха и лысого трактирщика – голод отгоняет сон лучше холода. И еще он отгоняет подлые мысли о том, что ты не сделал всего, что мог. Подумаешь, пристрелил одного предателя на глазах короля, король-то все равно в лапах заговорщиков.

Нельзя сказать, что Чарльз Давенпорт боготворил Фердинанда Оллара, скорее уж наоборот, но это был его король, он ему присягал, и потом, есть средства, которые делают мерзкими любую цель. Теперь тенъент не сомневался – Октавиан-

ская ночь, от которой засевшие в казармах вояки не отмылись до сих пор и не отмоются никогда, была таким средством. Разоренная Вараста была таким средством. Ложь на Совете Меча, когда Фердинанду ввали в глаза, а тот слушал, кивал, верил, раздавал титулы и чины, была таким средством.

Больше всего на свете Давенпорту хотелось отправить предателей к Леворукому, и он знал, с чего, вернее, с кого начнет, когда вернется. С генерала Морена, будь он неладен!

Чарльз со злостью рванул повод, мерин Каштан укоризненно хрюкнул, и теньенту стало еще тошнее. За подлости надо спрашивать с подлецов, а не с безответной скотины. И он спросит, только сначала разыщет Ворона и расскажет ему все. И то, что случилось, и то, чего теньент Давенпорт не видел, но о чем догадывался. Если Алва захочет, пусть вешает его хоть за шею, как положено, хоть вверх ногами, как во время Октавианской ночи. Потому что Франциск, когда писал свой кодекс, был прав. Недонесение о государственной измене – преступление, которое нельзя прощать. Потому что знавшие и молчавшие открывают ворота смертям. Чужим, между прочим...

Он умирать будет – не забудет, как кричала дочка мимоходом растоптанного ткача, горели дома и лавки, по улицам метались люди с мешками и без мешков, в мундирах и без мундиров, а Джордж Ансел вел их сквозь мечущееся безумие, как заведенный повторяя две фразы: «Берегите порох!»

и «Цельтесь наверняка!». Что сейчас с Анселом? Прорвался в Ноймаринен или свернул к фок Варзов? И догадался ли кто-нибудь послать весточку Лионелю?

Чарльз Давенпорт привстал на стремянах, вглядываясь вперед: ничего и никого, хотя с пути он не сбился. Тут и не собьешься – дорога обсажена изгородями из барбариса, за которыми мокнут черные перепутанные лозы. Дорак славен вишневыми садами, Рафиано – орехами и каплунами, а Савиньяк заповилили виноградники.

Дождь времени зря не терял. Одолев плащ, он добрался сначала до камзола, потом до рубашки и, наконец, до спины. Ледяные струйки побежали вниз по позвоночнику, слегка подзадержались у пояса и ринулись вниз, в сапоги. Позапрошлой весной тенъент Давенпорт сопровождал в Урготеллу экстерриора, но тогда было сухо и над трактом до самого Шато-Роже плыл запах цветущих кустов. Рафиано шутил, что они едут Рассветными Садами, а теперь он даже не в Закате, а в болоте. Здешние жители недаром осенью сидят дома – по такой погоде не торгуют и не воюют, хотя с Рокэ Алвы станется. Топи Ренквахи были пострашней, а их прошли, и правильно сделали!

В серой полосатой мгле замаячило нечто темное и высокое. Тенъент не сразу сообразил, что это деревья. Знаменитые на весь Талиг ундовы ивы полоскали в подступившей к самым корням воде ветви, покрытые мертвыми листьями, отчего-то облетающими лишь весной. Тенъент придер-

жал «золотого» мерина, стянул правый сапог, вылил скопившуюся воду, взялся за левый. Дуплистые гиганты нагоняли тоску, но по раскисшей дороге галопом не поскачешь, только рысью.

Каштан вновь поплюхал по бабки в мутной жиже, но ни впереди, ни сбоку ничего не менялось. В Дораке еще поговаривали о безобразиях во Внутренней Эпинэ, а на дорогах нет-нет, да и появлялись драгуны, но чем дальше на юго-запад, тем спокойней и обыденней становилась жизнь.

Трактирщики и негоцианты не сомневались, что к зиме все заглохнет само собой, и смеялись над дурнем-губернатором, которого теперь уж наверняка прогонят взащей, будь он четырежды Колиньаром. За Эр-Лиарди о мятеже и вообще не вспоминали, болтая лишь об осенней стрижке да свадьбах. Что думали власти, Чарльз не знал, но немногочисленные разъезды объезжал старательно. Отчитываться перед каждым встречным Давенпорт не собирался, но то, что Талиг дрых, словно перебравший гуляка, не замечая ни воров, ни грабителей, радости не внушало. Ничего, скоро забегают, как посланные.

Снова, несмотря на холод и дождь, захотелось спать. До тошноты и головной боли. Старые ивы безнадежно и глухо шумели, их жалобы мешались с причитаниями дождя и хмурым ворчанием реки. Скользкий повод так и норовил вырваться из рук, промокшая одежда не грела, а терла. Чарльз еще сознавал, на каком он свете и куда и зачем едет,

но остальное заволокла бурая муть, из которой появлялись и в которой тонули чужие лица. Иногда знакомые, иногда нет. Ансел, Морен, Фердинанд, Рокслеи, Лионель Савиньяк, Манрики...

Каштан неудачно шагнул, провалился в яму, с ног до головы окатив всадника ледяными брызгами, и визгливо заржал. Чарльз вздрогнул, но потом сообразил, что золото о четырех копытах не было боевым конем и помалкивать его не учили. Ну и Леворукий с этим сокровищем, к вечеру он его сменит. До Урготеллы денег хватит, а после решать Ворону. Каштан заржал еще разок и обернулся, видимо, намекая, что приехали.

Лысый трактирщик не соврал – вода поднялась. Пристань была вровень с грязно-бурой, рябой от дождя рекой. Что ж, если паромщик запрямится, переберемся вплавь. Брети не Рассанна и не Хербсте, а теньенту Давенпорту нужно на тот берег. И он там будет!

III

Торка. Окрестности Манлиева столпа 399 года К.С. 19-й день Осенних Ветров

1

Воробы деловито галдели над двумя повешенными, судя по отсутствию смертных балахонов – дриксенским и лазутчиками. Еще один признак подступающей войны, который по счету – Жермон Ариго не помнил. Меньше всего генералу хотелось в такое время покидать север, но Рудольф Ноймаринен зря не попросит. Нельзя поворачиваться спиной даже к самым корявым лапам, если в них оказался нож. Пока был жив Сильвестр, о мятежниках и заговорщиках можно было не думать, теперь придется смотреть не только вперед, на дриков с гаунау, но и назад. Ариго с трудом представлял, как станет договариваться с Леонардом Манриком, а Сабве он и вовсе не знал, Колиньяры на север не заглядывали. С Эпинэ было не проще. Самого Робера Жермон последний раз видел перед своим отъездом в Лаик. Когда-то двадцатилетний тогда еще граф Энтраг обожал свою сорокалетнюю

тетку, но герцогиня Эпинэ отреклась от племянника точно так же, как и остальные родичи. Жозефина никогда никому не перечила. Ни отцу, ни брату, ни мужу со свекром. Сына она тоже не уймет, даже если захочет, а кто уймет?

Привычный ко всему жеребец равнодушно миновал «украшенный» дриксенцами ясень – торские лошадки дурака при виде покойников не валяют. Они и снежных бурь не боятся, едят, что ни попадя, везут сколько могут и дальше, а то, что статью не вышли, так это пережить можно. На войне нужны солдаты, а не столичные хлыщи, хоть на четырех ногах, хоть на двух... Ариго, сам не зная с чего, потрепал своего гнедого по шее, и тот благодарно фыркнул. Подумать только, когда-то Жермон Энтраг ездил на линарцах, зимой ходил в шелковых подштанниках, а Торку почитал обиталищем дикарей. Нет, господа хорошие, здесь живут и воюют люди, а дикари торчат при дворе. Даже не дикари – ызарги, с которыми Ариго не хотелось иметь никаких дел, но жизнь не спрашивает, а приказывает. В Эпинэ – так в Эпинэ!

Прошное кусалось, царапалось, пыталось дотянуться до горла, но генерал его не гнал, пытаясь понять, как перевезти на другой берег собаку, кошку, цыплят и крупу. Унять мятежников, выпроводить Манрика с его армией, навести порядок во взбаламученных графствах и к началу весенней кампании вернуться в Торку... Для этого нужно стать Сильвестром или Алвой, а Жермон был всего-навсего генералом от инфантерии, хоть и неплохим.

Жермон закинул голову; в безбрежной, пронизанной солнцем сини неспешно плыл хохлатый коршун. Генерал проводил птицу взглядом и прищипорил коня. Дорога шла под гору, обросшие к зиме кони бодро топали по смерзшейся листве. Погода для путешествия – лучше не придумаешь. Ясно, тихо, прохладно, но Жермон предпочел бы ветер в лицо или дождь со снегом. Мелкие неприятности защищают от крупных, а удача в начале пути оборачивается крупной пакостью в конце. Хорошо хоть увидеть повешенных через левое плечо – к удаче, знать бы еще, с чего начать.

Самым умным было бы посоветоваться с Ее Величеством, но королева угодила в Багерлее за защиту мятежников. Именно королева, потому что сестры у Жермона Ариго нет. Он писал ей, долго писал. И когда она была девицей Ариго, и когда стала Ее Величеством. Писал и надеялся. Не на помощь – на ответ, на пустяковую записку, в которой желают здоровья и просят быть осторожным, но не было ничего. Ничегошеньки! А потом Ворон прикончил Ги и Иорама.

Если бы сестра продолжала молчать, Жермон бы думал, что она верит в его непонятную вину, но Катари написала. В нескольких местах буквы расплывались то ли от слез, то ли от умело пролитой воды. Любящая сестра на трех страницах объясняла, как она тоскует и молит Создателя, чтобы он сохранил ей брата. Как неистово брат ждал этих слов, и какими ненужными они оказались! Нет, Жермон не радовался свалившимся на Катарину бедам, тем более что она сражалась

с временщиками до последнего, но уважение не заменит издохшую любовь, а выгода – дружбу.

– Сударь, – раздумываясь на ветру белобрысый разведчик ловко отдал честь, – у Манлиева столпа отряд из Ноймара. Дюжина всадников и тенъент. У них новости для вашей милости.

– Надо полагать, ноймарцы давешних субчиков и повесили, – предположил Ариго, заворачивая коня. Отряд на рысях обогнул заросшую ельником гору, похожую на двух влюбленных ежей, и вышел к Манлиевой развилке, в незапамятные времена обозначенной каменным обелиском. Когда-то у его подножья сидел каменный пес, время и ветры превратили его в причудливый серый валун. Изменился и герб Ноймаринен, собака уступила место волку. Потомки Манлия не стали рвать на куски издыхающую империю. Они до последнего прикрывали ей спину, потом службе пришел конец, и владыки перевалов стали свободны, как волки. Свободны, благородны и суровы.

2

Всадников в багряных ноймарских плащах Жермон заметил издали и не стерпел – поднял гнедого в галоп, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Граф Ариго был генералом от инфантерии, но верховую езду обожал, как и все уроженцы Эпинэ. Увы, торские дороги не позволяют гнать во

весь опор.

– Мой генерал, – молоденький офицер вскинул два пальца к серой фетровой шляпе, – тенъент Арно Сэ и чрезвычайный разъезд полка Энтони Давенпорта к вашим услугам.

– Благодарю. – Ариго и без представления понял, что черноглазый блондинчик – младший сын Арно Савиньяка. В этой стране фамильных носов и глаз не спрячешься. – Двое на ясене – ваша работа?

– Наша, – тенъент не выдержал и расплылся в улыбке. – Мой генерал, шпионов было пятеро, живыми взять удалось троих. Двое молчали, третий заговорил. Сейчас корнет Рафле сопровождает его в Ноймар.

– А почему не вы?

– Я должен был дожждаться вас. Разрешите докладывать? – Парень явно удался в деда Рафиано. Арно-старший начхал бы на субординацию, Арно-младший держался, хоть и из последних сил.

– Вижу, вас следует поздравить с производством, – Ариго кивнул на новенькую перевязь. – Я в ваши годы в корнетах ходил.

– Вы были не в Торке, а в Олларии, – юный негодник уже делит мир на Торку и все остальное, прелестно. Когда Арно Сэ объявится в столице, число тамошних бездельников, без сомнения, сократится, и сильно.

– Тенъент, у вас уже были дуэли? – Жермон смотрел на сына, а видел отца. – Или пока обходитесь дриксенскими ла-

зутчиками?

– К сожалению, то есть, к счастью, – по губам Арно скользнула плутовская ухмылочка, тоже семейная, – Монсеньор мерзавцев не держит.

Одно лицо с отцом! Леворукий бы побрал Карла Борна – застрелить такого человека! Арно-старший до последнего надеялся образумить родича и друга, но Борны всегда были с придурью, что мужчины, что женщины. Жермон и сам был Борном. Наполовину.

– Что ж, тенъент, – если сейчас же не вылезти из прошлого, оно задавит, – докладывайте. Сперва о лазутчиках.

– Я должен был перехватить вас у Вайзтанне, но мы были раньше срока и решили пойти навстречу. Ну и встретили, – виконт Сэ счел возможным улыбнуться, – шпионов. Они изображали из себя заблудившихся путников и расспрашивали пастухов о дороге на Гельбе, но по ней не поехали. Пастухам это не понравилось, нам тоже.

– Как вы их брали?

– На приманку, – Арно все-таки забыл о субординации. – Я поехал вперед всего с одним солдатом. «Гуси» решили, что пятеро проглотят двоих, и подавились.

– Когда их послали, – Жермон с трудом подавил улыбку, – и зачем?

– После смерти Его Высокопреосвященства, – губы Арно сжались. – Шпионы прибыли в Олларию через Гаунау и Кадану в качестве охранников заказанных каданским посоль-

ством грузов. В столице их подменили. «Охранники» отправились назад, а лазутчики поехали во Внутреннюю Придду, а оттуда через Гельбе в Хексберг. Посчитали корабли и назад ноймарским трактом. Пленный, его зовут Нилс Гаусс, показал, что их послали глянуть на Хексберг без Альмейды и разведать проходы из Надора в Северную Придду и Ноймаринен.

Неглупо... Очень неглупо. Добраться до Оллариин в по-сольском обозе и уже оттуда двигаться к границам.

– Этот Нилс не врет?

Арно на мгновение задумался и резко мотнул головой.

– Не врет.

– В Дриксен гусей много, – Жермон задумчиво тронул усы, – вряд ли вы выловили всех. Мне не нравится, что они ищут проходы вдоль гор.

– Никому не нравится, – выпалил Сэ и смутился. – Мой генерал, вчера мы разминулись с курьерами фок Варзов. Бруно-старший принял под свое командование все войска на границе с Талигом.

– Сколько у него людей, известно?

– У курьера не было поручения на словах, но в Гельбе считают, «гусей» слетелось не меньше пятидесяти тысяч, а может, и все семьдесят.

– Неплохая стайка, – Жермон задумчиво свел брови. – Те-ньент!

– Мой генерал?

– Какой приказ вы должны мне передать?

– Монсеньор хочет вас видеть. Сейчас он в замке, ждет маркиграфа, но на следующей неделе отъезжает в Придду.

Что и требовалось доказать. Старый волк покидает логово и мчится туда, где опасней, а куда отправят генерала Ариго? Когда Людвиг выезжал в Агмарен, он не знал ни о лазутчике Нилсе, ни об армии Бруно. В такое время каждый человек на счету, а кавалеристы Шарли и подавно. Вряд ли фок Варзов их отпустит, да и от них с Райнштайнером больше пользы на севере, чем на юге.

Жермон не считал себя великим полководцем – великих хватало и без него: Ноймаринен, фок Варзов, Савиньяки, Алва, наконец, но Ворон и Эмиль застряли на юге, Лионель дерется в Надоре, а у Рудольфа болит спина, и ему за шестьдесят. Фок Варзов держится, но он не может быть в трех местах одновременно, а дриксы, если решатся, ударят не только в Гельбе и Хексберг, но и про перевалы не забудут.

– Барон Райнштайнер тоже возвращается?

– Мне об этом ничего не известно, – на лице Арно мелькнула досада, – но Монсеньор просил поторопиться.

IV

Урготский тракт

399 года К.С. 21-й

день Осенних Ветров

1

Любопытно, откуда трактирщики берут названия? Утром был «Филин-девственник», вчера вечером «Лев и рога», а сейчас «Лунный заяц».

Марсель Валме с сомнением оглядел придорожное заведение с зеленым чудищем на вывеске. С одной стороны, они с Герардом честно заслужили полдник, с другой – смерть от голода им не грозила, а пообедать можно и в Шевр-Нуар или Атсе.

– Рэй Кальперадо, – произнес Марсель с тактом, достойным дядюшки Шантэри, – как вы полагаете, стоит ли нам почтить сию обитель своим присутствием?

– Сударь, – если б, сидя в седле, можно было подскочить, Герард бы подскочил, – как... как скажете, но я могу ехать дальше. Я не устал!

Не устал он, как же! Все устали, а он нет. Врет и не крас-

неет.

– Сударь, – Валме, как мог, скопировал интонации порученца, – если вас не затруднит, проверьте эту таверну на предмет горячего вина, свежего хлеба и тараканов. Последние мне неприятны.

– Да, сударь, – выпалило чудище, все еще переживавшее позавчерашний конфуз, – я сейчас.

Оскандалившаяся исполнительность соскочила с равнодушной кобылы и юркнула в зеленую дверь. Валме зевнул и поглядел наверх. Жирные тучи обещали очередной дождь не сейчас, так к вечеру. Пожалуй, нужно послать «Лунного зайца» к кошкам и ехать, пока хляби небесные не разверзлись окончательно. Марсель совсем было собрался выуживать Герарда из заячьих объятий, но со стороны Шевр-Нуар раздались топот и чавканье. Кто-то одинокий гнал коня по меньшей мере кентером. Курьер? Весьма кстати.

Валме вернулся на тракт вовремя – из-за поворота вынырнул заляпанный грязью всадник весьма странного вида. Марсель чихнул и послал коня наперерез незнакомцу. Незнакомец ловко переложил поводья в левую руку, правая привычно скользнула к седлу. Так и есть, вояка, но не курьер, королевские курьеры носят плащи с крылатой стрелой. Марсель улыбнулся в усы, в свою очередь открывая ольстру³. Знать бы еще, не отсырел ли порох, хотя, если этого не знает

---

³ Ольстра – седельная кобура. Их крепили к седлу с обеих сторон у передней луки седла. Кобуры обычно закрывались сверху.

хозяин, как узнает чужак.

– Прошу простить, – виконт учтиво наклонил голову, – вы случайно не из Оллари?

– Это мое дело... – начал незнакомец и перебил сам себя. – Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с виконтом Валме?

– Не ошибаетесь, – кивнул Марсель, лихорадочно сообщая, с кем его свело. Усталое темнобровое лицо казалось смутно знакомым, но не более того.

– Вы, я полагаю, меня не помните? – Офицер, а это, без сомнения, был офицер, по-собачьи отряхнулся и чихнул. Щеки бедняги покрывала щетина, а шляпа обвисла.

– Отчего же, помню, – виконт на всякий случай решил не выказывать забывчивости, – просто мне странно видеть вас в столь плачевном состоянии.

– Так сложились обстоятельства. – Знакомый незнакомец сосредоточенно хмурился, словно умножал в уме шестнадцать на сорок восемь, если не хуже.

– Бывает, – поддакнул Валме, живо заинтересовавшись упомянутыми обстоятельствами.

Сбоку раздался шорох, офицер вздрогнул и вновь потянулся к пистолету. Плохо!

– Успокойтесь, – виконт на всякий случай загородил обалдевшую при виде незнакомца исполнительность, – это мой спутник. Герард, что вы узнали?

– Сударь, – корнет Кальперадо был еще серьезней, чем

обычно, – внутри чисто, но очень просто. Есть вишневая наливка из Дорака и местное вино. На обед у хозяйки говядина, но нам могут зарезать курицу.

– Курицу мы, конечно, съедим, – Марсель расхохотался очень беззаботно, – и не одну, но для начала представьтесь моему другу. Мир воистину тесен.

Чудище незамедлительно выпалило:

– Корнет Герард Кальперадо, порученец Первого маршала Талига Рокэ Алвы.

Расчет оправдался. Грязный всадник как-то странно вздохнул и негромко произнес:

– Чарльз Давенпорт виконт Давен к вашим услугам.

Про Давенпортов Марсель знал лишь то, что они были ординарами, обитали в Южном Надоре и состояли в отдаленном родстве с Рокслеями. Рокслеям же папенька не доверял, как и Окделлам, полагая, что от людей, чей герб украшает дикая свинья, можно ожидать лишь свинства и дикости. Давенпорт пожевал губами и отчетливо произнес:

– Не знаю, куда вы едете, но между Дораком и Приддой я не советовал бы ссылаться на Первого маршала. Разумеется, если за вашей спиной нет армии.

2

Теньент Давенпорт видел виконта Валме раз пять или шесть. Наследник хитрюги Валмона казался разряженным

в пух и прах хлыщом, которому не мешало б пару недель поголодать. Ни малейшего желания узнать сорящего деньгами бездельника поближе у теньента не было, но после Октавианской ночи виконт, к всеобщему удивлению, сдружился с Вороном и, бросив любовниц и портных, отправился на войну. Об этом посудачили и замолчали, а теперь Чарльз сам не понимал, как узнал в хмуром офицере с провалившимися щеками столичного гуляку. Почему Валме уехал и, самое главное, почему возвращается, да еще вместе с кэналлийским мальчишкой, щеголявшим званием порученца Алвы?

– Не знаю, куда вы едете, – и еще я не знаю, что и сколько можно вам говорить, – но между Дораком и Приддой я не советовал бы ссылаться на Первого маршала. Разумеется, если за вашей спиной нет армии.

– Армии за моей спиной нет, – Валме поправил отнюдь не щегольскую шляпу, – и это, судя по вашему виду, весьма печально. В любом случае, навестить «Лунного зайца» не помешает ни нам, ни вам.

Чарльз, не говоря ни слова, заворотил довольно хрюкнувшего пегаша к двухэтажному строеньицу, над входом которого болтался барабанящий по луне зеленый длинноухий монстр. Видимо, заяц.

Пахнувший луком конюх увел лошадей, порученец распахнул дверь, и они вошли в дымное тепло. Давенпорт с овечьим равнодушием смотрел, как виконт занимает стол в углу дурацкой пятиугольной комнаты, говорит с хозяином, куда-то

отсылает белобрысого рэя. Деваха в зеленом фартуке весело грохнула на стол бутылку и бокалы. Недавний щеголь сбросил плащ, под которым обнаружился капитанский мундир, и принялся деловито разливать вино. Красное. Совершенно прямые волосы Валме были по-кэналлийски стянуты на затылке, а место придворной «зубочистки» на боку виконта заняла боевая шпага.

– Вы шокированы моим внешним видом? – усмехнулся наследник Валмонов. – Уверяю вас, я сам поражен. Ваше здоровье!

– Прошу меня простить, – Чарльз отодвинул бокал, – если я сейчас выпью, то упаду и усну.

– Вы упадете и уснете, даже если не выпьете, – Валме махнул рукой, подзывая дебелую тетку. – Хозяюшка, прикажите шадди. Покрепче, побольше и послаще!

– Благодарю. – Шадди и впрямь ему не мешает, как он сам не догадался. А все потому, что в Надоре «морисский орех» не в почете.

– Вообще-то, – будущий граф внимательно посмотрел в глаза Чарльзу, – вас надо не шадди поить, а затолкать в постель и поставить под дверью охрану. И я так и сделаю, но сначала вы мне скажете, почему мы не должны упоминать Алву. Манрики, что, окончательно сбесились?

– Хуже, – буркнул Давенпорт. – Манрики сбежали. Вместе с Колиньярами, принцем и целой сворой всяческой сволочи.

– Разрубленный Змей! – Марсель Валме залпом осушил

бокал и тут же наполнил. – Видимо, следует предположить, что в Олларии вспыхнула чума?

Пожалуй, что и чума. В некотором смысле. Закатные твари, с чего же начать?

– Валме, – Чарльз потряс головой и с силой ущипнул себя за ухо, отгоняя подступивший с ножом к горлу сон, – скажите, что вы знаете, а то, боюсь, я не доберусь до конца.

– Мы знаем, что во Внутренней Эпинэ случился мятеж, а Манрик загнал тех, кого невлюбил, в Багерлее. Вместе с королевой.

– Тогда вы не знаете ничего, – поморщился Давенпорт. – Резервная армия, которую собрал Манрик, перешла на сторону Ракана...

– Кого? – не понял виконт. – Ракана? Этот-то откуда взялся? Не хочу показаться недоверчивым, но вы уверены, что не спите?

– Леворукий и все его кошки, – с тоской произнес Чарльз, – если б я спал... Альдо Ракан как-то затесался в ряды мятежников. Симон Люра... вы его знаете?

– Понаслышке. Он связан с Манриками?

– Так думали. Люра вызвался утихомирить восставших и предал. Королевскую армию разнесли в пух и прах, Ракан двинулся на столицу, к нему стали примыкать гарнизоны. Все нанятые Манриками, между прочим. Обстрелянных сплывили на север, вместе с Лионелем, и он таки разнес каданцев вдрызг. Хоть какая-то радость!

Дверь открылась и закрылась, пропустив лекарского вида мещанина и двух слуг, уныло зажужжала отчего-то не уснувшая муха. Шадди не несли. Чарльз еще разок щипнул себя за ухо.

– Сейчас... Я сейчас...

Валме сочувственно кивнул. Год назад он не вылезал от куаферов и играл в карты на любовниц, а теперь перед Давенпортом сидел офицер. Чего только не бывает, но в Олларии виконту делать нечего. Пусть едет в Придду или домой, к отцу, хотя Марсель Валме не похож на человека, готового все бросить и сбежать, как эти...

– Подонки!

– Простите?

– Манрики – трусы, – раздельно произнес Чарльз Давенпорт, – а Рокслеи, Придды, Краклы, Вускерды – подонки. Ну а Морена я сам убью.

Валме не ответил – сидел, смотрел, ждал продолжения. Только как рассказать едва знакомому человеку об удивленных глазах Фердинанда, улыбочке Генри Рокслея, пятнистой физиономии Кракла? О том, как звенело разбитое стекло, запах пороха мешался с ароматом дыни, громко вопила фрейлина в желтом, а голова кружилась от высоты, бессильной злости и содеянного?

– Ваше шадди, – зеленая девица хлопнула на стол поднос с кружками. – Господа хотят сливки или просто?

– Просто! – Давенпорт залпом проглотил обжигающий на-

питок, не ощутив ни вкуса, ни запаха. Валме молча пододвинул ему свою кружку. Шадди в кружках... Хотя чего ждать от зеленых зайцев?

– Это действительно шадди? – вежливо поинтересовался Валме.

Наверное, шадди, а может, и нет. Какая разница. Он должен договорить, а остальное – потом.

– Манрики узнали о разгроме и сбежали вместе с Колиньярами. Казну и принца с принцессами уволокли с собой.

– А Фердинанд?

– Остался.

– Остался? – недоуменно повторил Валме. – Этот тюфяк? Чарльз бы тоже не поверил, но король действительно остался. Его искали, но Фердинанд Оллар умудрился спрятаться в каком-то тайнике.

– Можете не верить, – туман в голове понемногу рассеивался, значит, в кружках был все-таки шадди, – но Его Величество где-то отсиделся, а потом, когда трусы откочевали, выбрался и попытался править. Отпустил из Багерлее всех узников, собрал Совет Меча, приказал готовить ополчение... Фердинанда арестовали у меня на глазах. Рокслеи и Морен. Он не сопротивлялся, почти... Приказал охране сложить оружие, но охрана... уже не была его. Спасибо Манрикам...

– А вы, виконт? – в упор спросил Марсель Валме. – Что делали вы?

Что он делал? Прозевал все на свете, хотя мог бы догадаться, что Рокслеи что-то затевают. Джеймс намекал на перемены, а он-то думал, речь идет о Талиге без Манриков и Колиньяров. Думал, думал и в суп попал... У курицы мозгов и то больше, но отвечать надо. Чарльз отодвинул пустую кружку – его собеседник все еще ждал ответа. Молча. Неужели это виконт Валме, славившийся болтливостью на всю Олларию?

– Я был в карауле у Малой Печати, – просто сказал Чарльз, – услышал шум, вбежал в столовую. Все уже было кончено. Я выскочил в окно, в городе начинались погромы, но пройти было можно. Я добрался до казарм... Ансел уже все знал. Он решил прорываться в Придду. Из Олларии мы ушли вместе, у Корты Ансел свернул на север, а я – на запад. Сообщить Ворону.

3

Нужно возвращаться. Не к Фоме, к Ворону, которого в Олларии нет, а где есть, только кошкам известно. Знает ли Алва, что творится в столице, или он умчался не поэтому?

– Теньент, – окликнул Марсель, – я должен вас огорчить. Первого маршала в Урготелле нет. Эй, вы меня слышите?

– Да, – бедняга оторвался от заячьего шадди и попытался держать голову прямо, – слышу.

Слышит он! Пустой, стеклянный взгляд. Не понимает?

Очень может быть.

– Алва исчез. Может, вернулся в Фельп, к Савиньяку, а может, и нет. Он получил какое-то известие и уехал. Мы думали, в Олларию.

– Все сходится, – Давенпорт в очередной раз потряс сонной башкой. – Он узнал о предательстве Люра.

Узнал и умчался. Мог бы, между прочим, и сказать. Или не мог? Ворон любит разводить тайны, а они с дядюшкой своими несведущими рожами дурачили шпионов целый день. Закатные твари, надо было сразу гнать к Савиньяку, а не лезть в это болото.

– Вы что-то сказали? – вежливо переспросил Давенпорт. Глаза офицера были красней, чем у кролика, но зевать он перестал. То ли от шадди, то ли от новости.

– Так, – неопределенно махнул рукой Валме, – задумался. Непонятно, на что все эти господа надеются. Ызаргу ясно, править им до подхода первой же армии.

– Армии летать не могут, – теньент с тоской уткнулся в опустевшую кружку, – вожаки успеют сбежать, ну а мелочь... Когда ее жалели?

Это точно, заводилы удерут, а мелкоту перевешают, только кто? Фок Варзов и Лионель связаны дриксенцами, Алва – Бордоном и Гайифой. Конечно, можно все бросить, но нужно ли?

– Слушай, – начал Марсель, чувствуя, что его заносит, как перед боем, – это затеяли «павлины», чтоб мы сняли с гра-

ниц войска. Согласен?

– Да. – Чарльз Давенпорт с удивлением поднял глаза на Марсея. Ах да, он в запале перешел на «ты», ну и ладно.

– Рокэ никогда не делает того, чего от него ждут? Так?

– Так.

– Значит, и сейчас не сделает. Он останется на юге и будет воевать с Бордоном, как и собирался. Так?

Теньент кивнул и подпер подбородок рукой. Еще немного, и в спальню его придется тащить на руках. Ну и дотащим!

– Если все затеяли не «павлины», а «гуси», они ждут, что давить мятеж пойдет Лионель или фок Варзов, и устроят какую-нибудь подлость. Так?

– Да, – кроличьи глаза слипались, но глядели осмысленно.

– Значит, на севере тоже нужно стоять, где стояли. И что у нас остается? Тронко и Кадела. Тронко ближе к столице, и там кэналлийцы, значит, нам туда!

– Сударь, вы во многом правы, – пробормотал засыпающий вояка, – но я должен отвезти донесение Ансела Первому маршалу Талига.

– А где вы его искать будете? В Фельп может и Герард съездить. Если вам нейдет, езжайте вдвоем, а я поскачу в Тронко предупредить Дьегаррона. Когда придет приказ наступать, мы будем готовы...

– Вы правы, – на измученном лице проступила заинтересованность, – от Тронко до Оллари не так уж и далеко.

– Именно. А то, что там творится, вы знаете лучше адуа-

нов и лучше меня!

– Решено, – Давенпорт поднялся с места. Он явно соби-
рался сесть в седло, – я еду с вами.

– Правильно, – согласился Марсель, – но вечером, а сей-
час вы отправитесь в кровать. Терпеть не могу носить на ру-
ках мужчин, а вы вот-вот свалитесь.

– Сударь...

– Теньент Давенпорт, – рывкнул Марсель, подражая Дер-
ра-Пьяве, – я вам приказываю... Закатные твари, я вам ка-
питан или птицерыбодура?! А ну живо спать!

V
Ноймаринен. Замок Ноймар
399 года К.С. 22-й
день Осенних Ветров

1

Ноймар. Замок на утесе Литасфляхеханд. Шестнадцать неприступных башен, серые скалы, вечная радуга над порогами неугомонной Доннерштрааль. Волчье логово, поставившее Талигу полководцев, кардиналов, регентов, а однажды расщедрившееся на поэта. Великого. По крайней мере, так в один голос утверждали менторы. Правы они были или нет, Жермон не задумывался, но неприязнь к виршам Вальтера Дидериха пронес через всю свою жизнь. Хорошо хоть, эта ненависть была веселой, не чета другим.

Дорога уперлась в опущенный мост и распахнутые ворота. Рудольф Ноймаринен был силен и осторожен, он мог позволить себе подобную роскошь. Если все тропинки под пристальным взглядом, а солдаты и офицеры знают друг друга в лицо, ворот можно не запирать. По крайней мере, днем.

– Жермон! – Ариго вскинул голову и увидел младшего

брата Людвига. Тридцатитрехлетний Альберт, вечно забывавший, что он еще и граф Доннербург, жизнерадостно махал со стены офицерской шляпой. — Явился наконец!

Генерал засмеялся и подкрутил усы. Тревога, прихватившая Ариго в начале осени, отступила пред мощью возведенных самим Манлием стен и уверенностью обитателей замка.

Жермон поручил жеребца заботам конюха и угодил прямиком в достойные удава объятья. Альберт пребывал в отменном настроении, впрочем, все семейство Ноймаринен было наиприятнейшим. Для друзей и союзников, вестимо.

— Ну ты и вырядился, — покачал головой Жермон, отдавая должное багряному камзолу и кремовой рубашке, — прямо жених!

— Вырядишься тут, — подмигнул развеселившийся граф, кивком головы указав на здоровенных парней в бирюзовых куртках, кидавших в кухонные оконца связки гусей и ледяных уток. — Это авангард. Основные силы подойдут завтра. Отец только их и ждет. Их и тебя.

— Арно предупреждал, что грядут бергеры, — меланхолично заметил Жермон, — что ж, дичью вас родственник обеспечил.

Маркграф Вольфганг-Иоганн был не из тех, кто приезжает в гости с пустыми руками, тем паче осенью, когда на перехват пролетающих над Торкой бесчисленных стай выходит и стар и млад. Бергеры истребляют гусей и уток десятками тысяч, но на следующий год пернатые странники вновь за-

тмевают солнце, а горцы палят по ним из своих чудовищных «утятниц».

– Бедные, бедные гуси, – закатил глаза Альберт, —

Трепещущие крылья рассекали
Предзимний, напоенный плачем ветер,
Рыдали птицы об умершем лете,
И плакал вечер с исчезающей стаей...

С исчезающей? Или с *обреченной*? Не помнишь?

– К счастью для меня, нет, – огрызнулся Жермон, – чего и тебе желаю. Дурацкие стихи!

Правильно он пририсовал к портрету Дидериха ослиные уши, впрочем, они больше походили на заячьи. Художником юный Жермон был неважным, но утонченный мэтр Капотта чуть не лопнул от ярости. При воспоминании о любимом учителе генерал от инфантерии блаженно улыбнулся и немедленно заработал чувствительный тычок в бок.

– Смеешься? – строго спросил Альберт. – Я тоже хочу.

– Ну так смейся, – Жермон поправил шпагу, – благо, есть над чем.

– Ты про «Прерванный полет»? И чего только менторы в этих стишатах находят? Гуси летят, по ним стреляют, такова жизнь. Надо же агмам зимой что-то кушать.

– И не только зимой, – перед глазами зазеленело рассветное небо и распустил паруса золотой кораблик. – Пока бергеры не пересолят всех гусей, они не уймутся.

– Ну, нет, – замотал головой Альберт, – тут я с ними не согласен. Копченые вкуснее. А ты что скажешь, коптить или засаливать?

– Коптить, – постановил Ариго. – Ты часом не знаешь, твой поэтический земляк дичь ел?

– Дидерих? Ел, наверное. Вот плакал он при этом или нет, не знаю.

– Если с луком, то, может, и плакал.

– Конечно, с луком. А еще он пил вино, бегал за девицами и хотел дворянство...

И получил бы, если б не родной отец. Гостивший у зятя граф Дорак приголубил хорошенькую горничную, десять месяцев спустя осчастливившую мир великим Вальтером. Дорак бастарда признал, дал ему образование и состояние, но наотрез отказался ходатайствовать о возведении молодого поэта в дворянское достоинство. Папенька полагал, что титул способствует написанию скучных од, а не занимательных драм, и был прав. Дидерих накатал множество трагедий, и чуть ли не в каждой имелись жестокосердный отец, соблазненная дева и благородный подкидыш...

– Вообще-то я его всегда терпеть не мог, – задумчиво произнес Жермон.

– Лук? – удивился братец Людвиг. – В таком случае ты прекрасно скрывал свои чувства.

– Дидериха, – шепнул Ариго, – и чем больше ко мне с его виршами приставали, тем больше я его ненавидел.

– А мне как-то все равно, – хмыкнул Альберт. – Дидерих и Дидерих. Должен же в Талиге быть кто-то великий, кроме полководцев и мерзавцев.

– А дураки? – осведомился Жермон.

– Не сказал бы, что наши дураки превосходят гайифских, – усомнился приятель, – иначе б павлины после Варасты не полезли бы в Фельп и не остались бы без хвоста.

– Весной гайифским генералам будет не до корнетских ляжек, – задумчиво протянул Ариго, – Дивин это понимает. Готфрид тоже.

– Гусь павлину не родич, – лицо приятеля стало злым, – но гусь любит золотой горох. При Сильвестре дриксы сидели б да глядели, чем дело кончится, но с Манриками, да в отсутствие Алвы могут и укусить. Про Фридриха слышал? Этот кесарский племянничек перебрался к тестю, в Липпе.

– Сослали или наоборот?

– Кошки их там разберут, – Альберт снял шляпу и смахнул с нее пару пушинок. – Будем надеяться, что все-таки ссылка. Бруно Фридриха терпеть не может, а Бруно стал фельдмаршалом.

Фридрих сначала прыгает, потом думает. Бруно неделю думает, а потом строит мост. При таком фельдмаршале о дриксах до весны можно забыть, зато потом хлопот не оберешься.

– Постараюсь к Весеннему Излому вернуться, – кивнул Ариго, – месяц туда, месяц обратно, четыре месяца там...

Вечерний ветер скатился с темнеющих стен, ударил в лицо, развернул поникшее было знамя с бессонным волком, закружил мертвые листья и тонкую водяную пыль.

– Закатные твари! – Альберт разжал вцепившиеся в эфес пальцы и делано рассмеялся. – Ты чего?

– То же, что и ты, – огрызнулся Ариго, с трудом подавляя идиотское желание вскочить на коня и мчаться на юг, – это просто ветер.

– Ветер с гор несет зиму, – припомнил старую поговорку Людвиг, – вести с гор несут войну.

– Нет, – Жермон Ариго закинул голову, глядя на плещущий в синеве багровый стяг, – этот ветер не с гор. Он из Придды, но насчет войны ты прав. И насчет зимы тоже.

– Видимо, я пророк, – хохотнул Альберт, – и, будучи таковым, предрекаю тебе еще и весну. Весной...

– Господин генерал, – темноглазый корнет ловко и красиво отдал честь, – вас просит герцог. Немедленно.

2

Рудольф Ноймаринен оторвал голову от очередной бумаги, неспешно водрузил перо на роговую подставку и поднялся из-за стола. Выглядел герцог, мягко говоря, усталым, но одет был, как всегда, безукоризненно.

– Нужда в твоей поездке отпала. К сожалению.

Ариго ожидал подобного, и все же сердце нахально екну-

ло.

– Ты голоден?

– И да, и нет, – признался Жермон, – я в седле с утра, но Бруно с Манриками не способствуют аппетиту.

– Если ты собираешься и впредь обращать внимание на новости, то скоро умрешь. С голоду. – Рудольф уже несколько лет ел вываренное мясо с овощами и белые сухари, но оставался хлебосольнейшим из хозяев. – Когда я посылал к тебе Людвига, из Эпинэ тянуло дымком, не более того. Неделю назад дым уже стоял столбом.

Герцог неторопливо поднялся. Ариго был немалого роста, но на Рудольфа ему приходилось смотреть снизу вверх.

– Садись к столу, сейчас принесут перекусить. Ты будешь есть, я буду говорить.

Манеру пожизненного Проэмперадора Севера бродить по комнате, размышляя вслух, знал весь Талиг. Другое дело, что видели это только близкие. Жермону герцог верил, и был прав. Рудольф Ноймаринен был первым из тех, за кем генерал Ариго прыгнул бы в Закат и не заметил. Вторым шел Людвиг, третьим – старик фок Варзов. Четвертым был Арно Савиньяк, но графа не было на свете десятый год.

– Садись, кому говорят. За стол!

Жермон безропотно опустился на массивную дубовую скамью, глядя, как Рудольф меряет шагами знакомую комнату. Узнав о восстании Борна, он ходил так же, а Савиньяк теребил перевязь и вдруг сказал, что поедет к Карлу и уймет

его. Он так и сделал, но получил пулю в живот. Маршал Арно вечно полагался на чужую совесть, как на свою.

Герцог дошел до камина и резко повернулся на широких каблуках, звякнули, столкнувшись, две цепи – герцогская и вторая, широкая, из плоских золотых звеньев. Цепь регента? И как он ее не заметил?! Рудольф поймал взгляд Ариго и хмуро кивнул, подтверждая, что генеральские глаза не врут и герцог Ноймаринен на самом деле – регент Талига.

– К лету сниму этот ошейник к кошачьей бабушке, – Ноймаринен часто начинал свои монологи с ответов на невысказанные вопросы. – Гадаешь, что стряслось? Не догадаешься, разве что с ума сойдешь. Людвиг должен был рассказать об Эпинэ.

И рассказал, но при чем тут регентство? Разве что Фердинанда после варастийских чудес потянуло на подвиги и он свалился с лошади. Или ему помогли? Тогда королем стал Карл, а Ворон – регентом. Может ли регент Талига воевать по найму в чужой стране? Может ли передать регентство? Жермон не был силен в казуистике, его делом были атаки и ретирады.

Пришел слуга, принес глинтвейн. Две дриксенские кружки с золотыми ручками и вызолоченными крышками. В Эпинэ вино со специями не кипятят даже зимой, в Ноймаре ужин начинают с глинтвейна.

– Пей!

Трещал огонь, пахло пряностями и вином, на подоконни-

ке блаженствовала толстая старая кошка. Ее звали Метхен.

– Фердинанд умер?

– Если бы, – регент махнул рукой и побрел от стола к камину. – В Эпинэ всплыл Альдо Ракан, а Робер Эпинэ умудрился разбить Леонарда Манрика. Ты будешь смеяться, но собранная тессорием сволочь, которую он назвал Резервной армией, перешла на сторону мятежников. Леонарда, судя по всему, прикончили свои же. Маркиз Сабве, к несчастью, удрал. Видимо, в Каделу, так как в Олларии не объявлялся, а Ворон для него хуже Ракана. Сообщить в столицу о поражении Сабве, по великой своей занятости, забыл.

– Трус, – не выдержал Ариго, – заяц свежаванный!

– Не больше, чем братец, – буркнул Ноймаринен, буравя взглядом безответную кочергу. – Весть о поражении привез тенъент Куртис. Из парня будет толк, так что возьмишь его в разведчики. Заодно и расспросишь, если охота будет.

– Расспрошу, – пообещал Жермон. Регент что-то буркнул и пошевелил угли.

– Узнав про Люра и Ракана, Манрик со товарищи все бросили и сбежали. Надеюсь, недалеко, – по лицу Рудольфа плясали недобрые отблески, само лицо тоже добротой не блистало. – Принца с принцессами уроды прихватили с собой, а вот короля потеряли. Фердинанд где-то отсиделся, вылез и начал править. Через три дня Рокслеи продали его с потрохами. Что творится в Олларии сейчас, не знаю. Ансел был последним, кто мало-мальски соображал, больше там сопро-

тивляться некому.

Ариго не вскочил, не заорал, не подавился. Он даже не опрокинул кружку, только в голове завертелось какое-то тошнотворное колесо. Генерал торопливо проглотил ставший горьким глинтвейн.

– Мне лучше поспешить.

– Нет, – регент оторвался от камина и нацелился на письменный стол. – Ты едешь со мной в Придду. Не только как генерал, но и как граф Ариго.

Жермон кивнул; свое генеральство, в отличие от отобранного и брошенного назад титула, он ценил. Да и Рудольф то и дело говорил, что родословная – дело собачье, а не человеческое. Разве что дело в Катарине.

– Монсеньор, я правильно понимаю, что мне придется стать опекуном Ее Величества?

– Не совсем. — Ноймаринен остановился у письменного стола, тронул свиток с зелеными печатями и потер поясницу. – Не терплю воевать зимой – спину ломит... Ты когда выехал?

– Пятнадцатого. Мог раньше, но возил Людвига к Айзмессер.

– Правильно сделал, – одобрил регент Талига, отправляясь к окну. – Когда соседи узнают про наши дела, они обрадуются, а радость, как известно, окрыляет. Не удивлюсь, если дрикс с гаунау попробуют полетать. И еще меньше удивлюсь, если они замахнутся на Хексберг.

А в Хексберг хорошо если осталось два десятка кораблей... Когда Альмейда уходил в Фельп, считалось, что Готфрид с Хайнрихом будут сидеть и глядеть, как Гайифа грызется с Талигом. Кесарю надоело таскать хвост императору, он был бы счастлив, если б этот хвост выдернули. Именно поэтому Сильвестр отпустил Альмейду, а фок Варзов – Дьегаррона и Вейзеля. Расчет на скрытое соперничество Паоны и Эйрехта был верным. Пока не умер Сильвестр.

– Закатные твари, – пробормотал Ариго, – Алва знает?

– Нет, – отрезал герцог, – и когда узнает, ведомо только Леворукому и Фоме, а старый пройдоха станет тянуть до последнего и будет прав. Грех упускать такой случай.

Да, второй раз Гайифа с Бордоном вряд ли позволят схватить себя за шиворот, да еще в строгом соответствии с Золотым Договором. Закатные твари, Рокэ не должен возвращаться, будь он хоть трижды регентом.

– Значит, – подвел итог Жермон, – вы не просто регент Талига, вы еще и Первый маршал.

– Вот уж не думал, что снова влезу в эту упряжь. – Рудольф Ноймаринен приподнял портьеру. Сквозь пылающий запад стремительно прорастала ночь. Осенняя или уже зимняя?

Трое слуг – пожилой и двое мальчишек – приволокли подносы с едой, которой хватило бы на троих генералов и одного крокодила, зажгли свечи и ушли. Ноймаринен вернулся к столу, отломил кусок хлеба, обмакнул в соус и отправил в

рот, под аккуратные седые усы.

– Не удивляйся, с вареной мочалкой покончено, – регент прикончил еще один кусок. – Оказывается, я голоден... И ты, между прочим, тоже.

Генерал послушно ковырнул густо приправленную сельдереем зайчатину. Рудольф был прав, есть действительно хотелось.

3

– Рад? – регент поморщился и потер поясницу. – Проклятая спина, еще хуже Манриков, тех хотя бы удавить можно.

– Чему рад? – переспросил Жермон, отодвигая наполовину опустошенный поднос, живо заинтересовавший Метхен.

– Что остаешься, – герцог неторопливо отхлебнул из кубка. Волк, который перед охотой пьет глинтвейн. Старый волк, но от этого не менее опасный.

– Что остаюсь, рад, – признался Жермон, – но не такой ценой.

– Цены мы еще не знаем, – серый взгляд скользнул по увешанному оружием гобелену, – только, боюсь, с платежами мы просрочили. Ринальди Ракан платил в девяносто седьмом году гальтарского круга, императорская семья – в девяносто седьмом следующего, Эрнани Последний дотянул до осени девяносто девятого, а мы и того хуже.

Жермон угрюмо кивнул, древние беды его никогда не за-

нимали, но с этими Изломами что-то и впрямь не так.

– Не любишь заумных разговоров? – Регент прикрыл остывающую кружку, крышка щелкнула, как капкан захлопнулся.

– Не люблю. Чувствуешь себя петухом в мешке.

– Хорошо, не ызаргом⁴, – пошутил Рудольф. – Сколько я тебя знаю?

Если считать с первой встречи – больше двадцати лет, если с первого настоящего разговора – девять. Они встретились, когда герцог Ноймаринен был первым маршалом Талига, а Жермон – столичным щенком, выброшенным в Торку. Теперь один – регент, второй – генерал, а Излом – вот он! Дриксы который год орут, что Олларам отпущен один круг, но Оллары – это еще не Талиг.

– Твоего отца я знал меньше, чем тебя, – задумчиво произнес герцог, – но Пьер-Луи был справедливым человеком.

– Справедливым, – подтвердил Жермон, потому что это было правдой. За отцом не числилось ни одного несправедливого поступка, ни одного злого слова. Только как называть письмо, даже не письмо, записку, превращавшую графа Энтраг в пустое место и уведомлявшую означенное место, что оно незамедлительно должно отбыть в Торку и жить исключительно за счет жалованья?

---

⁴ Намек на варадийскую забаву, когда двух или более ызаргов помещают в мешок; животные начинают драться, и в конце концов в живых остается лишь один. Если подобное развлечение сопровождается ставками, ызаргов метят особым образом.

Королевский указ отстал от родительского «благословения» всего на два дня: геренций Фукиано, как и все в Оллари, не усомнился в справедливости графа Ариго.

– Ты ничего не забыл. – Рудольф тяжело поднялся и двинулся к глядящему в вечер окну. – Забыть и не вспоминать – это разные вещи. Очень разные.

– Отец мертв, – Жермон посмотрел в глаза регенту, – это все, что я могу сказать.

– Мертв. – Витражи прятали звезды и облака, но не тьму. – Иначе б я говорил не с тобой, а с ним.

Метхен покончила с остатками подлив и облизнулась, показав розовый язычок; за спиной что-то сухо треснуло. Свеча...

– Эсператисты не зря придумали исповеди, нельзя всю жизнь таскать в душе пулю. Что ты натворил?

– Прошло двадцать лет, не все ли теперь равно?

– Тебе не все равно, – Рудольф принялся растирать запястье, – но будет все равно, когда ты расскажешь.

– Вы этого не узнаете, – Ариго тронул пальцами опустевший кубок, – по крайней мере от меня.

– Тебя послушать, – хмыкнул герцог, – так ты чужие души Леворукому продавал, не меньше. А хоть бы и так, время любой грех хоронит. Расскажи и забудь.

– Не могу, – выдержать взгляд Проэмперадора Севера было непросто, но Жермону это удалось, – потому что сам не знаю. И Арно Савиньяк не знал. Обещал спросить, не успел.

– Закатные твари! – регент остановился, качнулась огромная, в потолок, тень. – Так какого ызарга ты молчал?!

– А такого! – огрызнулся Жермон. – Я хотел сначала доказать... Отцу, матери, братьям... После первого ордена я попросил бы отпуск и потребовал бы ответа, но отец умер раньше. О его смерти я узнал от фок Варзов. Через полгода. Мать мне так и не написала, мне никто не написал, а Торка меня и грязным съела.

– Торка нелюбопытна, – подтвердил Ноймаринен, возвращаясь к столу.

– Отец был болен, – зачем-то пробормотал Жермон, водя пальцем по резному дубу. Почему он не помчался в Гайярэ, не бросился за советом к тому же Арно? Оскорбился? Испугался? Растерялся? Или все сразу? Теперь уже и не вспомнить. Загнанная в дальний угол боль – вот и все, что осталось в памяти от далекой, злой весны. Это было весной, и день был солнечный, до отвращения, до рези в глазах.

– Допей, – регент кивнул на свою кружку, – я не хочу.

Допить за кем-то – узнать чужие мысли. Бергеры привезли это поверье в Золотые земли вместе с кораблем на флаге и ненавистью к гаунау и дриksam. Если бергер отдает свое вино, значит, верит собеседнику до конца, а Ноймаринен наполовину бергеры.

– Что думаешь о Бруно? – неторопливо осведомился регент, почесывая за ухом незнамо как оказавшуюся у него на коленях Метхен. Прошрое осталось прошлым, а настоящим

была война.

— Когда «гуси» поймут, что у нас творится, они обнаглеют, — предположил Жермон. — Шутка ли, такая возможность. Двадцать лет ждали.

— Своего они не упустят, — согласился Рудольф, — но когда и как? Попрут вперед сразу или подождут, пока мы бросимся на Ракана?

— А мы бросимся? — Ариго залпом прикончил остывшее вино.

— Оставлять столицу в руках мятежников неприлично. — Свечи плавилась в серых человеческих глазах, заливая их звериным золотом. — С другой стороны, Манрики позаботились о том, чтоб в Олларии приличных людей не осталось, а приличные люди загодя вывезли семьи. По крайней мере, я на это надеюсь. На письменном столе касера и стопки, принеси.

Фляга была бергерской, и касера тоже. Жермон откинул крышку, запахло дымом и можжевельником, Ариго любил этот запах, он не напоминал ни о чем, кроме Торки. Торка жила войной, Оллария — миром, но сейчас все смешалось.

— Мы не должны оголять границу и не должны отвлекать Алву от Бордона и Гайифы, но Лионель... — начал было Жермон и осекся.

— Вот именно, — подтвердил Рудольф, принимая касеру. — Если Савиньяк уйдет, гаунау пожалуют в Кадану и внакладе не останутся. Мы потеряем Северный Надор вместо Север-

ной Придды, и потеряем надолго.

– Значит, Ракана должен есть Дьегаррон. Если только не зашевелиятся «павлины».

– Вот слова умного человека, у которого в столице никого нет, – регент усмехнулся, кошка перевернулась на спину, игриво дернув лапкой. – Ничего, отгоним кабанов, дойдут руки и до залезших в капусту зайцев, а пока пусть жрут, не до них!

Рудольф Ноймаринен замолчал. Он уже все решил, и отменить это решение мог только герцог Алва. Если б захотел. Или Фердинанд, если б вернулся и посмел сказать «нет».

Том первый. Из глубин

*О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ни
явился, – ибо я знаю, что ты придешь, – я Кир,
создавший персидскую державу. Не лишай же меня
той горстки земли, которая покрывает мое тело.*

Надпись на гробнице Кира в Персиде⁵

*Чистая правда со временем восторжествует...
В. Высоцкий*

---

⁵ «Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы. Прочтя же надгробную надпись, Александр приказал начертать ее также и по-гречески». *Плутарх*. Избранные жизнеописания.

Часть первая

«L'IMPERATRICE»⁶

*Достойно вести себя, когда судьба
благоприятствует, труднее, чем когда она
враждебна*

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

Оллария

399 года К.С. 11-й день Осенних Волн

1

Первый маршал Талигойи не обязан самолично чистить

---

⁶ «Императрица» – высший аркан Таро. Символизирует соединение внешнего и внутреннего могущества, уравновешенного разумом, указывает на то, что некий процесс близок к завершению, можно надеяться на успех, все происходит естественно, без напряжения. Может говорить о предстоящем рождении ребенка, а также указывать на деспотичную особу женского пола, у которой отсутствует способность критически оценивать свои действия. Перевернутая карта (ПК) указывает на бесполезный труд, безрадостность, упадок творческих сил, домашние хлопоты, материальные затруднения, часто мщение, семейные неурядицы, служебные трудности.

лошадей, но что делать, если никого не хочешь видеть, а каждый день превращается в пляску то ли среди тухлых яиц, то ли среди ядовитых змей? Тут сбежишь не только на конюшню, но и на кладбище. Покойники ни о чем не просят и ничего не требуют, а выходцы... Живые бывают отвратнее. И опасней.

— Ну что? — тоскливо спросил герцог Эпинэ своего жеребца. — Что скажешь?

Дракко ответил коротким фырканием и чувствительным тычком в плечо. Робер решил, что в переводе с лошадиного сие означает: «Хватит отмерять, пора отрезать».

— Уверен? — рука герцога скользнула по огненной гриве, такой же, как у иноходца из то ли снов, то ли видений. Дракко еще разок фыркнул и ухватил хозяина за ухо. Не больно, а в шутку. В отличие от Робера полумориск был в отменном настроении и желал одного — пробежаться.

— Успеешь, — заверил Эпинэ расшалившегося друга, — мы с тобой еще погуляем, а сейчас мне нужно еще кое к кому...

«Кое-кто» прижал уши, но войти позволил. Моро смирился с присутствием Робера, но больше не подпускал к своей особе никого. Даже тех, кого знал по прошлой жизни. Королевские конюхи, воспринявшие перемены с философским спокойствием, обходили черного змея по стеночке. В их присутствии мориск не желал ни есть, ни пить, смотрел зверем и норовил врезать любому, до кого удастся дотянуться.

Конечно, управа бывает и на таких: жажда сломит любую

лошадь, но Эпинэ наорал на умника, предложившего оставить строптивца без воды. Робер не мог предать Моро, ведь он был тенью клятвы, о которой знали только Повелитель Молний и Повелитель Ветров. По крайней мере, Роберу хотелось думать, что Алва знает. И Первый маршал Талигойи самолично таскал ведра и мешки, возился со скребницей и проминал осиротевшего жеребца, несмотря на ревность Дракко и скрытые ухмылки конюхов, вбивших в свои дурные головы, что Эпинэ приспичило прокатиться на чужой лошади.

– Здравствуй, – маршал Талигойи медленно протянул руку к черной шее. Моро не отшатнулся, но и не потянулся вперед, а остался стоять, как стоял. Жили только глаза, да вбирали знакомый, но все равно чужой запах влажные ноздри. Гематитовая статуя из мертвого города, которая вдруг почти ожила.

– Есть будешь? – спросил герцог, он всегда спрашивал, хотя Моро никогда ничего не брал из рук. Не взял и сейчас. Эпинэ выждал пару минут – пусть в очередной раз привыкнет к неизбежности – и, взявшись за недоуздок, велел конюхам приниматься за уборку. Моро коротко и зло всхрапнул, превратившись на мгновение в живую лошадь.

Робер с радостью бы забрал Моро в родовой особняк, но жизнь Первого маршала Талигойи протекала где угодно, но не в построенном Рене Эпинэ доме на улице Синей Шпаги. Оставить вороного там означало обречь его на заточение в

деннике, от чего даже лучшая лошадь за месяц выйдет из порядка⁷. Робер выбрал меньшее из зол и привел мориска в дворцовые конюшни. Альдо это не нравилось, коню тоже.

– Монсеньор, осторожней!

Никола... Разыскал-таки. От настырного коротышки уйти не проще, чем от судьбы.

– Успокойтесь, Карваль, – Эпинэ скосил глаз на вновь окаменевшего мориска, – смерть от лошадиных копыт мне не грозит.

– Так то от лошадиных, – скривился южанин, – а этот зверь похлеще Чужого будет.

– Ничего он мне не сделает, – отрезал Робер. – Что случилось? Ведь просил же...

– Вас хотят видеть.

Раз «хотят», значит, речь о Его Величестве Альдо Первом Ракане. Никола, хоть и прыгнул из капитанов Талига в генералы Талигойи, благодетеля не возлюбил, избегая называть того по имени, не говоря уж о титулах. А Робер так же упрямо называл, тем более что считать Альдо другом мог уже с трудом. Когда-то это выходило само собой, но чем дальше, тем больше походило на вранье.

Робер угрюмо глянул на суетившихся конюхов, и те, не дожидаясь окрика, замахали вилами еще чаще. Пять минут сюзерен подождет, не стоять же Моро целый день среди на-

---

⁷ Вышла из порядка (спец. термин) – лошадь стала вялой, потеряла аппетит, неохотно движется во время тренинга, снизила упитанность, стала хромать и т. д.

воза. Эпинэ поймал довольный взгляд Карваля – радуется, что его «Монсеньор» не мчится к королю, задравши хвост. Любопытно, что б выбрал Никола, окажись он между Альдо и Алвой?

Повелитель Молний вздохнул, предвкушая очередной неприятный разговор. Конюхи уйдут, и верный вассал в сотый раз спросит, когда они вернутся в Эпинэ, а сюзерен в сто первый ответит, что не сейчас, и спрячется за присягу, хотя дело в другом. Нельзя бросать Олларию на милость обалдевшего от победы вертопраха и падальщиков, которых становится все больше.

Глухо звякнули вилы. Конюхи закончили работу, и Робер кивнул – уходите. Здоровенные дядьки бочком скользнули за дверь, казалось, они боятся не столько Моро, сколько чего-то, чего сами не понимают. Иноходец тоже многого не понимал и еще большего боялся. Боялись многие – заливающие страх вином солдаты, ошалевшие от ужаса горожане, шарахающиеся от людей псы. Боялись и ждали то ли зимы, то ли беды, то ли того и другого.

– Никола, – окликнул Робер, – принесите воды. Я его держу.

Карваль без лишних слов приволок четыре ведра, вылил в каменную колоду и поспешно отступил. Робер выпустил недоуздок, Моро передернул ушами, но к воде не потянулся. Не хотел, чтобы видели его пьющим, сдавшимся, предавшимся. Людям бы такую гордость и такую верность! Эпинэ ед-

ва сдержал желание потрепать лоснящуюся шею. Нет, Повелитель Молний не боялся, что конь его покалечит, просто это было чем-то, на что он не имел права. Все равно что лезть в постель к жене угодившего в беду друга. Может быть, потом, когда он расплатится с долгом, он и попробует приласкать Моро. С разрешения хозяина...

– Идемте, Никола. Что нового? Дождя нет?

– Нет... Курше повесил пятерых мародеров. На сей раз из полка Окделла. Бывшие люди Люра.

Пятерых поймали, а пять тысяч живут в свое удовольствие. Лэйе Астрапэ, ну как объяснить Альдо, что король в своей стране не завоеватель, а хозяин. Грабят те, кто не надеется удержаться, но сюзерен уверен, что пришел навсегда, и делает глупость за глупостью.

Конечно, можно махнуть на все и вся рукой и удрать. Мятеж, ибо как еще назвать то, что случилось, захлебнется в своей и чужой крови, но к этому времени они будут далеко. Из Эпинэ можно попробовать договориться с Савиньяками или хитрюгой Валмоном, а не выйдет – удрать в Алат...

– Никола, я должен вам сказать раз и навсегда, что не уйду из Оллари. По крайней мере, пока не прекратятся грабежи.

А прекратятся они, когда «победителей» вышвырнут из столицы к кошачьей матери...

– Монсеньор! – Карваль резко остановился – борец за великую Эпинэ не мог на ходу говорить о том, что его волновало. – Монсеньор, я бы счел бесчестным бросить жителей

столицы на произвол судьбы. Кроме нас их защитить некому. Ублюдки-северяне горазды только грабить и предавать.

У Никола во всем виноваты «ублюдки-северяне», хотя среди северян мародеров как раз и нет. Или почти нет. Уроженцы Придды, Ноймаринен, Бергмарк, Надора испокон веку шли в северные армии, а в принявшей сторону Альдо Резервной большинство составляли жители центральных графств, только для Никола все, что не юг, то север. Впрочем, для бергеров все, что не Торка, то юг...

– Карваль, – Робер взял генерала под руку, – я намерен просить у Его Величества особых полномочий для себя и место коменданта Олларики для вас.

Никола в ответ уставился на свои сапоги, и Робера осенило, что Карваль похож на молодого бычка, сильного, упорного и все равно смешного.

– Я готов, – маленький южанин, усугубляя сходство, с шумом выдохнул воздух, – но у вашего Ракана можно только требовать, иначе без толку.

Требовать тем более без толку потому, что Альдо вообразил, будто ему принадлежит весь мир. Сюзерена разуверит разве что армия фок Варзов в предместьях Олларики, да и то не сразу, но виноват не Альдо, а тот, кто начал, то есть герцог Эпинэ. Можно криком кричать, что ты не хотел, не собирался, не думал, толку-то? Это Создатель видит намерения, люди живут по другому закону: сделал – отвечай. Или беги, если у тебя нет совести.

– Не нужно было забираться за кольцо Эрнани, – не удержался Никола, – пускай бы сами выкарабкивались. Только раз зашли, нужно держаться и думать, как быть дальше.

– Да, – эхом откликнулся Повелитель Молний, – нужно думать.

И не только думать, но и делать. Спасать город, горожан и тех солдат, которые просто выполняют приказы. И растерявшихся тоже надо спасать, и запутавшихся в чужих делах и делишках, а еще есть Багерлее и ворохи доносов и жалоб в новой канцелярии.

2

– Заходи, – Альдо Ракан приветливо улыбнулся, и Дик невольно улыбнулся в ответ, – как дела?

– Хорошо, – выпалил герцог Окделл, потому что все действительно было хорошо, даже погода. Утреннее солнце заливало королевский кабинет золотом, играя на старинном оружии и начищенных до блеска подсвечниках. Дворец словно бы радовался возвращению законного хозяина.

– Я тоже думаю, что неплохо, – кивнул сюзерен, – а будет еще лучше. Да ты садись, нечего над душой стоять. Ты мне вот что скажи – ты по-прежнему живешь у Рокслеев?

– Да, – Дик с готовностью уселся на вызолоченный стул. – Они наши соседи и вассалы... То есть были нашими вассалами.

– И будут, – твердо сказал Альдо. – Ричард, пока это тайна для всех или почти для всех, но не для тебя. Я верну старые порядки. Не кабитэлские – гальтарские. Золотые земли вновь станут единой империей. Не будет никаких гайиф, гаунау, фельпов, только Золотая Талигойя от моря до моря. Ну, Повелитель Скал, что скажешь?

Дик был бы и рад что-то сказать, но слова куда-то делись, остались лишь восторг и неистовое желание немедленно броситься в бой. Альдо слов на ветер не бросает. Он обещал привести их до конца года в Олларию – и привел! Теперь последний из Раканов обещает возродить Золотую империю – и сделает это, а Ричард Окделл встанет с ним рядом. Сюзерен усмехнулся.

– Вижу, согласен, ну и слава истинным богам! Глава Великого Дома должен жить в собственном дворце, а не в гостях у вассала, пусть и верного. Кто захватил дом Окделлов?

Дом Окделлов не захватывал никто. Когда расширяли Триумфальную улицу, корона выкупила и снесла мешавшие здания, среди которых был и особняк с вебрями на фронто-не. Это было при деде Ричарда герцоге Эдварде, закладывать новый дворец Повелитель Скал не стал, предпочтя увезти деньги в Надор. Отец пустил золото Алисы на нужды восстания, но его все равно не хватило.

– Ты не знаешь, что за тварь прибрала к рукам твой дом? – сюзерен казался удивленным. – Или кого-то покрываешь?

– Ваше Величество...

– Я, конечно, твой король, – сюзерен откинулся в кресле и закинул ногу на ногу, – но прежде всего я – твой друг. Пока мы вдвоем, зови меня Альдо, а то я, чего доброго, позабуду собственное имя. Так кто вас ограбил?

– Дед сам продал особняк, – объяснил Ричард, – и его снесли. Когда строили дорогу.

– Понятно, – протянул Альдо, – и теперь у потомка Ала-на Святого в столице нет собственного угла. Впрочем... Ты почти год жил во дворце Алвы, как он тебе? Нравится?

– Да, – начал Ричард, но договорить не успел.

– Он твой. Со всеми потрохами. – Сюзерен взял перо и что-то быстро набросал на плотном листе. – Вот тебе дарственная, только мой тебе совет – выгони слуг. От кэналлийцев можно ожидать любой подлости.

Альдо Ракан в очередной раз был прав, слуги Ворона – враги. Особенно Хуан со своими головорезами, хотя бывший работороговец наверняка удрал, бросив и дом, и господина. Наживающиеся на чужих страданиях всегда были и будут трусами, бьющими в спину.

– Что молчишь? – поднял бровь Альдо. – Язык проглотил?

– Благодарю, Ваше Вели... Извини, Альдо. Спасибо тебе. Я могу взять к себе сестру?

– Разумеется. – Король почему-то нахмурился, или ему показалось? Показалось... Из-за освещения: только что было солнце, а сейчас набежали облака.

– Айрис – фрейлина Ее Величества, – напомнил Ричард, –

она была с королевой в Багерлее.

– Дикон, – рука Альдо легла на плечо Дика, – я понимаю, ты вырос в Талиге, но сейчас ты живешь в Талигойе. Не сомневаюсь, что Катарина Оллар – достойная женщина, но она не королева и никогда ею не была. Так же как ее жирный муженек никогда не был королем.

– Но... Да, конечно... Ты говорил, что олларианство незаконно, значит, Катарина Ариго не жена Фердинанда Оллара.

– Не жена, – медленно произнес король, – и, вместе с тем, жена. В глазах других. Четыреста лет не выкинешь за дверь, как грязную тряпку, как бы этого ни хотелось. Понадобится года четыре, чтоб вымарать из памяти Олларов, и в десять раз больше, чтоб вернуть Талигойю к истинным богам. Я не могу встать и объявить, что с сегодняшнего дня олларианские браки недействительны, ведь тогда во всей стране не найдется ни одного законнорожденного. Представляешь, какая поднимется неразбериха?

Дик представил и понял, но легче от этого не стало. Перед Создателем Катари свободна, но для людей она прикована к своему проклятому мужу, оставшемуся в живых из-за дурацкой выходки Ворона и глупости Робера.

– Катарину Ариго выдали замуж насильно!

– Не сомневаюсь, – кивнул Его Величество, поигрывая кинжалом, – ни одна девушка по своей воле за Оллара бы не вышла, но это не наше дело. Я жду нового кардинала. Если госпожа Оллар захочет развестись, эсператист ее разведет.

Ты мне другое скажи, почему ты поселился с Рокслеями, а не с Робером? Поссорились?

Нет. И да. Потому что Иноходец изменился не в лучшую сторону, но Альдо и Робер друзья, а Ричард Окделл не наутник.

– Мы не ссорились, – твердо сказал юноша, – просто... Герцог Эпинэ очень занят. Он дома почти не бывает, и у него живут его южане.

– Неприятные люди, – скривил губу король, – лично я предпочитаю север. Он прямей, благородней, преданней... Робер никогда мне не изменит, но юг думает лишь о себе. Им нет дела до величия страны, справедливости, чести, лишь бы накормить овец и нажраться своего чеснока. Южане по духу не воины, а крестьяне и торговцы, даже дворянство.

Ричард промолчал, чтоб не показаться подлизой, но в глубине души не мог не согласиться. Пусть Альдо не был великим бойцом, но в людских душах он читал, как сам Дидерих, с первого взгляда понимая, кто чего сто́ит.

– Смотри, – Альдо отдернул занавеси, – снова солнце. Это наша с тобой судьба, Дикон. Свет, тень и снова свет... Ты согласен?

– Да, – твердо ответил Повелитель Скал.

– Вот этим ты от Робера и отличаешься, – взгляд сюзерена стал грустным. – Эпинэ не верит в хорошее, он идет за мной не побеждать, а умирать. Я его не виню, на беднягу и так свалилось слишком много: Ренкваха, Дарама, смерть деда и

матери... Иноходец не в состоянии понять, что мы победили, я уже отчаялся отучить его бояться.

Бояться? Ричард с непониманием уставился на Альдо. С Робером в последнее время было ужасно тяжело, но трусом он не был. Кто угодно, только не Эпинэ!

– Альдо... – Святой Алан, как же это объяснить? – Робер – смелый человек. Он ведь Повелитель Молний!

– А я и не говорю, что Иноходец – трус, – король невесело улыбнулся, – его беда не в том, что он боится умереть, а в том, что он боится жить. Эпинэ всю жизнь терял тех, кого любил: отца, братьев, друзей, деда, мать... И чем меньше у него остается близких, тем больше он боится. Не за себя, за уцелевших, то есть за нас с тобой, за Матильду, за своих воюющих южан... Его б воля, он запер бы нас всех в сундуке, а сам бы сел сверху. С пистолетом.

Если мне, избави Ушедшие, придется отступать, никто лучше Эпинэ не прикроет спину, но наступать он не умеет и вряд ли сумеет. Робер – мой арьергард, а мой авангард, Дикон – это ты. Ты, и никто другой, потому что Придды думают только о себе, а перебежчики тем более.

– Ваше Величество, – Ричард вскочил, едва не опрокинув стул, – я уже дал присягу, и я буду верен делу Раканов до смерти.

– Я знаю, – Альдо засмеялся и протянул юноше руку, – садись, мы не на Совете. А теперь, Ричард, мне придется тебя огорчить. Ты говорил мне о своей даме. Вы уже виделись?

– Нет, – вспыхнул Дик, – еще нет... Она нездорова, и я не знаю...

– Зато я знаю, – резко бросил Альдо. – Герцог Окделл не может жениться на куртизанке, неважно, замужем она или нет. Можешь думать, что хочешь, но подбирать объедки Валмонов и Савиньяков я тебе не дам.

На куртизанке?! Дик задохнулся от удивления, но потом сообразил: сюзерен говорит о Марианне. О встречах Повелителя Скал с Катари не знает никто, а баронесса и ее расфранченный супруг секретов из его визитов не делали. Что ж, тем лучше! Прежде чем рассказать сюзерену о них с Катари, нужно ее подготовить, объяснить, что от Альдо можно ничего не скрывать.

Хорошо, что Айри – фрейлина, она ему поможет, а в том, что брат добивается встречи с сестрой, нет ничего удивительного. Он и вправду будет рад встрече, герцог Окделл больше не нищий, он может дарить сестре коней, ожерелья, меха...

– Ну, – рука Альдо стиснула плечо Дика, – что замолчал? Злишься? Ничего, потом сам спасибо скажешь.

– Ваше Величество, – Ричард с трудом сдержал улыбку, – клянусь, я никогда не женюсь на Марианне Капуль-Гизайль.

– Ну и слава истинным богам. Но нанести красотке визит ты просто обязан, – Альдо от души стукнул Ричарда по спине, – она будет в восторге.

Дик невольно рассмеялся. Марианна будет рада, но он ве-

рен Катари и только Катари. Вот Альдо удивится, когда узнает правду! А может, не ждать встречи и сказать прямо сейчас? У Окделла нет и не может быть секретов от Ракана.

Дверь распахнулась, и на пороге появился гвардеец с белой перевязью.

– Ваше Величество, герцог Эпинэ. По вашему приказу.

3

Альдо был не один. У стола стоял Ричард Окделл, и вид у мальчишки был, мягко говоря, блаженный. Наверняка Альдо накормил сына Эгмонта очередными великими замыслами, а тот проглотил и не поморщился. Лэйе Астрапэ, вместо того чтоб думать, как выбраться из ловушки, сохранив голову на плечах, сюзерен ловит в пруду луну, а Дикон держит ведро.

– Я тебе нужен? – улыбнулся Робер, устраиваясь в свободном кресле. Раньше он не думал, как садиться и что говорить.

– Ты мне всегда нужен, – заверил король на час. – Ричард, отправляйся домой. Смотри, устраивайся хорошенько, мы к тебе в гости придем. Примешь?

– Альдо, – расцвел Дикон, – я...

– Идите, герцог, – махнул рукой Альдо, – и не забудьте взять с собой солдат, мало ли...

– Куда ты его? – полюбопытствовал Робер, разглядывая

невыгоревшее пятно на обитой серо-голубым шелком стене. Альдо Ракан успешно избавился от портрета Франциска Оллара, великая победа, ничего не скажешь!

– Отдал ему особняк Алвы, – сообщил сюзерен, – заслужил.

– Алвы?! – Роберу в который раз за последние месяцы показалось, что он ослышался. – Ты с ума сошел?

– Ну что ты взъелся? – не понял сюзерен. – Хватит герцогу спать у графов!

– А ты подумал, каково жить в доме, где каждая тряпка напоминает о предательстве?

– Какое предательство? – не понял Его Величество Ракан. – Долг эориев – служить анаксам, и никому больше.

– А долг оруженосца – служить эру, – опять этот разговор глухого с глухим, сколько можно и, главное, зачем? – На этом стояло талигойское рыцарство. Если ты собрался возвращать старые порядки, не превращай преступление в подвиг.

– Ерунда, – отмахнулся Альдо, – я могу освободить своего вассала от любой клятвы.

– Можешь, – вздохнул Эпинэ, – но от совести не освободит даже сюзерен. Дикон по уши обязан Ворону.

– А ты? – перебил Альдо.

– Что я?

– Ричард по уши обязан герцогу Алва, а ты? Уж не должок ли ты возвращал, когда у тебя на глазах располосинили

беднягу Люра, а ты пальцем не пошевелил?

– Это правда, – медленно произнес Робер Эпинэ, – я обязан Алве жизнью, но тогда я об этом забыл.

– Забыл так забыл. В любом случае вы теперь квиты.

Ой ли? Алва выпустил Повелителя Молний из ловушки, в которую его заманили Лис и собственная глупость, а Ворона никто не ловил. Он пришел сам, вот только зачем?!

– Альдо, почему меня не пускают в Багерлее?

– Потому что тебе там нечего делать, – отрезал Альдо. – В Багерлее собралось не то общество, которое тебе нужно. После коронации решим, куда их девать.

– Ваше Величество, – зря он затеял этот разговор, ничего, кроме ссоры, из него не вырастет, – каковы будут ваши распоряжения?

– Успокойся, – хмыкнул Альдо, поправляя новое кольцо со Зверем, – на твой век войн хватит, а еще раз обзовешь наедине величеством – придушу.

– Войны пока ждут. – Не величество так не величество, и на том спасибо. – Нам бы бунта не допустить. Карваль делает, что может, но он всего лишь генерал. Один из многих. Если тебе нужно, чтоб в городе был порядок, назначь его комендантом.

– Ричард от твоих чесночников не в восторге, да и я тоже.

– А горожане не в восторге от твоих мародеров. Альдо, нужно что-то делать, пока нас окончательно не возненавидели.

– Ты нашел деньги? – осведомился Его Величество. – Тогда одолжи.

– Откуда? – пожал плечами Робер. – У меня золотых приисков нет.

– И у меня тоже, – сюзерен поднял какие-то бумаги, потряс ими в воздухе и бросил на стол. – Пока мы не можем платить, приходится брать.

– «Брать»? – переспросил Иноходец. – Ты называешь это «брать»?

– Назвать можно как угодно, – пожал плечами Альдо. – Мне нужны солдаты, а солдатам нужно платить. Если б не твое чистоплюйство, деньги бы у нас были, а так – терпи.

– Деньги бы были, а честь вряд ли. Если ты король, ты должен держать слово.

– Я и держу, – огрызнулся Альдо, – но ты никакого слова никому не давал. Тебе в руки попался убийца отца и братьев. Кто тебе мешал его прикончить? Я б тебя громко отругал, а тихо поздравил, зато мы бы избавились от Ворона. Навсегда... Ладно, что не сделано, то не сделано. Садись, пиши.

– Что писать?

– Рескрипт о назначении барона Айнсмеллера цивильным комендантом Кабитэлы, а твоего Карваля – военным. Под твою ответственность. Пусть гоняет мародеров, но за каждого убитого солдата будут вешать четверых горожан. Найдут виновных – хорошо, не найдут, сгодятся первые попавшиеся. К коронации в Олларии, тьфу ты, в Кабитэле должно быть

тихо.

Спорить бесполезно. Отказаться? Столицу отдадут на откуп Айнсмеллеру, которому самое место на эшафоте, только и всего. Герцог Эпинэ со присными останется чист, только вот убитым и ограбленным от этого легче не станет.

Первый маршал великой Талигойи пододвинул кресло к столу и взял золотистое дриксенское перо.

– Диктуй, я готов.

Глава 2

Ноймаринен

399 года К.С. 12-й день Осенних Волн

1

Из осенней мглы закатным мороком проступили шпили аббатства Святого Хорста. На излете Двдцатилетней войны Михаэль Ноймаринен и Алонсо Алва не пожалели золота для усыпальницы погибших в начале бойни. Нашлось под сводами из серебристого кэналлийского мрамора место и Ги Ариго, если только похороненный с почестями изломанный скелет принадлежал повешенному после смерти генералу. Из заступившего дорогу дриksam отряда уцелело четырнадцать человек, до победы дожило двое – герцог Миха-

эль и получивший баронство капрал-южанин...

– Мой генерал, – голос был низкий и хриплый, – разрешите представиться. Полковник Ансел. Приказ регента.

Жермон оторвал взгляд от вызолоченных игл, сшивавших прошлое с настоящим, и обернулся. Полковник Ансел был немолод и спокоен, как и положено человеку, в полном порядке выведшему солдат из захваченного предательством города.

– Рад знакомству, – совершенно искренне произнес Ариго. – Чего хочет регент?

– Монсеньор поручил мне временно принять вверенный вам авангард, вам же в сопровождении тенъента Сэ надлежит незамедлительно отправиться в резиденцию маршала фок Варзов. Вот рескрипт.

– Что-то случилось? – Жермон развернул приказ, в котором, кроме печати и подписи, имелось лишь семь слов: «Сдай командование Анселу. Жду в Вальдзее. Срочно». Рудольф никогда не страдал бумажным многословием и никогда не торопил зря.

– Не имею достоверных сведений, но полагаю, что да, – отчеканил Ансел. Есть ли у него родичи или только друзья и сослуживцы? Ариго кивком попрощался с золотыми шпильками и лежащим под ними предком. Ансел ждал указаний, за спиной полковника блеснули черные глаза виконта Сэ. Закатные твари, половину Савиньяков звали Арно, а до старости дожил лишь пасынок Алонсо. Один за всех. Генерал под-

крутил усы.

– Ансел, представляю вам полковника Карсфорна, он все объяснит. Гевин, я на вас надеюсь. Желаю удачи. Едемте, те-
нъент.

Гевин Карсфорн дотошен, как четыре бергера, а полков-
ник Ансел не из тех, кто теряется, до Гельбе как-нибудь до-
берутся, а что дальше – сам Леворукий не знает, а знает, так
не скажет. «Жду в Вальдзее...» Регент счел возможным от-
стать от армии и задержать командующего авангардом, а мо-
жет, не только его. Дело плохо или, наоборот, хорошо?

– Арно!

– Мой генерал?

– Регент в Вальдзее?

– Я оставил его утром в Абентханде. – Арно умело раз-
вернул коня, пропуская здоровенную фуру. – Это три часа
кентером до Вальдзее.

– Знаю, – еще бы ему не знать Северную Придду. – Фок
Варзов в Гельбе?

– Насколько мне известно, в Хексберг, – улыбнулся Ар-
но. – По крайней мере, герцог послал курьера именно туда.

Маршал покинул Гельбе. Это может значить лишь одно:
дриксы решили начать с оставшейся без флота крепости.
Удачный момент, ничего не скажешь. Взяв Хексберг, Его Ве-
личество Готфрид положит в карман всю Приморскую При-
дду, а Западная армия окажется в мешке. Весело!

Граф и виконт конь о конь ехали вдоль марширующих

мушкетеров и артиллерийских запряжек. Скрипели колеса, фыркали кони, переговаривались и напевали возчики. Рудольф перебрасывал из Ноймара в Придду то, что называлось личными резервами Проэмперадора Севера, а на деле было пусть небольшой, но отменной армией, которую содержали герцоги Ноймаринен. Теперь Людвиг может рассчитывать лишь на бергеров, а что, если «гуси» рискнут и там? Принц Фридрих упрям и завистлив: куда Ворон с когтями, туда и «гуси» с перепонками.

Хексберг, Гельбе, Агмарен... Агмарен, Гельбе, Хексберг... Хочешь не хочешь, силы дробить придется, а резервов теперь не дождешься. И пушек новых не дождешься, и фуража...

– Мой генерал, поворот на Вальдзее!

– Вы здесь впервые, виконт?

– Да, сударь!

Двадцать лет назад все было наоборот. Почти наоборот. Генерал Савиньяк и потерявший имя и отца тенъент. Арно-младшего еще не было на свете, Арно-старший сказал «забудь и воюй». И Жермон Ариго воюет до сих пор.

– Красивое место, – генерал привстал в стремени, приветствуя гранитную стелу с неуместной среди лесистых холмов касаткой, – и замок красивый. На юге строят иначе. Вы давно были в Сэ?

– Перед Лаик, – Арно улыбнулся немного виновато. – Мне Давенпорт на Зимний Излом обещал отпуск, но теперь от-

пусков нет. Вы знаете, что Сэ сожгли?

Розовое от заката озеро, золотистые башенки, флюгера в виде оленей и розы, множество роз. Арлетта Савиньяк обожала цветы и сыновей...

– Что с матерью? – Жена Арно любила Сэ больше остальных замков. – Она была там?

– Матушка в безопасности. Она уехала в Савиньяк, успела. Так говорит барон Райнштайнер.

– Если Райнштайнер что-то говорит, – подтвердил Жермон, – так оно и есть.

– Мой генерал, спасибо...

Дорога на Вальдзее казалась безлюдной. До первого поворота, за которым обнаружились мушкетеры с бирюзовыми обшлагами. Бергеры, отпущенные маркграфом в распоряжение тестя. Под увенчанной роскошными перьями шляпой мелькнуло знакомое лицо. Катершванц, но который? Жермон натянул повод и поднял руку, приветствуя огромного полковника.

– Добрый день, сударь. Я просто обязан передать вам привет из Агмарена. От родича.

– Я очень благодарный, – беловолосый гигант расплылся в улыбке, которая сошла б за волчью, не будь ее обладатель размером с медведя. – В горах есть холодно или имеет быть жарко?

– Когда я уезжал, гуси махали крыльями, но не взлетали, – хорошо, что на белом свете существуют Катершванцы,

их присутствие успокаивает, — но я вынужден уточнить, с кем из сыновей барона Зигмунда я беседую.

— Я есть Эрих, — с готовностью признался огромный полковник, — я и находящийся в Гельбе Дитрих есть средние близнецы. Мы меньше Эрхарда и известного вам Герхарда, и мы еще не есть два генерала, а только полковник и еще один полковник. Мы похожи, да. Когда мы с Дитрихом в одном месте, я надеваю на шею малиновый платок, а брат-близнец — белый. И все становится совсем просто.

— О, да, очень просто. — Разговор с горцами требует обстоятельности, и Ариго совершенно искренне добавил: — Я рад, что рядом со мной будет сражаться Катершванц из Катерхаус.

— Я тоже есть весьма горд, — не моргнув глазом заверил брат Герхарда, — рядом с нами есть также двое мои юные племянники. Я буду рад представлять их другу моего старшего брата.

— Буду очень рад. — Чем больше бергеров, тем лучше, а еще лучше было бы, заявись в Придду сам Зигмунд со всем потомством и потомством потомства. Увы, глава фамилии отпускал в Талиг только младших, а старшие сидели на перевалах. — Эрих, вы давно здесь?

— С конца ночи, которая закончилась, — сообщил полковник. — Мы есть личный эскорт герцога Ноймаринен, который находится в резиденции графа фок Варзов, который сейчас есть отсутствующий и исполняющий свои обязанности в

Хексберг, которая имеет подвергнуться нападению большого количества «гусиных» кораблей с моря и «гусиных» человек со стороны суши.

Говори Катершванц по-бергерски, он бы уложился в четыре слова. Другое дело, что каждое состояло бы из шестнадцати талигойских. Когда-то Жермон Ариго едва не упал в обморок, услышав в ответ на свое приветствие словечко длиной в Рассанну, теперь привык.

– Йоган и Норберт были со мной в Лаик, – сообщил Арно Сэ, когда они отъехали. – Мой генерал, дриксы не должны взять Хексберг!

– Значит, не возьмут, – отрезал Жермон. – Хексберг никто еще не брал, на то он и Хексберг.

Агмарен тоже никто не брал, но все когда-то бывает впервые. Взяли же Барсовы Врата, а Олларию не повезло дважды, правда, первый раз она была Кабитэлой.

– Мой генерал, – Арно доказал, что умеет молчать и держать субординацию, и теперь был не прочь поговорить, – вы не думаете, что Дриксен или Гаунау усилят натиск на перевалы?

Иными словами, не прорвутся ли «гуси» в Ноймаринен, раз оттуда ушли войска. Его отец так бы и спросил, но нынешний Арно не только Савиньяк, но и Рафиано. Сразу и дипломат, и военный... Такой и с закатной тварью справится. Не клинком, так языком!

Жермон поймал выжидающий, серьезный взгляд. Виконт

Сэ хотел знать все и наверняка. Граф Ариго тоже бы не отказался, но ясновидящие водятся только в сказках.

– Ноймаринен, Агмарен и Бергмарк держатся много лет. – Это очевидно, но иногда об очевидном следует напоминать и другим и себе. – Правда, принц Фридрих не прочь покрыть себя славой, но зима защитит перевалы лучше любой армии, а к весне Альберт наберет несколько новых полков, да и бергеры поднимут тысяч десять-пятнадцать. Торка отобьется, это в Придде может по-всякому повернуться.

– Да, – кивнул Арно, – раньше у фок Варзов было не тридцать четыре тысячи, а все пятьдесят.

Внук Рафиано не сказал, что мысль усилить Надор и экспедиционную армию за счет Западной оказалась не лучшей, вопрос был написан у тенъента на носу, и Жермон ответил:

– Это казалось разумным. Твоим братьям нужны были обстрелянные полки, а не набранный в окрестностях Олларики сброд. Талигу повезло, что Лионель успел разбить Кадану и перекрыть восточные проходы из Гаунау. Другое дело, что резервы из Олларики нам больше не светят, но Двадцатилетняя война началась еще хуже.

– На границах хуже, – тряхнул головой родич и тезка Арно Каделского, – но не в столице.

– В Олларики тоже бывало по-разному, – усмехнулся Жермон. – Алонсо королевского братца не просто так расстрелял, но ты прав, Излом нам еще тот достался. Ничего, выпускается.

– Конечно! – расцвел виконт Сэ. Он был умницей, потомком маршалов и экстерриоров, но ему не было и двадцати.

2

На Гербовой башне реял регентский штандарт, а рядом торчал пустой флагшток, знаменуя отсутствие хозяина. Когда Вольфганг фок Варзов был в Вальдзее последний раз? Скорее всего, весной, в годовщину смерти жены. Принес в склеп незабудки и кленовые ветви, подождал, пока сгорят четыре свечи, и вернулся к армии. Другой семьи у маршала не осталось, да она ему и не нужна.

– Вас ждут. – Бравый – еще бы, Рудольф других не держал – капрал принял лошадей. Сэ отковырял Жермону и смешался с молодыми офицерами. К ногам графа Ариго упал бурый дубовый лист: Вальдзее славилась дубравами, это в Гайярэ росли каштаны.

– Мой генерал, сюда. – Дежурный порученец, задыхаясь от чувства долга, провел генерала в кабинет фок Варзов. Жермон мог ходить по резиденции фок Варзов с закрытыми глазами, но зачем огорчать мальчишку?

Знакомая дверь с взметнувшейся на гребне волны касаткой, мягкий свет камина, запах яблок. В Вальдзее всегда пахнет яблоками, даже зимой.

– Заходи. – Рудольф Ноймаринен в черно-белом мундире стоял у окна, за столом сидели еще двое. С графом Гоген-

лоэ-цур-Адлербергом Жермон был знаком, второй, темноглазый толстяк в годах, слишком походил на Арлетту Савиньяк, чтобы быть кем-нибудь, кроме ее брата-экстерриора.

– Садись, – регент махнул рукой и пошел от окна к камину. – Гектор, это генерал Ариго. Жермон, перед тобой экстерриор Рафиано. Он, впрочем, настаивает на слове «бывший», но мы с ним не согласны.

Жермон пожал плечами – дескать, регенту видней, и сел напротив Гогенлоэ. Герцог дошел до камина, обернулся, усталый взгляд не предвещал ничего хорошего, но кому?

– Альмейда возвращается! – сообщил регент рогатому подсвечнику. – И Вейзель с ним. Алва завернул эскадру и отослал Курта к нам.

– Ворон прав, – с чувством произнес бывший геренций. – Хотя что-то хорошее.

«Что-то» – мягко сказано. «Гуси» полагают Хексберг не то чтобы беззащитным, но уязвимым. То, что Талиг может не только кусаться на юге, но и брыкаться на севере, их не обрадует. Закатные твари, если б не заваруха в Оллари, кесарии пришлось бы весело, но Рудольф начинает с приятного, только когда дело плохо.

– Ну вот, – раздвинул губы регент, – я вас и порадовал, а теперь к делу. Да будет вам известно, что Бруно вышел к границе и армия у него хорошая. Я бы даже сказал, слишком.

К тем тридцати тысячам, что у него были, добавлено шесть кавалерийских полков и не менее пяти вновь набран-

ных полков пехоты. Набирали их из приддских и марагонских ветеранов, по сути – просто собрали тех, кого распустили после гельбского провала, и, говорят, набирают еще. Вдвое увеличили артиллерию. Когда фельдмаршал перейдет границу, у него будет не меньше пятидесяти тысяч.

– Простите мне мою неосведомленность, – шевельнул холеными пальцами Рафиано, – но какими силами располагаете вы?

– Мы, – поправил Гогенлоэ. – Надеюсь, вы не собираетесь вернуться на родину и вспомнить, что Рафиано когда-то было суверенным герцогством?

– Я этого не забывал, – улыбнулся экстерриор. – Кстати, вы не знаете притчу о некоей девице, которая предпочла вручить свою невинность и сундуки соседу с большим мечом, полагая, что в противном случае у нее не останется ни сундуков, ни невинности?

– Девица была мудра, – заметил регент, – обменять свою слабость на чужой меч не каждый может. Что до мечей, то в Гельбе тридцать тысяч, а обороняться легче, чем наступать, благо Придда изобилует водными преградами и крепостями.

– Вы упомянули Альмейду, но не маркграфа, – заметил Рафиано сварливым голосом, – значит, пятьдесят тысяч «гусей» в Придде – еще не все.

– Вы правы, – регент взял кочергу и пошевелил угли, – я буду не я, если «гуси» забудут про перевалы, так что бере-

рам дело найдется. Тем не менее Вольфганг отдал нам агмаренских стрелков, а старик Катершванц пожертвовал Талигу половину своих родственников.

Пятьдесят тысяч против тридцати в обороне под зиму, не так уж и страшно. Если только за спиной все в порядке.

– Как обстоят дела с припасами, – любопытствовал экстерриор, – и с дорогами? Рафиано готово кое-чем поделиться, но это кое-что должно достаться фок Варзов, а не мятежникам.

– Альмейда займется морем, – Рудольф с видимым трудом разогнулся. – Дорога на Кэналлоа тоже свободна, но мы не должны тянуть соки из юга.

– Что ж, – медленно произнес экстерриор, – будем ждать Альмейду и думать, кто обглодал фламинго. Поверьте небывшему экстерриору, «гуси» и «павлины» были поражены не меньше нас.

Рудольф вопросительно поднял бровь, но ответить не успел. На пороге возник Ойген Райнштайнер собственной персоной. Бергер сдержанно поклонился, он был таким же, как всегда. Бледным, невозмутимым и деловитым.

– Господин регент, господа, королевский кортеж прибыл.

– Хорошо. – Рудольф Ноймаринен тронул регентскую цепь и прошествовал к окну. – Господин Манрик не удивился вашему появлению?

– Граф Манрик не считал возможным уведомить меня о своих чувствах, – объявил барон, и Жермон едва не расхохотался.

ся. Воистину в этом мире есть кое-что надежней гор и серьезней Книги Ожидания.

3

– Господа, – усмехнулся регент Талига, – ставлю вас в известность, что в шестой день Осенних Волн полковник Райнштайнер встретил кортеж бывшего кансильера и бывшего же обер-прокурора. Господа, предусмотрительно прихватив казну, кардинала и наших с Жермоном племянников, направлялись через Придду в Ардору. Барон убедил их свернуть в Вальдзее.

– Жаль, барон предъявил свои доводы в Придде, а не в Олларии, – свел брови Рафиано. – Господа, вы не представляете, как нам его не хватало.

– Я получал ваши письма, граф, – Ноймаринен задержался у стола, поглаживая шрам на левом запястье, – но гонцы и армии не летают. Остается утешаться тем, что у Бруно крыльев тоже не имеется.

– Простите, – наклонил голову дипломат, – я забылся. Мне и впрямь пора в отставку.

Отчего ж сразу в отставку? Экстерриоры тоже люди, они злятся, ненавидят, негодуют, сожалеют точно так же, как регенты и генералы. Что сделает Рудольф с зарвавшимися дураками? Повесит, расстреляет, где-нибудь запрет? Жермон бы расстрелял. Перед строем.

– Ваше Высокопреосвященство, прошу вас, – Ойген Райнштайнер распахнул дверь, и в кабинет Михаэля вошли четверо, вернее, трое и один. Русский оллариянец испуганно оглядывался на лысоватого господина в розовом и зеленом, памятного Жермону еще по Оллари. Леопольд Манрик был на два года старше Рудольфа, но ровесниками они не казались никогда. Двадцать лет назад Первый маршал Талига выглядел моложе старообразного тессория лет на пятнадцать, теперь Рудольф изрядно сдал, а Манрик остался прежним – рыжим, наглым и настороженным, как кот в поварне.

Спутников Леопольда граф Ариго в лицо не знал, но холеный красавец с герцогской цепью мог быть только Колиньяром, а суетливый клирик – новым кардиналом. Третий, худой и светловолосый, с лошадиной физиономией и легонькой шпагой, не попадался Жермону ни в Оллари, ни в Торке.

– Ваше Преосвященство утомлены, – герцог Ноймаринен еще медленней, чем обычно, пересек комнату и наклонился к руке кардинала, не замечая остальных. В торских сказках горные хозяева взглядом превращали смертных в камень, Рудольф пошел дальше: он превращал собеседников в пустое место.

Кардинал вздрогнул и затравленно оглянулся на поджавшего губы Манрика. Колиньяр уставился на бронзовый кэналлийский подсвечник, лошадинолицый поднял бровь и едва заметно улыбнулся. Молодец, хоть и не военный.

– Увы, здешние дороги по силам лишь бывалым путешественникам, – с нажимом произнес регент, глядя в растерянное, незначительное лицо.

– Да, – начал кардинал и запнулся, – да, сын мой.

– Дела мирские не стоят вашего внимания. – «Сын» старше духовного отца лет на двадцать и выше на голову, но дело не в росте и не в возрасте. Кардинал не духовный владыка, а кукла, кто ухватил, тот и играет.

– Благодарю вас, Монсеньор – бормочет черный болванчик новому хозяину, – будьте терпеливы, ожидая Его, и будете спасены.

И это преемник Сильвестра?! Худой, остролицый, с мелкими ненужными движениями?

– Чту слово Его, ожидаю возвращения Его и уповаю на прощение Его. – Благочестивые слова в устах Рудольфа напоминали речения, выбитые на пушечном стволе. Может, Создатель и вернется, может, даже простит незлобствующим, но герцог Ноймаринен себе не простит, если пустит «гусей» в Марагону. И фок Варзов не простит, и Жермон Ариго, и малыш Арно...

– Да возрадуются благочестивые души Возвращению Его в землях ли Талигойских, в Садах ли Рассветных.

Его Высокопреосвященство переминался с ноги на ногу, Манрик вскидывал голову, как бракованный жеребец, Ойген Райнштайнер смотрел на всех и ни на кого.

– Я прошу Ваше Высокопреосвященство о беседе наедине

и о благословении, – мягко произнес регент. Бергер с невозмутимым видом распахнул двери, и кардинал, придерживая полы запыленного черного одеяния, исчез за порогом вместе с герцогом.

4

– Прошу садиться, – вежливо произнес Ойген, становясь рядом с Манриком. То ли без задней мысли, то ли наоборот.

Бывший канцильер шумно втянул воздух, но опустился в кресло рядом с Рафиано, Колиньяр устроился напротив, а слева от Жермона оказался обладатель лошадиной физиономии.

– Разрешите представиться, – физиономия изысканно качнулась, – граф Креденьи, в недавнем кратком и неудачном прошлом – тессорий.

Креденьи... их земли лежат в Приморской Эпинэ, а встретиться выпало в Торке.

– Генерал Ариго, – представился Жермон и в приступе вежливости добавил: – Я слышал о вас. Вы ведь были интендантом Северной армии?

– Давно, – вздохнул сосед, – но я всегда вспоминал Придду с любовью и мечтал вернуться. Увы, я не мог предположить, что это произойдет при столь плачевных обстоятельствах.

– «Наши желания суть листья гонимые», – покачал голо-

вой Рафиано. – Господа, вы не находите, что в этом году удивительно теплая осень?

– О да, – согласился с дипломатом Колинъяр. Манрик промолчал. Ойген перешел к камину, достал из стоявшей на треножнике корзины еловую шишку, бросил в огонь. Взлетели рыжие искры, и, словно в ответ, замерцала одна из свечей.

Жермон потянулся за щипцами для нагара, но Гектор Рафиано его опередил. Пламя выправилось. Оно было золотым, а небо за окнами – багровым. Завтра будет ветер, сильный и холодный, он принесет в Придду запоздавшую зиму, но не снег.

– Судя по всему, дорога из Олларики в Придду безопасней, чем в Ургот и Эпинэ? – Граф Гогенлоэ поправил массивный обручальный браслет. На ком был женат геренций, Жермон не помнил.

– На что вы намекаете? – А голос у Манрика тихий и скрипучий, одно слово – тессорий. Тессорием бы и оставался.

– Время намеков кончилось, – зачем-то произнес Жермон, глядя в полыхающее зарево. Окна на закат – радость Леворукому, но в Торке закатов не боятся. Как и ветра, и выстрелов. В Торке боятся тишины.

– Сейчас не время для ссор, – весомо произнес Колинъяр, – нужно спасать Талиг.

– Верно, – подтвердил Жермон Ариго, – но прежде следует уяснить, как Резервная армия и часть гарнизонов перешли на сторону молодого человека, у которого нет ничего,

кроме забытого имени.

– Измена, – буркнул Манрик. – Заговор был раскрыт, но слишком поздно.

– Нелепо объяснять предательство изменой, а измену – предательством, – приподнял губу Гогенлоэ. – Тем более, изменили те, кому вы покровительствовали. Как это понимать?

– Граф, – лицо Манрика пылало не хуже неба за стеклами, но голоса он не повысил, – я не намерен ни перед кем отчитываться.

– В таком случае вам следовало бежать в другом направлении, – любезно сообщил геренций. – Впрочем, куда б вы ни приехали, вас спросят об одном и том же и за одно и то же. Бросив Их Величества, вы совершили государственную измену.

– Фердинанд исчез, – быстро сказал Колиньяр. – Мы не сочли возможным подвергать опасности жизнь наследника короны, принцесс и Его Высокопреосвященства.

– А также свои собственные, – кивнул Ариго, понимая, что на него накатило, – но у меня нет уверенности, что сейчас вы в бóльшей безопасности, нежели в Олларии.

– Это угроза? – хмуро осведомился беглый обер-прокурор.

– Никоим образом, – Жермон улыбнулся отцу Леонарда. – У нас на носу война. Пока с Дриксен, но Гаунау вряд ли заставит себя ждать. Вы изволили удрать от мятежников и изменников, которых вряд ли больше двадцати тысяч, а «гу-

сей» по наши души слетелось, самое малое, тысяч пятьдесят.

– Мне неприятен ваш тон, – угрюмо сказал Манрик, – но вы правы в одном. Сейчас не до личных счетов. Мы отвечаем за Талиг.

– Нет, сударь, – возразил Гогенлоэ, – вы за Талиг никоим образом не отвечаете. Такова воля Его Величества.

– Чем вы можете подтвердить ваши слова? – Теперь у рыжего кансильера побагровели и уши и шея. – Если Его Величество здесь, я требую аудиенции.

– Мы требуем, – уточнил Колиньяр.

– Его Величества здесь нет, – сообщил Рафиано, – к несчастью. Но его распоряжения относительно вас известны.

– Мы, – отчеканил Гогенлоэ-цур-Адлерберг, – вместе с графом Гектором Рафиано присутствовали на Совете Меча, созванном Его Величеством Фердинандом после бегства кансильера и, не побоюсь этого слова, его сообщников. Его Величество лишил должностей всех, отбывших из Олларики без его разрешения.

– От себя замечу, – подал голос от камина Райнштайнер, – что причиной постигших Талиг бед стали действия бывшего кансильера Манрика и бывшего обер-прокурора Колиньяра, среди всего прочего способствовавших назначению Симона Люра и маркиза Сабве, что и стало причиной поражения в Эпинэ.

– Люра казался хорошим генералом, – с усилием произнес Манрик, – он не давал никаких поводов усомниться в его

верности.

– Видимо, вода для этого рыбака была недостаточно мутной, – пожал плечами Гогенлоэ, – но времена изменились, и «хороший генерал» стал плохим.

– Я ошибся в Люра, – Манрик сцепил и расцепил руки, – и готов это признать. Рано или поздно предатель получит по заслугам, как получил Поль Пеллот. Увы, не ошибается только Создатель. Я делал то, что считал своим долгом...

– Долгом? – скривился геренций. – Леопольд, вы, часом, не сменили имя на Алва или фок Варзов? Нет, долг здесь ни при чем. Вы не желали зла Талигу, это так, вы искали добра для себя. Зла ради зла редко кто добивается, оно вырастает само собой. Из желаний, превышающих и права, и возможности.

– Вы не Создатель и не король, чтоб судить, – окрысился Колиньяр. – К тому же прошу не равнять моего брата с негодяем, которого навязал Его Величеству бывший кансильер.

– Господин Рафиано, – светским тоном осведомился Креденьи, – вам, часом, не пришла на ум какая-нибудь притча?

– Рассказывают, – кивнул экстерриор, – что жили у пастуха рыжий пес и бурый козел. Пес отгонял волков, козел исправно крыл коз и водил за собой овец и баранов. И все шло хорошо, но пастух был немолод. Пес и козел сетовали, что хозяин по старости своей не гонит стадо на новый луг, но перечить открыто не смели. Потом пастух умер, а пес и козел решили, что без труда справятся со стадом, и погнажи

овец туда, где трава была всего зеленей. Увы, луг оказался трясиной, и овцы стали тонуть. Тогда пес и козел бросили стадо на произвол судьбы и сбежали в лес...

– Мне не нравится ваша притча, граф, – прорычал обер-прокурор, привставая и кладя руку на эфес. – Тем более что вы тоже сбежали в лес.

– Нет, – экстерриор остался сидеть, – я сбежал не в лес, а в деревню. К пастухам.

Барон Райнштайнер угостил огонь очередной шишкой и подошел к столу.

– И все же, чем закончилась притча? – любопытствовал он. – Овцы утонули?

– Надеюсь, что не все, – бросил Гогенлоэ. – Пришли пастухи и спасли отару, пес попробовал укунить козла, а козел забодать пса, но их обоих отправили на живодерню.

– Вы сменяли должность геренция на обер-прокурорскую? – зло бросил Колиньяр. – Или вы предпочитаете маску палача?

– Это вы успешно сочетали сии ипостаси, – процедил сквозь зубы Гогенлоэ, – но решать вашу участь не мне. К счастью для нас обоих.

– Я не желаю продолжать беседу в таком тоне, – теперь бывший обер-прокурор смотрел только на бергера. – Более того, я не желаю продолжать беседу в присутствии графа Гогенлоэ-цур-Адлерберга и графа Ариго. Возможно, вам неизвестно, что их имена раз за разом всплывали во время след-

ствия по делу о государственной измене. Про причины, по которым присутствующий здесь генерал оказался в Торке, я считаю излишним даже упоминать.

– Так не упоминайте, – рука Креденьи легла на плечо Жермона. Надо полагать, сосед решил, что сейчас здесь произойдет убийство. Он опоздал со своим беспокойством лет на пятнадцать.

– Покойный герцог Придд, возможно, и в самом деле был заговорщиком, – граф Рафиано многозначительно кашлянул. – Ее Величество и Август Штанцлер также вызывали подозрения, укрепившиеся после бегства последнего, но Симон Люра оказался изменником без всякого «возможно».

– Господа, – натянуто улыбнулся для разнообразия побледневший Манрик, – заговор был много шире, чем думалось вначале, и закрывать глаза на связь дома Гогенлоэ с домом Приддов, на мой взгляд, недальновидно.

– Я помню, кто был мужем Ангелики Гогенлоэ, – сообщил с порога получивший свое благословение регент. – Но, господин бывший канцильер и господин бывший обер-прокурор, предателями оказались ваши люди. Я далек от того, чтоб считать вас изменниками, так как ваше благополучие напрямую зависит от благополучия Олларов. Тем не менее дом горит, и подожгли его вы.

– Вы слишком много себе позволяете, герцог, – Манрик медленно поднялся, побледневшая было физиономия стремительно наливалась кровью. – Слишком много.

– Ровно столько, сколько может позволить себе регент государства, в которое вот-вот вторгнется враг, – отчеканил Рудольф.

– Вы не регент, – выдохнул стремительно поглупевший временщик, – вы присвоили себе это звание самочинно.

– Граф, – не повышая голоса, сообщил Ноймаринен, – вы не в том положении, чтобы решать, кто я. Это я решаю, кто вы и не пора ли вам предстать перед тем судьей, который не ошибается.

Леопольд Манрик не ответил, только выпирающие из розовых манжет веснушчатые кулаки то сжимались, то разжимались. Хочет убить, но не убьет, такие за шпаги не хватаются, по крайней мере своими руками. А жаль, Жермон бы не отказался от поединка.

– Садитесь, – махнул рукой Рудольф. – Крики – довод осла, а не кансильера, хотя б и бывшего.

Манрик сел, чтобы не сказать плюхнулся на скрипнувшее от неожиданности кресло. Ноймаринен улыбнулся. Или оскалился, как и положено отродью Леворукого⁸. В неправдоподобной тишине тяжелые шаги герцога вполне бы сошли за поступь Зверя. Если б только регент был лет на десять помоложе и не хватался то за спину, то за бок... А еще был бы жив Арно Савиньяк, в армию фок Варзов вернулись бы отозванные третьего лета мушкетеры, а на деревьях росли пули

---

⁸ Намек на основателя рода герцогов Ноймаринен Манлия Ферру. Манлий был левойшой, и недоброжелатели прозвали его Леворуким.

и ядра, хотя ядрам больше пристало расти на огородах. Как тыквам.

– Монсенъор, – граф Креденьи попытался поймать взгляд старательно вышагивающего регента, – вам не кажется, что разговор зашел в тупик? Мы не знаем, что нас ждет, а люди в таком положении – дурные собеседники. Насколько мне известно, регентом Талига является герцог Алва, но это обстоятельство нашу участь никоим образом не облегчает. Напротив. Я, как здесь любезно заметили, удрал от мятежников, но я не генерал и не герой, к тому же мне надо было вывезти внуков.

– Креденьи, – покачал головой Гектор Рафиано, – вас, как и меня, можно упрекнуть в нежелании обнажить шпагу, но никак не в погоне за чужим наследством. И уж точно вы не покровительствовали изменникам и не навязывали свою волю королю, кардиналу и Талигу.

– Экстерриор прав, – подтвердил Рудольф, меряя шагами лиловый ковер, – вы всего лишь не рискнули бросить вызов обстоятельствам, а господа Манрик и Колиньяр эти обстоятельства создали. Тем не менее я не намерен делать больше, чем необходимо. Герцог Колиньяр, граф Манрик, вашу судьбу решит либо Его Величество Фердинанд, либо герцог Алва. По возвращении из Ургота. Шпаги можете положить на кресло, вам они больше не понадобятся.

– Вы совершаете ошибку, – шея Манрика все еще была красной. Что поделать, с рыжими всегда так.

– Напротив, – Ноймаринен отвернулся от бывшего канцильера и взял из рук Ойгена кочергу, – я ее исправляю. Ошибкой было позволить вам взяться за вожжи. Вы отправитесь в Бергмарк до конца кампании. Утром барон Райнштайнер сообщит вам время отъезда, а сейчас вам приготовлены комнаты. Я вас долее не задерживаю.

– Как вам будет угодно, – дернул щекой Манрик, – но я чувствую ответственность за Их Высочества и Его Высокопреосвященство.

– Место кардинала рядом с регентом, – Ноймаринен невозмутимо занялся камином. – Это же относится к экстерриору, геренцию и тессорию, каковым придется и впредь исполнять свои обязанности. Что до наследника престола и принцесс, то о них позаботятся ближайшие родственники. Как вы помните, ими являются сестры Его Величества и присутствующий здесь брат Ее Величества. Дети будут препровождены в замок Ноймар и переданы на попечение своей тетки, герцогини Георгии. Граф Ариго, вы согласны с этим решением?

– Разумеется, – подтвердил Жермон.

Глава 3

Оллария

399 года К.С. 17-й день Осенних Волн

1

Щит с фамильным гербом повесили именно так, как велел герцог Окделл, но вышло не слишком удачно. Соседство с охотничьими трофеями превращало геральдического вепря в поросенка, маленького, обиженного и жалкого. Приказать снять? А что взамен? Или убрать кабаньи головы?

Дикон еще раз оглядел бывший кабинет Ворона. Здесь мало что изменилось, разве что исчезли гитара и часть оружия, да кэналлийцы, удирая, опустошили стол и бюро. Рвущиеся к столице армии Альдо почти не оставили мародерам времени, но деньги, драгоценности и лошадей украсть успели. Особенно жаль было Соро – жеребец, хоть и был норовистым, отличался отменным ходом и прекрасной статью, да и Дикон к нему привык.

Конечно, в бою и в походе лошади лучше Соны не сыскать, но во время коронационных церемоний глава Великого Дома должен ехать на жеребце. Так было в гальтарские времена, и так будет теперь. Что ж, придется купить линарца,

потому что связываться с Моро Ричарду не хотелось. Пусть с черной тварью возится Робер, а герцог Окделл не желает свалиться с коня на глазах сюзерена и всяческих приддвов.

Юноша вытянул из лежащего на столе черного сафьянового бювара лист нухутской бумаги и крупным почерком написал: «Жеребец для парадных выездов – 5 тысяч». Меньше не выйдет. Повелитель Скал может уступить лишь Его Величеству, но не равным и низшим, а найти коня лучше Дракко непросто.

Воспоминания о лошади разбредили воспоминания о ее хозяине. Бывшем. Не то чтоб Дикон был обижен тем, как Оскар распорядился своим жеребцом, но Дракко более чем хорош. Почему Ворон отдал его Эпинэ, а не кому-то из своих офицеров? Не хотел вспоминать о Феншо или поддался минутной прихоти? Не все ли равно, главное – коня придется покупать. И не только коня, трат предстояло множество.

Повелителю Скал надлежало заказать портреты государя, отца и Алана Святого, обновить гардероб, заменить обивку хотя бы в приемной и в гостиной, и это не считая приданого для Айрис! По самым скромным подсчетам, требовалось не меньше пятидесяти тысяч талов, а у Ричарда на руках не было и половины, хотя Альдо для друзей не жалел ничего. Кроме особняка со всем содержимым, герцог Окделл получил двадцать тысяч. В Надоре на эти деньги жили несколько лет, но у столицы свои законы.

К счастью, в доме была прорва вещей, без которых можно

обойтись: мебель, ковры, посуда... Одно оружие стоило сотни тысяч. Ричард без сожаления расстался бы с морисскими саблями и каданскими секирами, но как и кому их продать? Не Валентину же, хотя у Спрута деньги и водятся. Еще бы! Придды выжидали, а не поднимали восстаний, копили, а не тратили, зато теперь Повелитель Волн ни в чем себе не отказывает. Его серый стоит не меньше Дракко, а на коронации главы Великих Домов следуют друг за другом. Их будут сравнивать все кому не лень, значит, за коня придется отвалить не пять тысяч, а все восемь, если не десять. И еще надо поторопить портных и написать в Надор.

Дикон понимал, что вдовствующая герцогиня должна присутствовать на церемонии. Этого требовали память отца и законы Чести, но юноше мучительно не хотелось, чтобы мать приезжала. Повелитель Скал не мальчишка, которым помыкают родичи и друзья отца, но как объяснить это женщине, для которой чужие чувства ничего не значат?! Для всех будет лучше, если Мирабелла Окделл останется в Надоре, но как этого добиться? Юноша откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, прикидывая, как, не нарываясь на новую ссору, отговорить матушку от поездки. Это мог сделать эр Август, но бывший кансилльер в Багерлее, и к нему никого не пускают.

Робер из-за кольца причислил Штанцлера к негодяям и убедил в этом сюзерена. Дикон Иноходца понимал – кому понравится, когда твоих предков записывают в отравители,

но Эпинэ после восстания отсиживался в Агарисе, а эр Август остался в Оллории. У тихой войны свои правила, в них есть место и кинжалу, и яду. Даже отец согласился на убийство Ворона, чего уж говорить о больном старике? До коронации Его Величеству будет не до бывшего кансильера, но после Излома нужно уговорить сюзерена встретиться с узником самому, а не судить с чужих слов.

Ричард вытащил еще один лист и аккуратно вывел: «*Месяц Зимних Скал 400 года К.С. Поговорить с Его Величеством об облегчении участи графа Штанцлера*». Отец всегда записывал важные дела, но не потому, что боялся забыть. Дикон как-то спросил, зачем он это делает, и получил ответ: «Запись на бумаге – обещание, данное Создателю при свидетелях».

Песка в песочнице не оказалось, пришлось зажечь свечу и махать над ней бумагой, пока не высохли чернила. Насколько легче говорить с сюзереном, чем с матушкой и Робером, но без письма не обойтись. Если этого не сделать, вдовствующая герцогиня Окделл станет направо и налево рассказывать, что ее сын перешел на сторону Раканов по воле матери. Будь это правдой, Ричард сжал бы зубы и стерпел, но он пытался убить Ворона во имя любви и Чести.

Что же делать? Матушка останется в Надоре по приказу короля, но Альдо никогда не нанесет оскорбления вдове Эгмонта, да и Дик не посмеет просить сюзерена о подобной услуге. Айрис тоже не помощница, Ричард мог лишь гадать,

какие страсти бушевали в Надоре, когда сестра сбежала в столицу. Айри и матери лучше не встречаться, но что-то делать нужно, причем немедленно! Хорошо бы послать гонца прямо сейчас, пока тот же Наль сдуру не написал о том, про что лучше помалкивать...

Наль! Вот оно! Кузен отказался подделать письмо перед варастийской кампанией, но теперь он поможет. Всего-то и дел – заменить «Ночь Зимнего Излома» на «Весеннего», а потом, когда будет поздно, извиниться за «ошибку». Да, это выход!

Ричард дважды дернул серебристый шнурок, вызывая дежурного лакея, доставшегося юноше в наследство от Люра. После убийства маршала Ричард, искренне симпатизировавший Симону, взял его людей к себе и не прогадал. Люра, несмотря на более чем скромное происхождение, был прекрасным полководцем, отличным воином и достойным человеком. Под стать ему были и подчиненные – умные, честные, преданные.

– Монсеньор? – Джереми Бич почтительно поклонился. Новенькая черная с золотом ливрея превратила braveго капрала в слугу из хорошего дома, но военная выправка давала себя знать. Дику это нравилось.

– Разыщите виконта Реджинальда Лара. Это мой кузен. Раньше он жил у церкви Святой Илари. Мне он нужен немедленно.

– Слушаюсь, Монсеньор, – на лице Джереми читалось

некоторое сомнение, – а если виконта не окажется дома? Должен ли я его искать и как долго?

Не окажется дома? Это вряд ли. Наль – домосед, а его прекрасное казначейство закрыто, хотя странно, что кузен до сих пор не объявился. О чем, о чем, а о возвращении герцога Окделла знает весь город.

– Если его нет, узнайте, куда он уехал и когда вернется. Если в городе, вытащите хоть из-под земли. Вам ясно?

– Да, Монсеньор.

– Поторапливайтесь.

2

Встрепанная пятнистая кошка выскочила из подворотни и заячьими прыжками помчалась через улицу. Робер Эпинэ, помянув кошачьего повелителя, осадил коня, и тут сбоку что-то свистнуло. Жанно Пулэ, сдавленно охнув, ткнулся в конскую гриву, громко выругался сержант Дювье, кошка на той стороне обернулась, осев на задние лапы. Любопытство было сильнее страха.

– Монсеньор! Вы не ранены?

– Нет, – Эпинэ покосился на бросившихся к заколоченному особнячку южан. – Посмотрите, что с Жанно.

Бессмысленный приказ. С Жанно ничего нет и уже никогда не будет. Целились в одного, вмешалась кошка, и смерть в очередной раз досталась другому.

– Монсеньор, он мертв.

– Родичи у него есть?

– Кажется, три сестры где-то в Пуэне, – припомнил Сэц-Ариж, после возвышения Карваля угодивший в капитаны герцогской охраны. – Незамужние.

Робер молча кивнул, глядя на залитые солнцем крыши. На одной из них прятался враг, имевший все права на ненависть и месть, но поймать его следовало. Или попытаться поймать.

– Пошлите людей! – Девушкам нужно приданое, и герцог Эпинэ даст его сегодня же. Пока жив и может это сделать. – Пусть обыщут дворы.

– Уже пошли, – под глазами Никола лежали темные круги, хлеб военного коменданта сладким не был, – ищут.

– Тебе не кажется, что нам здесь не рады? – пошутил Иноходец, но шутка не удалась.

– Не нам, – буркнул военный комендант столицы, – а вашему Ракану.

– Я сто раз говорил, – устало бросил Робер, – любой из твоих людей может отправляться в Эпинэ, только пусть скажет, чтоб его не искали, а то...

«А то» может означать перерезанное горло, нож в спине, проломленный череп. Оллария не сопротивлялась, но и не покорилась. Горожане прятали глаза и ходили по стеночке, а солдаты то и дело исчезали, и это далеко не всегда было дезертирством, хотя случалось и оно.

– Мы не уйдем, – на физиономии Никола обида мешалась

с возмущением, – но заложников с завтрашнего дня я брать буду. На тех улицах, по которым мы больше всего ездим.

– Ты уверен, что без этого не обойтись?

Зачем спрашивать? Карваль всегда уверен в своих словах и в своих делах.

– Лучше заложники, чем повешенные. Я за их жизнь ручаюсь, а вот если на охоту выйдут северяне...

– Северяне возмутятся не за горожан, а за нас. Если не сцепятся с дриксенцами. – Робер перехватил негодующий взгляд и добавил: – Я о настоящих северянах. Тех, что у фок Варзов и старшего Савиньяка, а нам с тобой досталась сволочь из внутренних провинций. Войны не видели, зато как грабить – они первые.

– Ублюдки, – припечатал Никола. – Нет, за Кольцом нам делать нечего. Эпинэ от Кольца до Рафиано, восемь графств, и все, хватит! Правильно вы решили.

Он ничего не решал, просто позволил Никола, Пуэну, Сэц-Арижу обманывать себя и других. Альдо не мешает Мэллит думать, что она любима. Повелитель Молний разрешает южанам считать себя своим будущим королем. Самый подлый вид вранья!

– Монсеньор, – будь Дювье пониже на голову, он сошел бы за брата Карваля. – Поймали на этот раз. Один был, поганец эдакий.

– Точно один?

– Все обыскали. С чердака бил.

Робер спрыгнул с коня, на душе было муторно, как перед встречей с «истинниками». Карваль уже стоял на замусоренной мостовой, на лице коменданта злость мешалась с обреченностью. Иноходец подозревал, что его собственная физиономия выглядит не лучше. Они оставили за спиной укрытого плащом Жанно и вошли в заваленный слипшейся листвою дворик. Симпатичный особнячок с фазанами на фронтоне был пуст: хозяева не стали дожидаться Раканов и куда-то откочевали.

– Вот, – коротко бросил сержант, – сопляк, а туда же... С арбалетом.

Пленник и вправду был сопляк сопляком. Лет шестнадцать, худой, прыщавый, длинношей, словно гусенок, а глаза цепкие и злые. Прямо-таки злющие.

– Кто ты? – спросил Робер, потому что надо было что-то спросить.

– Талигоец, – выпалил «гусенок», – а вы... Вы – ублюдки. Убирайтесь в свою Гайифу и Ракана-Таракана прихватывайте!

Ну что с ним, с таким, делать? Подмастерье какой-нибудь... Вообразил себя святым Аланом. Стоп, а вообразил ли? Он ведь и есть талигоец. В отличие от победителей.

– Почему ты стрелял? – Робер понял, что отпустит дурня, припугнет и отпустит. Жанно простит.

– Потому, – огрызнулся пленник.

– Балда, – бросил кто-то из южан, – как есть балда... «Ра-

каны-Тараканы», скажет же!

– Драть некому.

– Ишь, вскидывается, – с невольным восхищением про-
бормотал Дювье, – сейчас покусает.

– А чего б ему не вскидываться, северяне нагадили, до
весны не разгребешь.

– На то они и гады, чтобы гадить.

– И то верно... Союзнички, раздери их кошки.

– Жанно жалко.

– Нашел в кого стрелять. Щенок шелудивый!

– Цивильников⁹ тебе мало, на людей кидаешься? Ослеп!

– Дык, может, он Айнсмеллера и стерег. Эта сука здесь
каждый день ездит...

– Взгреть, и к мамке...

Карваль молчал, задумчиво глядя на мальчишку, а в
нескольких шагах на мостовой лежал Жанно Пулэ с арбалет-
ным болтом в спине. Они были ровесниками, но никогда бы
не встретились, если б не кровавое безумие, затопившее сна-
чала Старую Эпинэ, а теперь весь Талиг.

---

⁹ Цивильники – презрительная кличка «цивильной стражи», сменившей преж-
нюю городскую стражу. «Цивильники» подчинялись цивильному коменданту
столицы, в свою очередь подотчетному лишь королю. В их обязанности входило
бороться с мятежниками, взыскивать налоги и расследовать преступления про-
тив короля и жителей столицы.

– Монсеньор, – доложил слуга, – пришел Реджинальд Ларак.

Наль! Нашелся наконец!

– Проводите в кабинет и подайте вина. «Вдовью слезу» двадцатичетырехлетней выдержки. Через час – ужин.

– Слушаюсь.

Лакей вышел, а юноша взялся за перо и бумаги – пусть кузен видит, что у герцога Окделла нет свободной минутки, но ради родича он бросит любые дела, даже самые важные. Сверху лежало письмо Энтала Кракла. Первый старейшина возрожденного Совета Провинций¹⁰ просил сообщить, кого из ординарных вассалов Повелителя Скал следует пригласить на коронационные торжества. Дикон с ходу вписал Дугласа Темплтона и генерала Морена и задумался, вспоминая, кто из отцовских соратников после восстания остался в Надоре. Глан, Хогберд и Кавендиш бежали в Агарис, Ансел и Давенпорты предали, несмотря на близость с Рокслеями...

– Виконт Реджинальд Лар, – возвестил Джереми, и у Дикона при виде кузена сжалось сердце. Они не виделись с Октавианской ночи, сколько же с тех пор прошло не лет, жиз-

---

¹⁰ Созданный при Эрнани Святом и постепенно сошедший на нет совещательный орган при особе Императора, куда входили наиболее значимые ординары – дворяне, чей род не восходил к Высоким Домам.

ней!

Реджинальд был все таким же толстым, серьезным и опрятным. Поношенное платье, выдавшие виды сапоги, плохонькая шпага... Сейчас этому придет конец! Ближайший родственник Повелителя Скал не может походить на затрапезного лектора и жить у какой-то мещанки!

– Дикон, – кузен мялся в дверях, смущенно улыбаясь, – мы так давно не виделись.

– Да уж! – Юноша отбросил письмо и бросился к Налю, лишь сейчас поняв, как рад его видеть. Друзья друзьями, но кровное родство они не заменят. – Святой Алан, как же хорошо, что ты нашелся! Где ты был, раздери тебя кошки? Да садись же наконец!

– Здесь, – кузен казался удивленным, – в городе... Дома...

– А почему не приходил? – возмутился Дикон, берясь за вино. – Забыл, где я живу? Небось, в Октавианскую ночь сразу нашел.

– Ну, – занял по своему обыкновению родич, и Дику захотелось его обнять. Потому что это был Наль, потому что они победили и можно не юлить, не прятаться, а смело смотреть вперед, – ну... Я не был уверен, что ты будешь рад... У тебя теперь такие важные дела.

– Ну и что? – не понял Ричард. – Окделлы никогда не забывают друзей и родичей. Мог не дожидаться, пока тебя с фонарями по всей Оллarii искать будут. Твое здоровье и наша победа!

– Твое здоровье! – Наль поднес к губам бокал. – Создатель, какое вино! Что это?

– «Вдовья слеза». Неплохой год, но бывает и лучше.

– Шутишь? – Наль благоговейно поставил бокал на стол. – Лучше быть просто не может.

– Скоро убедишься, – засмеялся Дик. – Я не допущу, чтобы мой кузен и друг пил всякую дрянь, считал суаны и одевался, как мещанин. Завтра же расплатишься со своей хозяйкой и переедешь сюда.

– Сюда? – на лбу Наля выступили бисеринки пота. – К Алве?!

– Ко мне, – поправил Ричард. – Особняк Повелителей Скал снесен, но Его Величество Альдо ценит верность и честь по достоинству.

– Ричард, – Наль сжал губы, – ты меня извини, но мне хватит того, что мне принадлежит. Я не могу... Я не хочу жить за твой счет, и потом...

– Что «потом?» – Ох уж эти Лараки с их щепетильностью. – Ты меня не обременишь, не бойся.

– Ничего.

– Ты хотел что-то сказать? Говори!

– Пустяки, – глазки кузена забежали, как жучки-водомерки по старому пруду. – Право, не стоит...

– Я – глава фамилии, – если его не приструнить, дурак будет рыдать над каждой монеткой и есть на кухне, – и я требую, чтобы ты мне ответил.

– Ты заслужил все это, – зачастил Наль, смешно тряся щеками, – ты участвовал в сражениях, рисковал жизнью, а я не сделал ничего важного.

И кто это сказал, что сын не похож на отца? Еще как похож. Вылитый Эйвон, только толстый и бритый. А хорошо, кстати, что в гальтарские времена брились, бороды мало кому идут. Ричард, по крайней мере, был до смерти рад, что может и впредь обходиться без этого украшения.

– Реджинальд, – прикрикнул Дик, с трудом сдерживая смех. – Я тебе не только родич, я – глава дома, так что нечего юлить, говори, что думаешь.

– Изволь, – промямлил Наль. Какой же он все-таки нелепый. – Ричард, моя хозяйка... Я живу среди мещан...

– Ты ей задолжал? – поднял бровь Ричард. – Сколько?

– Понимаешь... Дик, она говорит, что к весне Альдо сбежит, а его людей называет мародерами и предателями. И не она одна...

– Негодяи!

– Ричард, – лицо кузена пошло красными пятнами, – они... Им стало хуже, намного хуже! Солдаты заходят в любые дома, берут, что хотят, пьют, едят, принуждают женщин... Людям это не нравится.

– За все надо платить. Альдо Ракан соберет из осколков великую страну, но кое-кому придется подтянуть пояса. – Дик оттолкнул бокал, тот упал на пол, разлетелся в мелкие брызги. – А чего они хотят, твои горожане? Они все преда-

тели, предатели короля, предатели Создателя, предатели Талигойи! Где они были, когда мы умирали за их свободу?!

– Дикон, – Наль сопел, словно только что взобрался на гору, – людям не нужна великая страна, они просто хотят жить, как раньше. Есть досыта, не бояться ходить по улицам.

– А ты? – Дик смотрел на своего родича и не узнавал его. Это толстое ничтожество – сын Эйвона, будущий граф Ларак, Человек Чести?! Нет, это отпрыск трактирщика!

– Я? – губы Наля побелели. – Я... Все выходит очень плохо. Ты этого не видишь, у тебя здесь спокойно, но я живу в Нижнем городе... Там тревожно, даже хуже, чем в Октавианскую ночь.

– Скажи честно, – холодно произнес Ричард, – ты просто трусил. Ты не воин и ты не талигоец!

– Нет, – неожиданно твердо произнес Наль, – я не воин, но я талигоец и не хочу, чтобы одни талигойцы убивали других. Люди хотят жить, как ты этого не понимаешь? Жить и не бояться, а вы... То есть мы принесли им беду. Ты близок к королю, это все знают, расскажи ему.

– Что именно? – деревянным голосом переспросил Дик. – Что я должен передать Его Величеству? То, что мещане не рады его возвращению? Или что-то другое?

– Ричард, – кузен выглядел несчастным, – надень простой плащ и пройдишь по городу. Ты сам увидишь, что творится. Или давай пойдем вместе, я знаю Олларию лучше, чем ты.

– Кабитэлу, – горло Ричарда перехватило от бешенства, –

Кабитэлу! Оллarii нет и никогда не будет.

– Это Кабитэлы нет, – растерянно пробормотал Наль, – для жителей город остался Олларией... И чем больше Ра... солдаты Его Величества будут грабить, тем больше будут вспоминать Олларов и Алву. Добром вспоминать.

– Ты понимаешь, что несешь?

– Да, – потупился кузен. – А вот ты не понимаешь. И твой король не понимает. Дикон, прошу тебя, пройдемся по городу...

– Мне это не нужно. – Ричард с отвращением посмотрел на разбитый бокал. – Я, к твоему сведению, член Высокого Совета и о том, что происходит в государстве, знаю получше тебя и твоих трактирщиков. Наша победа многим поперек горла. Хватит, пей свое вино, иначе поссоримся, а в город я с тобой схожу. После Совета. Если дело так, как ты говоришь, виновные будут наказаны.

4

– Мой герцог, – цивильный комендант Кабитэлы Уолтер Айнсмеллер в окружении стражников стоял у калитки, влажно блестя черными глазами, – что случилось? Вы попали в засаду?

– Ничего серьезного, барон, – буркнул Робер, поворачиваясь лицом к гостю и одновременно пытаюсь загородить пленника.

– Но я видел труп на улице, и мне доложили, что преступник схвачен на месте преступления.

– Боюсь, мы приняли желаемое за действительное, – пожал плечами Робер, проклиная себя за очередную глупость. Можно подумать, он не знал, что вешатель ездит по улице Адриана, а раз так, ухо нужно держать востро.

– Я полагаю, настоящий преступник скрылся, – неторопливо произнес Карваль. – Разумеется, мы будем его искать. Весьма вероятно, он связан с Давенпортом. Покушение на герцога Эпинэ является звеном той же цепи, что резня в Тарнике и нападение на Его Величество.

– Убийца – солдат, – внес свою долю вранья Жильбер Сэц-Ариж, – или разбойник. Я видел, как он убегает по крышам. Очень ловкий человек.

– А что делает здесь этот горожанин? – Уолтер Айнсмеллер протиснулся меж скривившихся южан, остановился в шаге от пленника и поднес к носу желтый платок. – Его взяли на месте преступления?

– А Леворукий знает, чего он здесь болтался, – влез Дювье, – может, спереть что хотел, дом-то пустой.

– Что ты тут делал? – палец в черной перчатке целил в грудь «гусенку».

– Что-что, – зло бросил тот, – охотился... Одного хлопнул, жаль, не тебя, змеюка усатая!

И вправду жаль. Того, кто прикончит Айнсмеллера, следует носить на руках и представить к ордену. А ведь выбери

они с Карвалем другую дорогу, дурную могло б повезти, а с ним и Альдо. Айнсмеллеры и Люра еще ни одного короля до добра не довели. Робер торопливо произнес, глядя в злые юные глаза:

– Не ври, стрелял не ты. Стрелка мы поймаем, а ты дай слово, что не поднимешь оружие на слуг Его Величества.

– Подниму, – окрысился мальчишка, – и никого со мной не было. Это я стрелял. Я! Ясно вам?!

– Что ж, – вздохнул Айнсмеллер, – все ясно. Сбежавшего преступника следует найти, но перед лицом закона убийцами являются оба, а убийца должен быть наказан. Немедленно.

Усатый красавец знал, что говорил. Согласно высочайшему рескрипту пойманных с поличным надлежало вешать без исповеди на месте преступления, а имущество конфисковывать в пользу короны.

Родные казненных становились заложниками, головой отвечающими за безопасность защитников и приближенных Его Величества. Убитый солдат обходился городу в четыре жизни, офицер или чиновник – в шестнадцать, за придворного должны были умереть шестьдесят четыре ни в чем не повинных обывателя. Нет, нельзя давать за убийство Айнсмеллера орден, потому что отвечать за скотину будут другие. Головой. Во сколько жизней обойдется смерть Первого маршала, Робер предпочел не думать.

– Вы ведь куда-то торопились, барон? – Нужно быть спо-

койным. Но как бы пошла Айнсмеллеру дырка во лбу или «перевязь Люра»? – Не лучше ли вам продолжить свой путь?

– О нет, мой друг, – черные усы шевельнулись, сверкнули белоснежные зубы. – Говоря по чести, я искал вас. У меня к вам и господину Карвалю серьезный разговор. Между гражданской стражей и военными существует некоторое непонимание, его следует преодолеть, но сначала покончим с печальной необходимостью.

Айнсмеллер не отцепится, потому что ему нравится смотреть на повешенных. Кто-то об этом говорил... Джеймс Рокслей? Нет, Раймон Салиган! Неряха вчера в очередной раз напился и полночи рассказывал, как Айнсмеллер ездит на охоту за мятежниками, а если мятежников нет, обходится теми, кто попадает под руку. Раньше красавчик-ординар мучил любовниц и собак, потом не угадал с дамой и оказался в Багерлее. Там бы ему и оставаться, но Фердинанд выпустил ублюдка заодно с жертвами Манриков. Айнсмеллер принялся и резво перепрыгнул к Рокслеям. Джеймса от этой твари мутит, но покойный маршал Генри брезгливостью не страдал. Альдо, к несчастью, тоже.

– Согласно статуту вам следует передать преступника гражданским властям. – Усатая тварь не могла оторвать взгляда от нахохлившегося «гусенка». – Каждый должен делать то, что положено, и делать хорошо. Не правда ли, герцог?

Гражданских не меньше двух дюжин. Это тебе не гоганы, а гарнизонная солдатня, так просто не перебеешь. А хоть бы

и удалось, цивильный комендант – не ворона, за него прикончат сотню заложников и найдут нового мерзавца.

– Что ж, – глухо сказал Робер, – распоряжайтесь.

Можно уехать, обождать на улице, отвернуться, но совесть или, вернее, то, что от нее осталось, требовала досмотреть до конца. И запомнить.

– Монсеньор, – рука Жильбера Сэц-Арижа сжимает эфес, – вам не кажется... Пленника даже не допросили...

– Жильбер, пойдите проверьте лошадей.

– Монсеньор...

– Выполняйте, тенъент! – хрипло рявкнул Карваль. – Живо!

Жильбер исчез. Цивильники, то ли не замечая, то ли не желая замечать тяжелой ненависти в глазах южан, занялись привычным делом. Двое взобрались на разлапистый клен, ногами пробуя крепость сучьев, третий возился с веревкой, еще парочка вломилась в дом и через несколько минут вернулась, волоча кухонную скамью. Пленник следил за приготовлениями со странной улыбкой на вдруг похорошевшем лице. Оказавшиеся светло-карими глаза сияли, ноздри раздувались, как у разыгравшегося жеребенка.

– Быстрее! – Красивое лицо цивильного коменданта казалось отражением лица приговоренного – горящие глаза, раздувающиеся ноздри, полуоткрытый, очень яркий рот. – Быстрее, я сказал!

– Готово, – сообщил тот, что забрался повыше, – выдер-

жит.

– Давайте, – господин барон уже не мог скрыть нетерпения. Закатные твари, он и впрямь сумасшедший. Робер вздрогнул от захлестнувшего его тоскливого отвращения. Это была не первая казнь и тем более не первая смерть, которую он видел. И не последняя.

Двое цивильников подхватили талигойца под руки, тот дернулся. Испугался? Понял наконец, что его ждет?

– Пустите! – завопил пленник отчаянным ломающимся голоском. – Уберите лапы! Я сам пойду!

– А ну, пустите! – прикрикнул Карваль, без тени сомнений повесивший Маранов. Воистину все веревки связаны: начали в Эпинэ, дотянули до Оллари.

– Да, пусть идет сам, – прошептал Айнсмеллер, облизнув губу. – Медленно идет. Еще медленней... И петлю тоже пусть сам наденет.

Равнодушные лица цивильников, угрюмые взгляды южан.

– Эй, вы, – приговоренный ловко взобрался на скамью, – раканы-тараканы! Вам все равно конец! Мы вам...

Мальчишка ругался грязно, грубо, неумело, не понимая и трети слов, которые швырял в лицо палачам и солдатам. Худющий, босой, с петлей на шее, он стоял на закопченной лавке, выкрикивая угрозы, а цивильный комендант столицы, широко распахнув глаза, склонил голову набок, словно слушал какую-то серенаду. Потом Айнсмеллер убрал желтый платок и вынул черный с алой монограммой. Эпинэ почув-

ствовал запах лилий и еще чего-то, похожего на мускус.

Цивильный комендант улыбнулся и поднес черный шелк к правильному носу. Из-за спин цивильников выкатился пузатый здоровяк. Робер понял, кто это, только когда ублюдочный красавчик махнул платком. Пузан одним пинком выбил из-под ног навсегда оставшегося просто талигойцем парнишки скамейку и, ухватившись за тощие ноги, навалился всем телом. Затрещала, но не обломилась черная ветка, упал на землю последний лист, помянул Леворукого Колен Дювье.

– Лэ́йе Астрaпэ, пошли уходящему достойного спутника!

– Вы что-то сказали, герцог?

– Ничего, барон, ровным счетом ничего. Идемте.

– Постойте, – Айнсмеллер не мог оторваться от пляшущего в петле тела, – одну минуту...

– В таком случае догоняйте. – Робер сглотнул застрявший в горле комок и, расшвыривая бурые листья, пошел к калитке. Дракко понял, что с хозяином что-то не так, и прижал уши не хуже Моро. Робер оглянулся и напоролся на взгляд Сэц-Арижа. «Раканы-тараканы»... Оллaрия свое слово сказала. Можно вешать, стрелять, пороть – от позорной клички не избавит ничто. Появился Айнсмеллер, спокойный, довольный, сытый, замурлыкал о мятежниках, облавах, заложниках. Робер слушал, а копыта Дракко выстукивали: «Раканы-тараканы», «раканы-тараканы», тараканы, тараканы... Тараканы, заползшие в чужой дом и превратившиеся в чум-

ных крыс.

Глава 4

Оллария

399 года К.С. 18-й день Осенних Волн

1

Эпинэ, Придд, Окделл, Алва, Савиньяк, Дорак, Ариго, фок Варзов, Гонт, Тристрам, Берхайм, Рокслей, Карлион... Эти имена Ричард помнил с детства: последний Высокий Совет Талигойи, принявший отречение Эрнани и избравший регентом Эктора Придда. Прошло больше четырехсот лет, и в Гербовом зале король Ракан вновь соберет Людей Чести. И пусть говорят, что остановить время и тем более повернуть его вспять нельзя, для Альдо слова «невозможно» просто нет. Изгнанник вернул трон предков, Оллария вновь стала Кабитэлой, в королевском дворце будет заседать Высокий Совет, а Повелитель Скал, как в прежние времена, встанет рядом со своим королем. Воистину

Миг и Вечность, Штиль и Шквал,
Скалы...
Четверых Один призвал,
Скалы...

– Монсеньору не угодно посмотреть на себя? – Куафер отступил назад и поднял пахнувшие резедой руки, показывая, что сделал все, что мог, и даже больше. Ричард неторопливо поднялся с кресла и подошел к огромному, в потолок, зеркалу. Из загадочных глубин на Повелителя Скал глядел молодой вельможа в черном с золотой оторочкой платье. Сжатые губы, слегка, но не чрезмерно выющиеся русые волосы, серые глаза. Герцогская цепь, фамильное кольцо с карасом на среднем пальце правой руки и два парных кольца с рубинами на обоих безымянных... Единственное, чего не хватает, – орденской цепи.

Награды и титулы, полученные из рук Олларов, Альдо объявил недействительными. Сюзерен поступил правильно и справедливо, но воспоминаний о первом бое было мучительно жаль. Ничего, будут другие сражения и другие ордена. Настоящие.

– Монсеньор доволен? – взволнованно спросил куафер.

– Да, Джакопо, – улыбнулся Ричард, – ты прекрасный мастер, просто прекрасный.

– Эскорт готов, – доложил Эндрю Нокс. Бывший офицер для особых поручений при генерале Люра впервые надел парадный мундир капитана Личной гвардии Повелителя Скал. Что ж, выглядел он отлично, уж всяко лучше коротенького Карваля или сменившего его Сэц-Арижа с мальчишеским ломающимся голоском и прыщами на шее.

– Благодарю, капитан! – с удовольствием произнес герцог Окделл. Кажется, он ничего не забыл и не упустил. – Ступайте вперед, я сейчас буду.

Ричард немного задержался, наблюдая, как в прихожей рабочие разворачивают рулон с золотистым обивочным шелком, и вышел на крыльцо, у которого ждал караковый линарц. Юноша взял у конюха половинку яблока и протянул изгибавшему шею жеребцу, ни статью, ни ценой не уступавшему покойному Бьянко. Конь деликатно принял угощение и взмахнул тщательно расчесанным хвостом. На ярком свету Карас понравился Дик у еще больше, чем в конюшне торговца. Мысль приобрести для церемоний линарца была верной. Нет и не может быть ни лошади, ни человека, совмещающего в себе все. Для боя не найти коня лучше мориска, для парадов и прогулок нужен покладистый, добронравный красавец, на которого не страшно посадить самую робкую даму.

Дик протянул Карасу вторую половинку яблока, которую тот и взял с видимым удовольствием. Конь хрустел угощением, а хозяин прикидывал, выезжать прямо сейчас или немного выждать. Прибывать первым так же глупо, как и последним. Лучше всего появиться сразу же после Валентина, чтобы тот увидел и Караса, и свиту Повелителя Скал. Юноша окликнул слугу:

– Поторопите виконта Лара.

– Слушаюсь.

Однако торопить никого не понадобилось – Наль, удивив-

тельно нелепый в темно-красной с золотом одежде наследника Дома Скал, выкатился на крыльцо и с нескрываемым восторгом уставился на Ричарда.

– Святой Алан, – пухлые щеки кузена от волнения стали красными, – настоящий Святой Алан!

– Ты же знаешь, – довольный жизнью и собой Ричард от души хлопнул крикнувшего родича по плечу, – Окделлы похожи друг на друга, как листья с одного дуба.

– О да, – с легкой завистью подтвердил кузен, – но как же тебе идет. Настоящий талигойский рыцарь!

– У Его Величества безупречный вкус, – окончательно развеселился Ричард, – а Джереми отыскал прекрасного портного. Ладно, поехали, негоже являться позже всех.

Ричард ухватился за гриву Караса и ловко вскочил в седло. Именно так садились на коня Савиньяки. Дику немного не хватало обоих братьев, и юноша в глубине души надеялся, что те рано или поздно присягнут настоящему королю и встанут на Высоком Совете за спиной Робера Эпинэ. Без Дораков Талигойя обойдется, но за Савиньяков, фок Варзов и графа Ариго нужно бороться. Конечно, кем бы ни оказался брат, на отношении Дика к сестре это не скажется, но Катари будет больно, если знамя Ариго запятнают еще больше.

Рассчитывать, что сосланный в Торку собственным отцом Жермон окажется Человеком Чести, было наивным. Дик это понимал и все равно надеялся. Сейчас графу Ариго сорок, большую часть жизни он провел в походах, а война облаго-

раживает. Брат Катари мог измениться к лучшему. Надо ему написать. Ему, Катершванцам и Арно – пусть убедит Эмиля и Лионеля вернуться в Кабитэлу. Альдо только обрадуется, он не собирается никому мстить. Эпинэ тоже переходили на сторону Олларов, а Робер – лучший друг Его Величества.

– Монсеньор, – вполголоса спросил Нокс, – разрешите открыть ворота?

– Открывайте, капитан.

Кованые створки, с которых уже сняли воронов, но не успели прикрепить вебрей, медленно распахнулись. Первым двинулся знаменосец в багряном плаще. Его сопровождали двое солдат с обнаженными палашами и четверка трубачей, за которыми гарцевал капитан Нокс.

Ричард обернулся к восхищенному Налю, вцепившемуся в поводья очень приличного гнедого. Посадка кузена оставляла желать много лучшего, и Ричард невольно поморщился. Конечно, Полный Совет собирается не каждый день, а наследником титула Наль пробудет лишь до рождения у Повелителя Скал первенца, но подучиться кузену придется. Дом Окделлов не должен быть посмешищем, а Наль, как его ни одевай, остается толстым чиновником. Не хватало, чтоб какой-нибудь остряк «спутал» его с писцом или ликтором.

– Реджинальд, – Ричард постарался подсластить пилюлю улыбкой, – тебе бы не помешало похудеть.

– Я знаю, – вздохнул кузен, – это у меня от матушки, а ведь я очень мало ем.

– Ты еще и двигаешься мало, – засмеялся Дик, – то есть двигался. Теперь ты каждое утро будешь фехтовать и ездить верхом.

– А может, я заболею? – предложил Наль. – Заболею и уеду в Надор. Тебе не придется за меня краснеть, а мне не нужно будет худеть.

– В Надор ты поедешь, но не поэтому, – Дик запнулся, подбирая слова. – Понимаешь... Надо сделать так, чтобы матушка не приехала в Олла... В Кабитэлу. Понимаешь ли...

– Понимаю, – подхватил кузен, – ты не хочешь, чтоб эрэа Мирабелла встретилась с Айри. Я с тобой полностью согласен, они могут снова поссориться.

– Вот именно! – Дик возблагодарил небеса, избавившие его от объяснений. Предлог – лучше не придумаешь. Хотя никакой это не предлог. Он заберет сестру при первой возможности, а матушка, без сомнения, все еще зла на дочь. Зачем их сводить?

– Я давно хотел спросить, – Наль снова покраснел, – почему Айри не с нами?

– Я ее еще не видел, она в свите Ее Величества. – Что б ни говорил Альдо, для Ричарда Окделла Катарина Ариго остается и всегда останется королевой. – А Ее Величество никого не принимает.

– И Айри тебе даже не написала?

– Нет, – коротко ответил Ричард, делая вид, что занят дорогой и лошадью. Двадцатый раз пережевывая одно и то же

не хотелось. Айри на письма не отвечала. Так же как и Катарри. И это начинало тревожить.

Юноша ни на мгновение не допускал, что Альдо Ракан может повести себя недостойно с женщиной. Значит, Катарри молчит по другой причине. Королева слишком горда, чтобы, потеряв трон, просить помощи у тех, кто поднялся на вершину. И еще на ней лежит тень ее жалкого мужа или, того хуже, не мужа.

Дик только недавно осознал, что будет, если олларианские браки признают недействительными. Тысячи женщин, и среди них Катарри, окажутся в положении Ровены из «Плясуны-монахини», считавшей себя женой Галахада и лишь после его смерти узнавшей, что их брак не имеет силы. Но Ровена любила, а Катарри!.. Ее молодостью и честью заплатили за жизнь соратников Борна.

Теперь Удо – один из доверенных сподвижников Его Величества, а Катарина Ариго одинока и опозорена, так чего удивляться, что она прячется от людей?! Но почему молчит Айри? Сюзерен заверил, что герцогиня Окделл совершенно свободна и может переехать к брату в любое время. В этом-то все и дело! Айри не знает Альдо, она может решить, что ее свобода – ловушка. Ей позволят выйти, а назад не впустят. Именно так поступили с дамами Алисы, Айри об этом известно, вот она и остается со своей королевой. Храброе и верное сердечко!

– Монсеньор, – капитан Нокс казался серьезнее самого

Вейзеля, – нам предстоит проехать улицей Адриана, я прошу вас и вашего кузена поменяться плащами со мной и Томасом и смешаться с солдатами.

– Что за чушь, – пожал плечами Дик.

– Это не чушь, – Наль пытался говорить спокойно, но глазки кузена предательски бегали, а голос дрожал, – я же тебе говорил... Вас, то есть нас, в городе не любят.

– Виконт Лар совершенно прав, – Эндрю изо всех сил пытался скрыть презрение, – сбежали далеко не все олларовские прихвостни. Разумеется, они не нападают открыто, но... Вчера стреляли в герцога Эпинэ. Монсеньор, я не хочу искать себе нового господина. И мои люди не хотят!

Да, северяне не забыли Симона Люра, таких не забывают. Ричард тоже нет-нет да и вспоминал то шутки генерала, то его советы. Люра был умницей, но главное, в нем были благородство и смелость. В жилах генерала не текло ни капли крови эориев, титул и звание он получил из рук Олларов и все-таки перешел на сторону принца Ракана, что и решило исход восстания.

Симон понимал, что никогда не сравняется с новыми соратниками знатностью, победа Раканов висела на волоске, в Олларии отступника ждала даже не плаха, виселица, и все равно он послушался совести. Уцелеть в десятках сражений и так страшно и нелепо погибнуть! Ричард тепло улыбнулся напряженно молчавшему офицеру:

– Капитан, клянусь вам, имя Симона Люра не будет забы-

то, но я был бы недостойн вашей тревоги, если б стал скрывать лицо и герб. Держите ухо востро, и пусть решает Создатель! Наль, к тебе это не относится, можешь сменить плащ.

Кузен ощутимо побелел, затем покраснел и дрогнувшим голосом произнес:

– Я поеду рядом с тобой в своем плаще.

Воистину куда конь с копытом, туда и ызарг с хвостом, хотя он к бедняге Налью несправедлив. Чиновник не обязан быть храбрецом. Чиновник не обязан, но не будущий граф Ларак. Хорошо, что Реджинальд все-таки помнит свой долг. Ричард подмигнул кузену:

– Давай, покажи им, что Люди Чести ничего не боятся! Вперед!

2

– Убил бы, – Альдо Ракан зачем-то схватил с камина бронзовую фигурку и взмахнул ею, как булавой, – взял бы и убил. Уж лучше я, чем другие! Ты соображаешь, что творишь?

Робер пожал плечами, отвечать было глупо. Разве что сказать, что он-то как раз соображает. В отличие от сюзерена, родившегося и выросшего в Агарисе. Мать Альдо была агарийкой, отец – наполовину алатом! Наполовину неизвестно кем. Талигойская кровь в Раканах сошла на нет давным-давно, но беда была не в этом. Кровь может быть хоть гоганской, хоть бириесской, главное – понять и полюбить не свои выдум-

ки, а настоящую страну или живого человека. Сюзерену это не грозило, Альдо видел только то, что хотел. А слышал себя и только себя. Иноходец невесело усмехнулся.

– Айнсмеллер нажаловался?

– Не нажаловался, а рассказал. – Его Величество с грохотом водрузил статуэтку на место. – Все! С завтрашнего дня изволь ездить по городу в кирасе и шлеме. Считай это приказом.

– Нет, – оказывается, герцог Эпинэ научился говорить спокойно, как бы ни клокотало внутри, – я не стану ездить по собственной столице в доспехах. И солдатам не дам. Иначе нас окончательно в захватчики запишут, а от пули в спину кираса все равно не спасет.

– Тогда меняйся плащами с гвардейцами. – Альдо был не на шутку встревожен и расстроен, и Роберу стало стыдно за издыхающую дружбу. – Ты совсем себя загонял, так дело не пойдет.

– Фураж сам не придет. – Эпинэ с трудом удержался от того, чтоб прикрыть глаза ладонями. – Альдо, подданные не овцы, чтоб их стричь и резать. Подданных надо если не любить, так хотя бы делать вид, что любишь. И уж всяко не грабить сверх меры.

– И что дальше? – Альдо не злился, ему было скучно.

– У нас только один выход, – Лэ́йе Астрапэ, пусть сюзерен хоть что-нибудь поймет, хоть самую малость! – Перевешать самых ретивых мародеров и самых ретивых вешателей.

– Погоди, – Ракан задумчиво потер переносицу и зевнул. – Закатные твари, опять не выспался! Если так и дальше пойдет, забуду, как женщина без рубашки выглядит.

– Так-таки и забудешь, – отшутился Робер, а в душу глянули зеленые глаза. Лауренсия... Кем она была, его последняя женщина? В каком огне она сгорела?

– С самой Сакаци безгрешен, – возмущенно объявил сюзерен. – С этим королевством столько мороки, один Совет чего стоит, а без него все к кошкам летит.

– Так уж и все? – задал Робер нужный вопрос и сразу стал себе противен. – Да и не выходит у нас никакого Совета. Нужен двадцать один человек, при Эрнани осталось тринадцать, а сейчас ты, мы с Диконом, Придд, Рокслей и все.

– Ничего не все, – замотал головой Альдо. – Еще Удо, разыщи его, кстати. Берхайм, конечно, зануда порядочная, но он тоже настоящий, так что живем! И вообще, Повелители заменяют своих вассалов, а я заменяю любого Повелителя, так что законную силу Высокий Совет имеет.

– Ты это новому кардиналу сказать не забудь.

– Не бойся, – лицо Альдо стало плутоватым, – в еретики нас не запишут. Во-первых, мы нужны, во-вторых, против Эрнани Святого церковь не поперет, а Эрнани Высокий Совет собирал. Главное, чтобы твои распрекрасные талигойцы поняли – нет права выше права крови.

– Я бы предпочел другое, – проворчал Робер, растирая занывшую руку. – Неужели ты не хочешь, чтоб подданные

тебя любили?

– Полюбят, – подбоченился Альдо, – куда денутся, но в чем-то ты прав. Это секрет, но тебе, так и быть, скажу, чтоб не страдал. Будут у нас праздники, только не сразу. С чернью следует обходиться, как со строптивой женой. Сначала долго бить, потом долго любить.

– Ты женился? – дурацкая шутка, но хоть что-то. – А я и не знал.

– Нет, – хмыкнул сюзерен, – я книжки читал, пока ты по Сагранне разгуливал. Про Мария Крионского слышал? Это он сказал, а у него и жена имелась, и королевство.

– У него еще и любовниц стая имелась, – огрызнулся Эпинэ, – и бил он алатов, а любил агаров.

– Все меняется, о друг мой. – Альдо задрал голову, приняв позу древней статуи, не выдержал, махнул рукой и расхохотался. – Добра и зла нет, неизменны лишь ум и глупость. Пусть глупцы поймут, что военный комендант – одно, а гражданский – другое. И что ты у нас добрый и справедливый, а Айнсмеллер – не очень. Кстати, добрый и справедливый, почему ты не в придворном платье?

– Потому что у меня его нет, – признался Робер, разглядывая фигурку на камине. Стройный крылатый юноша с невозмутимым видом наигрывал на свирели, но отчего-то казалось, что милый музыкант только что устроил какую-то каверзу. – Он такой же, как его Повелитель.

– Повелитель? – не понял Альдо. – Ты о ком?

– Об Анэме, – пожал плечами Робер. – Эвроты всегда смеются.

– Эвроты?

Закатные твари, не знает он никаких эвротов и знать не хочет! И еще он не хочет, чтоб Альдо это понял.

– Я что-то такое слышал в Кагете. Адгемар ценил старье не меньше Енниоля, но это его не спасло. – С улицы донеслась перекличка труб, и Робер отдернул портьеру, радуясь возможности сменить разговор. – Ну и зрелище! Повелитель Волн при всех регалиях. Не то что я!

– Именно. – Альдо встал рядом с Робером, разглядывая вливавшуюся в Триумфальные ворота процессию. – Смотри и учись. Знаменосец, музыканты, должным образом одетая свита, а ведь Придд – юнец, ни должности, ни заслуг.

– Потому и вырядился. – Иноходцы Спрутов не любили, и Робер не собирался становиться исключением. – Нет заслуг – нужны знаменосец и оркестр, есть заслуги – достаточно лица и шпаги.

– Для Первого маршала Талигойи недостаточно, – отрезал Альдо. – Уважение других начинается с уважения к самому себе. Следующий раз изволь одеться как положено, а сейчас найди мне Борна.

3

Повелитель Волн явился раньше Повелителя Скал и те-

перь стоял у окна в окружении фиолетовых офицеров. «Спрут» носил траур по убитым родичам и был в сером бархате с одинокой герцогской цепью на груди. Жизнь жестока, но справедлива. Когда Вепри и Иноходцы умирали, Спруты выжидали и дождались. Палача! Семь лет назад мертвых оплакивал Надор, теперь настал черед Васспарда¹¹, но надорский траур был скорбным, а не вызывающим. Погибли многие, но побед без жертв не бывает, Придд же своей каменной физиономией бросал вызов радости и надежде.

Ричард, как мог, избегал бывшего однокорытника, но сейчас это было невозможно. При виде Повелителя Скал Валентин холодно поклонился. На вежливость следует отвечать вежливостью, Ричард поздоровался и быстро прошел мимо – говорить было не о чем. Дикон признавал заслуги Повелителей Волн, но они остались в далеком прошлом. Нынешнему Придду придется постараться, чтобы занять достойное место среди Окделлов, Эпинэ, Борнов...

– Ты уже выразил сочувствие герцогу Придду? – зашептал Наль. – Это был такой ужас... Такая несправедливость, мы все были поражены.

– Валентин Придд в моем сочувствии не нуждается, – отрезал Ричард, – и впредь прошу тебя воздержаться от подобных советов.

– Как скажешь, – сник кузен, – но вы же были вместе в Лаик, и потом...

---

¹¹ Семейный замок Приддов.

– Наль!

Родич поджал губы и замолчал. Гвардейцы очередной раз развели алебарды, давая дорогу графу Рокслею и его свите. Джеймс благополучно переступил новый бронзовый порог¹² и завертел головой, отыскивая знакомых. Ричард невольно улыбнулся и, мимоходом кивнув графу Тристраму, пошел навстречу Рокслею. Новый командующий гвардией юноше нравился так же, как когда-то Савиньяки, он не станет нести всякую ерунду и лезть с советами.

Было просто замечательно, что графский титул унаследовал именно Джеймс. Пусть маршал Генри погиб достойно, отец к нему относился прохладно, а Эмиль, говоря о прежнем Рокслее, заметил, что военному неприлично предпочитать казармам дворцовые паркеты. Маршал должен быть маршалом, а не придворным. Джеймс Рокслей в чине полковника командовал всей кавалерией Южной армии, а в столицу вернулся по просьбе Ги Ариго. Альдо Ракан произвел полковника в генералы и вручил ему талигойскую гвардию, пока, увы, немногочисленную. И все равно Джеймс целыми днями пропадал в казармах и на плацу. Он никогда не превратится в салонного шаркуна!

О том, что по этикету вассал подходит к главе Дома, а не наоборот, Дикон вспомнил как раз посреди зала. Уподобить-

---

¹² В гальтарские времена все парадные помещения имели бронзовый порог высотой «в четыре мужских пальца», покрытый символическими абвениатскими значками.

ся Придду и стать столбом было глупо, возвращаться к Налю – тем более. Ну и что, что положено наоборот? Титул титулом, а дружба дружбой. Ричард спокойно присоединился к Джеймсу, в конце концов, ругать Повелителя Стихий может только сюзерен, а он еще не появлялся.

– Монсеньор, – граф Рокслей слегка наклонил голову, – счастлив видеть вас в добром здравии.

– Пустое, – Дикон взял вассала под руку, – мы не на коронации, обойдемся без церемоний.

– Если мы не начнем тренировки прямо сейчас, – не согласился Рокслей, – мы неминуемо сядем в лужу. Кроме Валентина, разумеется. И еще Карлионов, если они приедут. Уж они-то в делах этикета не ошибутся.

Рокслей вряд ли намекал на матушку, но Ричард вспомнил именно ее. Поджатые губы, серая вуаль, четки в длинных пальцах... В глубине души Дикон признавал, что последний раз вел себя не лучшим образом, но мать тоже виновата. Повелитель Скал давно уже не мальчишка, за его плечами две войны, не считая октавианской бойни, и он, в конце концов, герцог и глава Дома. Женщина остается матерью, сестрой, женой, вдовой, но все решает мужчина. Так повелось от века. Если герцогиня Окделл чтит традиции, она должна смириться и с этой.

– Что с тобой? – Джеймс внимательно смотрел на замечтавшегося сюзерена. – Что-то случилось?

– Нет-нет, – замотал головой Ричард, – все в порядке. Что

ты думаешь о Высоком Совете?

Генерал задумался, теребя эфес шпаги. Рокслея называли отменным фехтовальщиком, и Дику давно хотелось проверить на нем свое искусство. К сожалению, траур по маршалу Генри исключал фехтовальные забавы.

– Джеймс, – вполголоса окликнул юноша, – почему бы нам после Совета не размяться со шпагами? Приезжай в мой особняк, как-никак, ты мой вассал. Вот и явишься с визитом.

– С визитом? – переспросил Джеймс. – Ах, да... Я как-то еще не привык, где ты живешь. И в Совете сидеть не привык. Хорошо, если у нас получится, а если нет? По праву крови становятся графами, но не генералами и экстерриорами.

– Ты во многом прав, – в самом деле, почему ничего не сделавшие для победы имеют те же права, что и сражавшиеся за нее?! – но если мы хотим возродить Империю, нужно вспомнить старые обычаи.

– Все ли? – в голосе Рокслея звучало сомнение. – Мы же не откажемся от пистолетов и подзорных труб и не нацепим на себя доспехи? Время на месте не стоит, что ушло, то ушло.

– Уходит не все, – Ричард стиснул собеседнику руку, давая понять, что большего говорить не вправе. – И в конце концов, такова воля Его Величества.

– О да, – согласился Джеймс и замолчал. Для него король Ракан был не более чем ожившей легендой. Рокслеи шли за Окделлами, верили им, но это доверие не распространялось на рожденного в Агарисе сюзерена.

– Его Величество знает, что делает, – Дик покосился на торчащего слишком близко Придда. – Так ты приедешь?

– Не сегодня. После Совета я еду встречать новое Высокопреосвященство. Не сказал бы, что я в восторге.

Ответить Дикон не успел. Высокая золотистая фигура чetyрежды ударила жезлом и провозгласила:

– Его Величество Альдо Первый, Милостью Создателя король талигойский, скоро призовет вас. Готовьтесь!

Вообще-то следовало говорить «волею Истинных Богов владыка и повелитель Золотых земель», но это потом, когда власть Раканов будет столь же прочной, как право на нее, а сейчас придется лицемерить, заигрывая то с Церковью, то с соседями...

Двери бывшей Гвардейской распахнулись, вошли шестнадцать воинов в кирасах со Зверем, застыли вдоль стен. Новые гимнеты¹³ сменили Личную королевскую охрану после покушения на Его Величество. Теперь Ричард был даже благодарен мерзавцу Давенпорту. Если бы не он, Альдо до сих пор ходил бы без охраны.

Новый удар жезла. Одинокй, резкий, как выстрел в ночи. Так встречают капитанов гимнетов¹⁴. Они обойдут Гербовый зал и вернутся за государем, чтоб провести его в Зал

---

¹³ Гимнеты – в гальтарские времена легковооруженные воины, охранявшие анакса и эпиархов.

¹⁴ Капитанами гимнетов могли быть только эории, но не главы Домов и не старшие в Высоком роду.

Совета. Первый встанет на ступени трона, место второго у двери, в которую без приказа никто не войдет и из которой никто не выйдет. Это традиция, и это необходимость, ведь будущее Талигойи держится на одном-единственном столпе, имя которому Альдо Ракан.

Два офицера с обнаженными клинками в руках прошли в шаге от Дика. Юноша был накоротке с обоими: с виконтом Мевеном их познакомил эр Август, а Дэвид Рокслей виконт Ройсли и вовсе был вассалом Окделлов. На верность Мевена и Ройсли можно положиться, но по силам ли вчерашним тенъентам защитить государя не только от кинжала, но и от яда? Капитаны гимнетов исчезли и тотчас появились. Вместе с Альдо.

– Наши верные вассалы, – четко произнес сюзерен, – мы желаем говорить с вами в Зале Высокого Совета.

4

По гальтарскому этикету за анаксом следуют главы Домов в окружении кровных вассалов – один спереди, двое с боков, еще один прикрывает спину. В Золотой империи за государем входили Повелители Стихий и лишь потом – кровные вассалы, но шествие всегда возглавлял Хозяин текущего Круга. Сейчас первыми были Окделлы, хоть их время и кончалось.

Жезл распорядителя возвестил начало движения. Дик то-

ропливо кивнул Рокслею. Задержка вышла совсем крохотной, но Валентину хватило и этого. Повелитель Волн четким военным шагом пересек зал, оказавшись между Ричардом и Альдо. Прямая серая спина маячила перед глазами, отделяя юношу от сюзерена. Окажись на этом месте Иноходец, Дикон бы не возражал. Эпинэ при всех своих странностях сделал для победы очень много, и потом, он был дружен с Альдо много лет, но Валентин?! Со Спрута станется повторить разудавшийся трюк и на коронации. Альдо предпочитает общество тех, кто разделил его изгнание и его триумф, но откуда это знать простолюдинам? Для них все просто: кто ближе к королю, тот ему и лучший друг.

Возмущенный юноша чудом не зацепился за еще один испещренный странными завитками порог, это отрезвило. Ричард быстро и незаметно огляделся – в Зале Высокого Совета он не бывал никогда. При Олларах здесь была Парадная приемная, но Ворон избегал парадных выходов, а личных приглашений от узурпатора герцог Окделл не получал.

Придд резко остановился и застыл, вынуждая замереть и Дика. За спиной Спрут носил морисский кинжал, на вид такой же, как у Ворона, но не с сапфирами, а с аметистами. Игра лиловых огней затягивала, и Ричард не заметил, как Альдо Ракан и неотступно следующий за ним капитан гимнетов миновали четыре ведущие к трону ступени. Раскатистый звон вырвал юношу из аметистового сна. Сюзерен сидел в строгом белом кресле, а ударивший в гонг Мевен стоял

рядом, готовый в любой миг прикрыть государя собой.

Валентин неторопливо двинулся к тронному возвышению. Все верно, члены Высокого Совета садятся без разрешения. Это право было даровано истинными богами, подтверждено анаксами и забыто королями.

Спрут картинно опустился в кресло по правую руку от сюзерена и застыл, словно копье проглотил. Над головой Повелителя поблескивала серебряная Волна. Четыре дома, четыре символа, четыре стихии. Они равны между собой, и они не смеют враждовать. Не смеют!

Ричард неторопливо поднялся на четыре ступени и занял предназначенное ему кресло. Скалам, как хозяевам Круга, принадлежало крайнее место слева. Окделлы должны начинать, а Эпинэ заканчивать. Пусть сегодня первым шел Придд, это не повторится, по крайней мере до Излома Эпох. А что будет через год, когда начнется эпоха Ветра? Повелителей должно быть Четверо, иначе ничего не выйдет. Или выйдет? Ракан может заменить любого, но во что это ему обойдется?

Его Величество что-то вполголоса втолковывал Мевену, вслушиваться было неприлично, а любоваться на Придда юноша не собирался. Иноходец, чье место было напротив, куда-то запропастился. Рокслей и Тристрам сидели внизу на скамье Скал. Джеймс явно держался подальше от соседа, благо место позволяло – Карлион еще не прибыл из своих владений, а Берхаймы были в Агарисе. Дому Скал еще по-

везло, у других нет и этого. Проклятые Оллары уничтожили все, до чего дотянулись.

Ричард поправил шпагу и принялся разглядывать плафон. Обойщики успели сменить обивку стен, но художники рабotaют годами. К счастью, гальтарские мотивы вошли в моду сразу после Двадцатилетней войны. Именно тогда Альбрехт Рихтер потряс Талигойю «Триумфом Манлия», а его ученик Сайлас Хэрт получил заказ на роспись семи дворцовых залов. Ричард разглядывал голоногих древних всадников в гребенчатых шлемах и вспоминал походы Лорио Борраски и победы Лакония.

Любопытно, где сейчас картина, стоившая жизни Джасти-ну Придду? Ричард не отказался б ее выкупить и повесить на лестнице. Спруту это пошло бы на пользу. Есть люди, которым следует напоминать о том, что на их одеждах есть пятна, иначе они становятся невыносимыми. Но кого все-таки изобразил Хэрт? Дикон по праву гордился своими знаниями по древней истории, но узнать двоих воинов, конь о конь врубившихся в толпу одетых в медвежьи шкуры варваров, юноша не мог – шлемы и красные плащи превращали неведомых гальтарцев в близнецов.

Четыре ровных удара в дверь. Так стучат лишь свои.

– Первый маршал Талигойи Робер Эпинэ к своему государю, – голос Дэвида Ройсли звучит ровно и спокойно.

– Мы ждем! – кивает сюзерен. Альдо без перчаток, и огонь свечей играет с королевскими кольцами. Карас, сапфир, аме-

тист, рубин, россыпь мелких бриллиантов. У каждого камня своя душа и свой норов, они любят, дружат, враждуют, ненавидят, совсем как люди. Рубин никогда не сойдется с изумрудом, бирюза оттолкнет сердолик, но сильнее всех алмазы и ройи.

– Первый маршал Талигойи здесь! – Дэвид делает шаг в сторону. Гимнеты распахивают дверь, давая дорогу Роберу, за спиной которого не кровные вассалы и даже не Карваль, а Удо Борн. Почему? Борны славятся благородством, но они – потомки младшей ветви Гонтов и должны ждать в Гербовом зале вместе с Налем...

Робер коротко преклонил колено перед Альдо, то ли извиняясь за опоздание, то ли докладывая об исполнении приказа. Сюзерен махнул рукой, синей искрой вспыхнул сапфир. Какой у него неприятный блеск! Иноходец прошел к своему креслу, Удо остался стоять, склонив голову и положив руку на эфес шпаги. Раздался звон часов. Один, Два, Три, Четыре!

– Когда марагонец взял Кабитэлу, в Высоком Совете было тринадцать человек. – Альдо Ракан поочередно обвел глазами своих вассалов. – Прошло четыреста лет, и нас по-прежнему тринадцать. Тринадцать, потому что мы, Альдо Ракан, подтверждаем, что именно Борны являются единственными и законными наследниками Генриха Гонта. Агарисская ветвь неправомочна, ибо берет начало от дальних родичей, воспользовавшихся чужим несчастьем.

Удо, сын Олафа, брат Карла и Рихарда! Займи свое законное место на скамье Волн. Мы повелеваем тебе и твоему потомству впредь именоваться графами Гонтами и дарим тебе земли от Кольца Эрнани до Южного Ноймара. Твой брат Конрад предпочел покой и безопасность, да будет так. Конрад Борн и его потомство останутся графами Борн со всеми привилегиями, за исключением прав на имя и владения Гонтов.

Щека Удо дернулась. До гибели Рихарда этого не было. Свежеиспеченный граф Гонт растерянно взглянул на протянутую ему руку, темно-серые глаза блеснули. Слезы или нечто большее?

– Моя жизнь принадлежит моему королю и моему королевству, – губы Удо коснулись кольца с аметистом, кольца Волн. Борн не слышал о древних Силах, для него Альдо был королем, а Талигойя – королевством, но Гонт имеет право знать все.

– Так и будет, – улыбнулся сюзерен, придав ритуальным словам неожиданную теплоту, – так и будет! Займи свое место, граф Гонт.

Удо отошел. Жаль, что он вассал Приддов, а Берхаймы служат Скалам, но ничего не поделаешь. Альдо задумался, откинув назад красивую голову. Тикал маятник, трещали свечи, воины с плафона продолжали свою затянувшуюся на века битву. Они не видели, не слышали и не понимали того, что происходит внизу. Будь Ричард Окделл поэтом, на-

стоящим поэтом, а не рифмоплетом вроде Барботты, он бы написал о гальтарских воителях, услышавших в Рассветных Садах голос нового анакса. Древние повелители могли быть спокойны за оставленную ими землю и ее молодого вождя.

– Старый закон прост, – поднял руку Альдо Ракан, – в Высокий Совет попадают по праву рождения. Король волен в жизни и свободе подданных, но даже он не может лишить их того, что они обретают по праву крови.

Алва, Савиньяки, Дораки, фок Варзов предали свою честь и свою кровь, но они есть, и пока они есть, в Высоком Совете остается тринадцать человек.

По обычаю, глава Великого Дома говорит за отсутствующих вассалов. Ричард Окделл! Тебе принадлежат Слова графа Карлиона и графа Берхайма, пока те не прибудут ко двору. Валентин Придд, граф фок Варзов предал короля и Талигойю, и я забираю у него его Слово и вручаю твоей чести.

Робер Эпинэ, в доме Молнии – два предателя. Савиньяк и Дорак. Их Слова отходят к тебе, как и Слово отсутствующего графа Ариго, которого мы надеемся увидеть в этих стенах...

Сюзерен говорил всем, но Дику казалось, что слова государя предназначены только ему. И еще Вечности.

5

Если днем метаться по городу, а ночами читать бумаги, через неделю будешь засыпать хоть за столом, хоть в церкви,

хоть на Высоком Совете. Лишь бы тебя не дергали.

Робер Эпинэ с силой сжал резные конские головы, но они были слишком гладкими, чтобы впиться в ладони, а сон затягивал, как болото. Вассалы на своих скамьях, стражники у дверей, колонны, статуи, фрески сливались в дрожащие пятна и отъезжали куда-то вдаль. И еще, как назло, было тепло и тихо. Ровный голос Альдо не мог тягаться с сонным маревом, из которого выныривали то физиономия Карваля, то пороховые мельницы, то стены Багерлее, над которыми кружило воронье. Ветер нес пожухлые листья, старый клен скрипел, жаловался, просил снять с него веревки, он не может уснуть, пока рядом бродит повешенный. А повешенный не уйдет, потому что у него нет имени. Значит, весны не будет, она больше не придет в Олларию, ее просто не впустят...

Рука Эпинэ соскользнула с подлокотника, герцог вздрогнул и поднял голову, неподъемную, как у мертвого коня. Спать было нельзя, не спать было невозможно. Иноходец с силой прикусил губу, потом щеку, солоноватый вкус во рту вернул Первого маршала на Высокий Совет. Альдо все еще говорил. Ноздри сюзерена раздувались, глаза блестели – он не хотел спать, он хотел царствовать.

– Мы вернем Золотой Анаксии ее величие, – объявил Альдо Ракан украшенной коронами двери, – мы пройдем от Седого моря до Померанцевого.

От Седого до Померанцевого? Зачем?! На юге Талиг и так выходит к морю, но нам не до тонкостей землеописания, нам

нужно все и сразу. «Золотая Анаксия» корячится в столице и полутора графствах, а сюзерен сдирает шкуры с неубитых волков и натягивает их на зайцев.

Робер Эпинэ дорого бы дал, чтоб не слышать, что несет Альдо, но затыкать уши на Высоком Совете – это слишком. Даже для Первого маршала.

– Нам не нужны огрызки с марагонского стола! – вещал человек, ни единого дня не живший за собственный счет. – Мы отказываемся от всех побед Олларов. Вернее, от подлостей, которые узурпаторы и их последыши называют победами. Нам не нужна варастильская зараза, бергерские камни, марагонские зыбуны! Все, что лежит за пределами Талигойи Раканов, может отправляться к кошкам. До поры до времени! Мы начнем с того, чем закончил Эрнани Одиннадцатый, и придем к тому, чем владел Эридани Великий!

Лэйе Астрапэ, что он плетет?! Это не упрямство, не сумасшествие, а нечто бóльшее. С такой рожей только вирши девицам читать, но не царствовать и не воевать.

– Мы есть закон, – возвестил потомок Раканов, – и мы есть власть! Мы и наши кровные вассалы. Остальные – лишь слуги анаксии. Мы напоминаем Повелителю Скал, что он владыка Полуночи и Рассвета и отвечает перед нами за земли, лежащие к северу от Раканы.

Ракана?! Это еще что такое?

– Вы удивлены? – Альдо довольно усмехнулся. – Вы думали, я верну своей столице имя, которое у нее отобрал ма-

рагонский бастард? Нет! Мы не желаем возвращать времена угасания. Кабитэла – это имя поражения, а нам нужно имя победы, залог силы, успеха, могущества. Столица – сердце империи, сердце подвластного нам Зверя, и залогом этого да будет ее имя. Ракана – главный город Золотой Анаксии! Ракана – столица Золотых земель! Ракана – центр мира и мироздания! Лэвон, лэвайе, эорианэ!

Непонимающие взгляды Придда, Борна, Рокслея, счастливое лицо Дикона, неуверенный писк Тристрама.

– Лэвон лэвайе эорианэ! – Бедные гвардейцы не понимают, что орут, для них это просто странно звучащие слова. Такие же дурацкие и непривычные, как их новое название.

– Лэвон лэвайе анаксэ Альдо! – Виконт Мевен с трудом сдерживает смех, для него происходящее забава, надолго ли?

– Лэвон лэвайе анаксэ Альдо! – Дикон выхватил шпагу, его примеру следуют Рокслей и Тристрам...

– Лэвон лэвайе... – А вот Придду все равно, что повторять – молитву или языческие здравницы. Удо Борн, то есть Удо Гонт, и вовсе не знает, чего от него хотят. И слов нужных не знает, не научили еще.

– Лэвон лэвайе, – требовательный взгляд сюзерена, старые, забытые тысячелетия назад слова, старое, вытащенное из Заката безумие. Может, это все-таки сон? Сон, в котором нужно кричать.

– Лэйе Аstrapэ! – Золотые листья-искры, грохот копыт, крики ястребов, пронзительное ржание. – Лэйе абвение ла-

этарэ!

Древние слова, новые места, вечная глупость, а сюзерен опять говорит. Теперь о могилах.

– Мы воздадим должное и чести и предательству. – Альдо ненадолго замолчал. – В Старом Парке будет храм, мы перенесем туда останки короля Эрнани. Рядом со своим сюзереном обретут пристанище его защитники Алан Окделл и Эктор Придд. Повелитель Скал, Повелитель Волн, вы слышите меня?

– Мой король! – Ричард с горящими глазами срывается с места. – Мой король!

– Да, Ваше Величество, – наклоняет голову Придд.

– Что до узурпатора и его прихвостней, – несется дальше Альдо, – то они не должны осквернять собой землю Раканы. Перед нашей коронацией бастард и его приспешники будут вывезены за пределы столицы и сожжены, а пепел развеян над марагонским трактом.

«Приспешники бастарда»... А что ждет маршала Эпинэ, защищавшего Талиг Франциска от наемников королевы Бланш? Шарль Эпинэ выбрал то, что следовало. В отличие от Анри-Гийома... Дед связался с Алисой и погубил семью. Внук связался с Раканом и губит Талиг. Чем он лучше Поля Пеллота, повешенного Рене Эпинэ? Намерениями, да кому они нужны, эти намерения?!

– Мы сказали, – возвестил Альдо, поднимаясь с места и кладя руку на эфес, – а вы выслушали. Завтра в полдень

ждем вас в зале Зверя, где мы будем принимать иноземных послов и оказавших нам услуги ординаров.

Напоследок напомним о главном. Ординары за свои заслуги могут получать награды, чины, должности, но они останутся ординарами, а эории – эориями. Мы – спасение Талигойи, ее будущее, ее слава и сила! Идите и готовьтесь к войнам, нет, не к войне, к победам! Лэвон лэвайе!

К победам? К сыру в мышеловке, но кричать придется, не влезать же в перепалку с Альдо при солдатах, как их ни обзывай! Дикон в восторге, Мевену смешно, Рокслеи и Борн, который нынче Гонт, ничего не понимают, Тристрам и не поймет, а вот Спрут... Как бы он не понял слишком много.

Глава 5

Вараста

399 года К.С. 18-й день Осенних Волн

1

Холодная капля сорвалась с набухшей шляпы прямо на нос. Виконт Валме тихонько ругнулся и за какими-то кошками послал коня к самой воде, туда, где отнюдь не речные волны со склочным шипением лизали то ли очень крупный песок, то ли очень мелкий гравий. Исхлестанная ливнем Рас-

санна выглядела отвратительно. Дальний плоский берег сливался с неопрятным небом, превращая реку в грязно-желтое море. Дождь тоже казался желтым и злым, хотя с чего ему злиться, он же дождь, вода, которой вздумалось литься на тебя сверху... Раздался кошачий визг – над головой проплыла чернохвостая речная чайка. Валме проводил птицу злобным взглядом и выругался уже в полный голос.

– Ты чего? – Чарльз Давенпорт присоединился к Марсели, пытаясь понять, с чего бы того понесло к реке.

– Ничего, – буркнул Марсель, – не терплю речниц. Летучие ызарги!

– Голуби хуже, – утешил Чарльз, – зря мы съехали с тракта, на этой крошке только подковы терять.

– Да знаю я! – начал Валме и тут же мысленно закатил себе оплеуху. – Прости, я сегодня не с той ноги встал. Поехали?

– Поехали, – пробормотал Чарльз, не отрывая взгляда от мутной реки. Давенпорт разговорчивостью вообще не отличался, а сегодня и вовсе изображал из себя рыбу, благо воды хватало.

– Ты давно был в Тронко? – не отставал Марсель, которому расхотелось молчать.

– Вообще не был, – Чарльз все еще смотрел в воду. – Я же из Надора. До Лаик дальше Придды не забирался.

– А я из Эпинэ, – обрадовал спутника Марсель, – но все дороги ведут в Олларию, вот я там и болтался.

– И я болтался, – выдавил из себя Давенпорт. Горло у него

болит, что ли? – Сначала – в оруженосцах, потом – в гарнизоне. После Октавианской ночки просился в Торку, а меня загнали в Личную охрану... Леворукий, убил я Генри или нет?

– Выбирай, что нравится, – посоветовал Валме, – и хватит страдать!

– Рокслею место в Закате, – и без того сжатые губы Давенпорта превратились в сухую щель, – и не только ему. С Джеймсом и Дэвидом мы приятьствовали, но это – дело прошлое.

«Дело прошлое»... А что настоящее? Взбаламученная река и взъерошенный спутник. Теньент, пристреливший маршала. Или не пристреливший. Какая прелесть, как сказал бы Алва.

Вот так всегда, начнешь с желания выпить и прихвастнуть шикарным знакомством, а кончишь войной, которую не прекратишь, пока жив. Даже если того, кто тебя в нее втянул, уже нет.

– Я никак понять не могу, – Давенпорт в упор глядел на Марсея, – кто меня во дворец засунул? Рокслеи или Савиньяк?

– А тебе как приятнее? – Валме стянул с мокрой головы мокрую же шляпу, хорошенько стряхнул и снова нахлобучил.

– Предпочел бы Рокслеев. Лучше подвести их, чем Лионеля или Ворона, хотя его мне раз восемь убить хотелось.

– Даже так? – брови Марсея подскочили вверх, и в глаз тут же попала вода. Мерзость! – Ты в своих желаниях не одинок.

– Представь себе, – подтвердил Давенпорт, понукая коня, – очень хотелось...

2

– *Что происходит в городе? – Первый маршал Талига смотрит на встречающего его теньента. Черный конь зло прижимает уши и долбит копытом плиты двора. Смуглые солдаты в беретах молчат и ждут. Чего?*

– *В городе волнения, – объясняет теньент Давенпорт. Он командует ночным караулом и знает, что творится в столице, то есть ему кажется, что знает. – Они охватили Нижний город...*

– *Тогда почему вы в казармах?*

Почему? Чарльз не знает ответа, но он слышал, как Джордж Ансел спорил с Мореном, а потом прошел к коменданту. Через десять минут полковник вернулся и скучным голосом отчитал сержанта за дурно вычищенные мушкеты. Ворота закрыли, солдат погнали на плац. Гарнизон Оллари под несмолкающие колокольные вопли отрабатывал парадные повороты. До одури, до полного оупения.

Из-за стены тянуло дымом, орали взбудораженные птицы, по синему небу ползли черные полосы. Кто-то колотил

в ворота, громко и отчаянно. Колотил и кричал, а они маршировали. Потом трубачи заиграли отбой, настало время ужина, и они отправились ужинать... Килеан-ур-Ломбах аккуратно резал ножом жареное мясо и говорил о диспуте в Нохе и о новых мушкетах, Морен отвечал, Ансел хмуро слушал, что делал он сам, Чарльз не помнил. Может, даже ел...

«Почему вы в казармах?» Бесстрастное лицо, ровный голос, белые парадные перья, а перчатки черные, походные. Чарльз Давенпорт первый раз видит Кэналлийского Ворона так близко. На Первом маршале Талига парадный, с иголки, мундир и белый плащ, из-за атласного плеча таращится встрепанный мальчишка в кирасе. Кирасы и на сопровождавших Ворона кэналлийцах, но сам герцог не унизился до забот о собственной шкуре.

— Господин комендант не счел нужным. — Килеан-ур-Ломбах — снулая рыбина, дурак, зануда, очень может быть, что подлец, но он старший. Старший, раздери его кошки! Что останется от армии, если наплевать на приказы? А что останется от совести, если выполнять все, что велят?

— Где он? — Небо за спиной Алвы отливает багровым, мутно и тревожно пахнет гарью.

— В своих апартаментах. — Господин комендант просил его не беспокоить, но говорить об этом нельзя. Это правда, но и правда бывает доносом.

— Прекрасно. — Равнодушный взгляд, ровный голос, и кто

только сказал, что у южан все написано на лице? – Поднимайте людей, тенъент. Приказ Первого маршала. Идемте, Ричард, поговорим с господином комендантом Оллариш.

Ричард? Конечно же! Ворон взял в оруженосцы сына Эгмонта Окделла, а тот пошел. Год назад Дэвид Рокслей от этой новости чуть с моста не свалился, теперь все привыкли.

Сын мятежника растерянно вертит головой. Откуда ему знать, где комендантские апартаменты? Чарльз хочет показать, но герцог отмахивается от помощи, как от уличной собачонки.

– Я знаю дорогу, тенъент. – Белые перья и черные, походные перчатки, безупречная вежливость. Крик или пощечина не унижают, унижает пренебрежение. Кто он такой, чтоб судить о других, судить и выносить приговоры?! Корнет Окделл тоже задирает голову и крутит носом. Куда ворон, туда и воробей.

– Через полчаса гарнизон должен быть готов, – велит Ворон. – Одежда – праздничная, кирасы и шлемы – боевые.

Хлопает дверь, это выскочили полковники. Оба! Кто им сказал? Караул вот он, здесь!

– Полковник Ансел, полковник Морен, прошу за мной, – Первому маршалу Талига не до младших офицеров, начальству тем более. Они уходят вчетвером, надо полагать, к Килеану.

Если б не Ансел с Мореном, Чарльз не удержался бы, от-

ветил, и гори все закатным пламенем, но время упущено. Для слов, не для выстрела.

Давенпорт видит прямую спину маршала, захоти кто всадить в Ворона пулю, это труда не составит. Теньент трогает пистолет и думает – нет, не о том, чтоб выстрелить, а о том, что не следует поворачиваться спиной к тем, кого оскорбляешь...

– Утро, сударь, – голос Валме возвращает в дождь и дорогу. Все уже случилось и все еще случится. – Просыпайтесь, сейчас будет шадди.

– Простите, задумался. – Они с Марселем давно на «ты», но память не только будит прошлое, но и топчет настоящее.

– Думать вредно, – хмыкает недавний щеголь, придерживая коня, – здешние обитатели это, без сомнения, понимают и тратят время на более полезные вещи. Например, на беседы с мокрыми путниками.

– Закатные твари, ты о чем? – Чарльз никогда не был силен в светских беседах, а Марсель упорно изъяснялся, как салонный балбес.

– О том, что за теми ивами собралось премилое общество военного образца, – виконт Валме неторопливо расправил складки плаща, – а поскольку в здешних краях Раканов не наблюдается, остается предположить, что мы у цели.

– День добрый, господа, – усатый кэналлиец откинул капюшон и приложил руку к начищенной каске, – сержант Пахарильо, Вторая Южная Армия, полк рэя Бадилю. Кто вы и куда едете?

– Капитан Валме, – представился Марсель, с явным одобрением разглядывая обветренную физиономию, – офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига Рокэ Алвы. С устным поручением к генералу Дьегаррону и Его Преосвященству Бонифацию. Мой спутник – тенъент Чарльз Давенпорт. Вот наша подорожная.

Сержант честно подержал перед носом протянутые Валме бумаги, вернул владельцу и улыбнулся, обдав путников мощным чесночным духом.

– А мы вас третий день ждем. Хоть сейчас в седло.

– Ждете? – переспросил Марсель, убирая изготовленную им же подорожную в кожаный футляр. – Нас?

– Ну, кого собрано пошлет, – пояснил Пахарильо. – Только вы, правду сказать, всех обставили. Вас с севера ждали, а вы с юга заявились.

– Есть такое, – Валме многозначительно улыбнулся, как всегда, когда ничего не понимал. – И все бы ничего, да вымокли, как мыши...

– А просушиться не желаете? – Пахарильо полез за пазу-

ху. – Если не побрезгуете.

– Шутите, сержант, – развеселился Валме, принимая фляжку, – кто ж касерой брезгует? Разве что гайифцы, ну так они и девиц не жалуют. Так, говорите, третий день? Тогда надо спешить. Вы с нами?

– Вас капрал Азулес проводит, – кэналлиец привстал в стременах и заорал: – Бласко, веде ай¹⁵. А нам тут еще два дня крутиться, пока подменяют. Мало ли кого принесет, а в Тронко кому попало делать нечего.

– А мы когда доберемся? – только оторвавшись от фляжки и передав ее Чарльзу, Марсель понял, как хочет выпить и увидеть наконец Дьегаррона.

– К вечеру, – обрадовал Пахарильо. – Только коней бы вам сменить. Езжайте на наших запасных, а ваших мы приведем.

– Не наши они, – Марсель погладил мокрую лоснящуюся шею, – сменные, на своих бы мы еще Леворукий знает где болтались, а у вас что слышать?

– Тихо было, – свел брови кэналлиец, – потом про дурь в Эпинэ слушок пошел. Губернатор тамошний солдат требовал, только не наше дело – чужой навоз разгребать. Бонифаций, епископ наш, так гонцу ихнему и вlepил. Дескать, сам обгадился, сам и прибирай. Но дороги мы перекрыли, мало ли... Так и жили, пока от собрано курьер не прискакал. Манрик-младший армию угробил, а мятежники обнаглели и на столицу рот разинули. Тут уж не до шуток, зима не зима,

---

¹⁵ Иди сюда (кэналл.).

а драться придется. Бласко, давай сюда Бронку с Карбоном, проводишь рэев в Тронко.

4

Снова чужие лошади, не поймешь, какие по счету, но дорога кончается. Еще немного, и они будут у Дьегаррона. В последний раз Чарльз видел кэналлийского маркиза в Гельбе. Энтони Давенпорт командовал пешими мушкетерами, Хорхе Дьегаррон – конными стрелками.

Худой быстрый кэналлиец не терпел намеков и доносов, служить с ним было одно удовольствие. Тогда еще корнет Давенпорт дорого бы дал за то, чтоб остаться в Придде, но отец не счел возможным служить в одной армии с сыном. Пришлось возвращаться в столицу...

– Чарльз, – Валме придержал доставшегося ему рыжего Бронку, – кажется, мы никого не удивим, зато ты наконец узнаешь, что с Рокслеем.

– Они готовы выступить, – тенъент глянул на ехавшего впереди капрала, – я иду с ними.

– И куда? – Марсель задрал голову к небу. – Я себя обманываю или облака стали пожиже?

Облака оставались прежними, и дождь никуда не делся, просто все гораздо лучше, чем казалось. Алва в Талиге и действует, так что Рокслеи с Раканами скоро будут завидовать Эгмонту, тот хотя бы удостоился дуэли.

– Вы становитесь все мечтательней, – Валме укоризненно покачал головой. – Что ж, попробую завести светскую беседу с капралом Бласко.

– Я задумался, – честно признался Чарльз. – Мой отец служил с Дьегарроном, я хотел определиться к нему, не вышло.

– Теперь выйдет, – жизнерадостно заверил Валме, – теперь у нас все выйдет.

– Ну а ты? – Давенпорт в упор взглянул на улыбающегося приятеля. – Ты куда?

– Как сказал бы милейший Пахарильо, к soberano, – наследник Валмонов церемонным жестом приподнял умученную дождями шляпу. – Я офицер для особых поручений при персоне Первого маршала, и ему от меня не отделаться.

Неунывающий виконт дал шпоры Бронке, жеребчик взвизгнул и прыгнул вперед, Давенпорт пожал плечами. «Soberano»... Всюду у них soberano, Монсеньор, маршал... Вот и он бросился не к отцу, не к старшему Савиньяку, а к Алве. Нет, обида и злость никуда не исчезли, просто стало не до них.

Накрытый по всем правилам стол, разлитое вино, круглые, удивленные глаза Фердинанда, женские вопли, торжествующие лица, такие знакомые....

– Сложите оружие, – шепчет тень короля. – Ваша присяга никому не нужна, как и ваша честь.

– Уберите шпагу и уходите, – приказывает маршал Рокс-

лей, выигравший сражение с верившим ему сюзереном.

Подчиниться? Уйти? Остаться с победителями, друзьями, покровителями?

Теньент не может послушаться. Теньент ничего не решает, да и решать уже нечего. Фердинанду конец, столица в руках Рокслеев. Все решено без тебя, ты ни в чем не виноват, ты ничего не изменишь...

– Именем Талига! – Чарльз спустил курок, почти не целясь, промахнуться было столь же невозможно, как и не стрелять.

Он вышел из своих казарм вопреки всем приказам мира, иначе было нельзя. Разве что застрелиться самому, но это было бы трусостью.

– Гуэн ва? – окликнул веселый голос. – Елес Бласко?

– Ектой, – откликнулся Азулес, – сон тос офисьялес. Хенераль?

– Экта айки, – из-за угла показался здоровенный нос, к которому было приделано достойное его тело. – Дор каворэ! Эктэра ун ворко

¹⁶.

Обладатель носа исчез. Капрал завернул коня вправо.

– Генерал у себя, – пояснил он, – это близко.

---

¹⁶ – Кто идет? Это ты, Бласко? – Я. С офицерами. Где генерал? – Здесь. Пожалуйста, подождите немного (кэналл.).

Хорхе Дьегаррона Марсель в лицо не знал. Генерал был не из тех, кто торчит в столицах, а Валме до недавнего времени принадлежал к столь нелюбимому вояками племени придворных шаркунов. Тем не менее маркиз указал на обитые рыжим атласом кресла.

– Прошу... Полагаю, вы голодны. – Выглядел кэналлиец неважно, говорили, он так до конца и не оправился от раны.

– Мы обедали, – заверил Марсель. Давенпорт молчал, надо полагать, сочинял рапорт о переводе в Южную армию.

– Значит, будете ужинать, – постановил генерал, – и я с вами, с утра ничего не ел. Виконт Валме, я третьего дня получил письмо от вашего батюшки, он о вашем приезде не упоминал.

– А он о нем и не знал, – признался Марсель, – я и сам-то не знал. Все случайно вышло. Рокэ уехал, я за ним, неподалеку от Шевр-Нуар налетел на Давенпорта, он ехал из Оллари. Мы обменялись новостями и свернули к вам.

– И правильно сделали. – Маркиз Дьегаррон откинулся на спинку кресла. Валме когда-то слышал, сколько ему лет, но как назло забыл. – Я слушаю.

– Чарльз, – встрял Марсель, – похоже, ваши новости важнее моих.

– Благодарю, сударь. – Давенпорт встал и вылез на сере-

дину комнаты. С этими военными не соскучишься. – Правильно ли я понял, что вы ждете приказа Первого маршала?

– Жду, – кивнул курчавой головой Дьегаррон, – этот приказ у вас, не так ли?

– У меня нет никакого приказа, – отчеканил тенъент, отчаянно напоминая Герарда, – я покинул столицу вместе с полковником Анселом, когда Рокслеи захватили короля.

– Что вы сказали? – генерал вскочил и болезненно сморщился. Бедняга! С больной головой и узнать такую пакость. – Пойдите!

Дьегаррон распахнул дверь.

– Лиопес, – голос маркиза звучал почти весело, – разыщите епископа, да поживее!

– А губернатора? – спросили из-за двери.

– Успеется. Придет Бонифаций, накрывайте на четверых. – Кэналлиец вернулся к рабочему столу, но не сел, а как-то странно, одними плечами, прислонился к стене. – Подождем святого отца, он у нас умный. Ты когда выехал?

– Пятнадцатого Ветров, – начал Чарльз, его лицо стало жестким, – то есть шестнадцатого. Пятнадцатого я убил маршала Рокслея и пробрался к полковнику Анселу. Когда начался мятеж, он заперся в казармах с резервным полком из Дорака и третью гарнизона. Я рассказал о захвате Фердинанда и предательстве Морена и Рокслеев. Отбивать город и штурмовать дворец с нашими силами было бессмысленно. Ансел принял решение уйти в Ноймаринен. Мы выступили

ранним утром, нас не задерживали, по крайней мере, до Корты. Оттуда я повернул на юг.

– И встретил виконта, – внимательные черные глаза уставились на Марсея. – Что ж, сударь, теперь ваш черед, расскажите про свои похождения. О фельпской кампании я в общих чертах осведомлен.

– Тогда не буду повторяться. – За какими-то кошками Валме тоже вскочил, вот уж с кем поведешься. – Маршал Алва получил приказ оставить армию на Эмиля Савиньяка и переехать в Урготеллу. Мы переехали.

– Кто «мы»?

– Сам герцог, его порученец, ваш покорный слуга и кэналлийская охрана. Да, с нами были еще фельпцы.

– А это что еще за птицы? – маркиз прищелкнул пальцами и смутился. Иногда он казался пожилым человеком, иногда чуть ли не мальчишкой, только виски были седыми. Славный человек, жаль, расхворался не ко времени.

– Сын адмирала Джильди, он капитан галеры и наш друг. Рокэ... Маршал Алва откупил на три года «Влюбленную акулу» у Фельпа.

– Что дальше?

– Дальше? – вздохнул Валме. – Дальше мы сидели, как куры в мешке, потому что письма, которые не крал Манрик, крал Фома. Мы не получали ничего, кроме королевских приказов, Алву это бесило... Мы понимали, что в Талиге что-то не так, и готовились к войне с Бордоном.

– Только с Бордоном? – Рокэ Дьегаррону родич или нет? Наверняка какой-нибудь троюродный кузен, но по виду не скажешь. – О Гайифе речь не шла?

– Маршал говорил, – припомнил виконт, – дожи – это закуска.

– Так и есть, – кивнул генерал, – «дельфины» – дорога к «павлину». Что было потом?

Потом были отравленные лилии, маэстро Гроссфихтенбаум с его скрипками, принцессы, дождь и последний вечер, когда и слепой бы сообразил... Валме прокашлялся, лилии и принцессы маркиза не интересовали, а последняя песня... Про нее не расскажешь даже кэналлийцу.

– Двенадцатого Осенних Ветров Алва что-то узнал... – И делал вид, что все в порядке, мерзавец. – Он исчез утром вместе с галерой Джильди, даже кэналлийцев бросил.

– И вы?

– Я поехал в Талиг. – Из Тронко все его эскапады казались смешным и нелепыми, каковыми и являлись. Виконт Валме бросается на помощь кэналлийскому Ворону! Изумительный сюжет...

– Понятно, – нарочито равнодушным голосом сказал Дьегаррон. – Дороги в это время года оставляют желать много лучшего.

– В этом мире многое оставляет желать лучшего, – заявил Марсель, понимая, что совершает очередную глупость. – Генерал, мы просим нас использовать соответственно нашим

способностям и умению.

– Погодите, виконт, – махнул рукой кэналлиец, – что делать со способностями Валмонов, лучше всех знают Валмоны. Карло, ты давно видел отца?

– Весной в Давенпорте.

– Поедешь к нему, но не сразу, а через Надор. Армии Талига должны стать единым целым. – Генерал потянулся было к чернильнице, но передумал. – Ничего нет глупей приказа, написанного до ужина. Капитан, Алва вам этого не говорил?

– Нет, – передернул вдруг замерзшими плечами Марсель, – он говорил, что армия войны всегда бьет армию мира...

За стеной что-то хлопнуло, потом еще раз, уже ближе. Валме оглянулся и узрел внушительного оллариянского епископа с богатым наперсным знаком, но в тяжелых стоптанных сапогах. У святого отца всего было много, но особенно – бровей и чрева.

– Хляби небесные разверзлись, – возвестил клирик, – «и не смогла принять земля в лоно свое всю воду, и вышли из берегов реки...», а все потому, что низверглась на землю вода, а воды много не выпьешь.

Дьегаррон молча подошел к бюро и вытащил оттуда бутыл и четыре стакана. Бонифаций, а бровеносец мог быть только им, хитро глянул на кэналлийца и повернулся к Марселю:

– Сказано: добродетель жены проступает в лицах детей ее,

а стезя воинская есть удел храбрых и сильных духом. Вижу я, наследник Валмонов сменил багрец и парчу на доспехи, а золото – на сталь.

– Самому странно, – пробормотал виконт, оторопело глядя на святого отца, – вышло так.

– Нет пути, аще не от Создателя, – поднял толстый папалец пастырь, – но выбор стези жизненной, равно как и выбор супруги, есть дело благое и непринужденное. Ты не перекаати-поле, а человек, и не ветер тебя катит, а сам идешь. Потому и говорю, молодец. Что привез? Когда «павлина» щипать будем?

– До «павлина» далеко, – Дъегаррон плеснул в кубки какого-то подозрительного пойла, похожего и не похожего на касеру, запахло полынью, – и до Олларии тоже. Опоздали мы, и Рбсио тоже опоздал.

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

1

Розовые зимние лилии пахли парфюмерной лавкой и осыпали неосторожных липкой красно-коричневой пылью.

Мерзкие цветы и утро мерзкое! Луиза Арамона с ненавистью ткнула воняющий духами веник в пузатую нухутскую вазу и, держа ее на вытянутых руках, чтоб не щеголять пятнистым носом, предстала перед утонувшей в креслах королевой, которую велено было называть «госпожой Оллар».

Катарина не возражала. С приходом Ракана кошка сочла за благо превратиться в полудохлого ангела – если она не лежала в обмороке, то молилась или тряслась в лихорадке, Луиза никак не могла решить, поддельной или нет. Выглядела Катарина – краше в гроб кладут, но капитаншу не радовало даже это.

– Откуда они? – пролепетала королева, глядя на устрашающий букет.

– Из оранжерей Рокслеев. – Графский братец влюблен в тебя, как весенний заяц, и ты это прекрасно знаешь. И лилии эти знаешь, потому что Придд присылает хризантемы, а Окделл – цикламены и фуксии. Ослы!

– Я... Я благодарна. – Ее бывшее Величество соизволило коснуться пальчиком розового, как подштанники Манриков, лепестка, вздохнуть и прикрыть глазки. Приставленная к хворому агнцу Одетта Мэтьюс колыхнула ватной грудью и прогавкала:

– Какая роскошь!

– О да, – шепнула Катарина, – но мне ближе лесные и полевые цветы... От запаха лилий мне становится дурно. Милая Луиза, вас не затруднит их вынести?

Милую Луизу не затруднило. Какой бы Катарина ни была, от лилий ей и впрямь становилось худо. Можно лгать словами, глазами, губами, но зеленеть по собственному почину еще никто не выучился. Госпожа Арамона торопливо вывелохла из спальни проклятуший букет, немного подумала, отправилась в небольшую комнату, превращенную в подобие приемной, и водрузила ношу на камин. Будь ее воля, женщина б шмякнула вазу с вонючками об пол, а еще лучше – об башку влюбленного капитана Личной тараканьей охраны или как его там, но приходилось брать пример с Катарины и сидеть тихо.

– Госпожа Арамона, – Луиза вздрогнула не хуже дражайшей Катари и столь же торопливо обернулась. Одетта Мэтьюс прижала палец к губам и прикрыла дверь, – госпожа Арамона, меня волнует здоровье Ее... госпожи Оллар. Она ничего не ест!

Не ест – и Леворукий с ней! Меньше, чем об аппетите Катарины Ариго, Луиза думала только о собственном. Нет, она понимала, что их с Селиной жизни зависят от того, насколько удачно немоощное создание в гостинной заморочит голову нынешним хозяевам Оллари, но понимать – одно, а жалеть – другое.

Капитанша пару раз усиленно вздохнула.

– У госпожи такое слабое здоровье! Она всегда ела, как птичка.

Может, у кошки и вправду не было аппетита, но вернее

всего несчастная боялась растолстеть. В страдания коровы никто не поверит, хотя коровы страдают не меньше, чем бабочки.

– Вы не знаете, – Одетта была собакой добродушной и из всех сил опекала доверенную ей овцу, – такие приступы бывали и раньше?

Кто ж ее знает? Такой бледной Катари не была даже в Багерлее, но тогда дура еще не загнала в петлю человека, без которого умирала. И лучше б умерла! Если б не жена, Фердинанд был бы в Придде, а Рокэ – на свободе. Милой Катари не хотелось в тюрьму к Манрикам, и она удержала мужа в столице...

– В последние месяцы на долю госпожи Катарини выпало слишком много испытаний, – с достоинством произнесла Луиза, – ее разлучили с детьми, она перенесла заточение.

Как же, думает эта кукушка о детях! Ждите! Только о себе. Ну, может, еще о Рокэ, только что теперь думать? Свое дело она сделала!

– О да, – качнула щеками Одетта, – как я ее понимаю. Я и сама...

«Я и сама...» Луиза уже забыла, сколько раз слышала эту фразу. У Одетты была дочь, которую взял в жены родич Рокслеев. Теперь «малютка Джинни» была в деликатном положении, о чем мать трещала с утра до вечера. Немногочисленная свита бывшей королевы билась от Одетты в конвульсиях, но Луиза слушала безропотно. Хорошие отношения с

надсмотрщиками еще никому не помешали, к тому же, пока Мэтьюс гудела об утренних рвотах, можно было думать о своем.

Будь здесь Аглая Кредон и догадайся она, что в голове у дочери, Луиза бы в очередной раз узнала, что она – вылитая мармалюка. К счастью, матери в Олларии не было. Папенька уволок любовницу и младших внуков прочь из города, так что за Жюля и Амалию капитанша не беспокоилась. Граф Креденьи был не из тех, кто попадает в ловушки и считает суаны. С Герардом тоже было все в порядке. Матери, даже самые мармалючные, всегда знают, что с их детьми. Когда семилетняя Селина по дурости Арнольда едва не утонула, Луиза это почувствовала. И когда Жюль сломал руку, а Герард провалился в колодец – тоже. Нет, Жюлю, Амалии и Герарду не грозит ничего, а Селина на глазах. Старое крыло дворца, куда поместили «госпожу Оллар», было одним из самых безопасных мест в загаженной Олларии. И самых тихих, потому что Катарина Ариго не желала никого видеть, Ракан не хотел видеть жену Оллара, а влюбленный Рокслей прятал свое сокровище от соперников.

– Вы, как мать, меня понимаете, – дудела озабоченная Одетта, – хотя нет, вам это только предстоит. По-настоящему осознаешь, что такое материнство, лишь когда твоя собственная дочь носит дитя. Но, раз уж мы с вами заговорились, давайте пройдем в буфетную. Дэвид прислал засахаренные груши, совершенно роскошные! Они все равно про-

падут, у ее вел... у госпожи Оллар нет аппетита. Кстати, лекарь сказал моей дочери, что с ее телосложением...

Вот бы убить мать и дочь вместе с нерожденным младенцем и податься в выходцы! Луиза с пониманием закивала головой:

– Доктор прав, много сладкого вредно, особенно если носишь мальчика.

– Вы думаете? – Одетта ухватила Луизу под руку. – Ну идемте же! Уверяю вас, нашего отсутствия не заметят.

– С удовольствием, если честно, я обожаю сладкое.

Придется жрать груши в сиропе и хрюкать, а Рокэ в Багерлее. Один! Герцог не из тех, кто тянет за собой в Закат других. Он не взял с собой никого... Никого! Герард цел и в безопасности, а синеглазый кэналлиец – в лапах возомнившего себя королем ублюдка. Святая Октавия, ну почему он это сделал?! Фердинанд – хороший человек, но ТАКОЙ жертвы не стоит. Если бы бывшего короля казнили, Луиза б ревела, не просыхая, ночи напролет, но сейчас капитанша собственноручно бы придушила глупого толстяка, из-за которого Алва полез в пасть к Зверю.

2

Кабинет Его Величества находился во власти обойщиков, и Альдо ждал своего маршала в зале Высокого Совета. Робер бы выбрал для работы комнату попроще, но он править ми-

ром не собирался. Гимнеты стукнули об пол зверского вида алебардами, и Первый маршал Талигойи ввалился в пристанище мудрости. Сюзерен сидел на троне, уткнувшись в документы, на полу у ног Его Величества возвышались две бумажные кучи. Альдо небрежно бросил то, что читал, в левую и потянулся.

– Иди сюда, а то кричать придется.

– А ты комнаты поменьше не нашел, – Эпинэ с сомнением оглядел бумажные горы, – и чтоб со столом?

– Не подумал, – признался Альдо, – а скакать туда-сюда непочтенно, короли не скачут.

– Короли думают, – не выдержал Иноходец, плюхаясь в ближайшее кресло, оказавшееся синим. Что ж, вот и повод для безнадежного разговора.

– Кажется, я становлюсь наследником Ворона. Сначала – конь, теперь – кресло...

– Было б неплохо, если б ты и меч нашел, – живо откликнулся Его Величество. – Закатные твари, корона у меня, жезл у Эсперадора, а меч у этого негодяя!

– Альдо... – Главное – равнодушие, ты не хочешь влезать в это дело, но ты не можешь не предложить другу свои услуги. – Хочешь, я поговорю с Вороном? Пусть отдаст меч, а мы...

– Нет! – свел брови Альдо.

– Вот как? – легкая обида и недоумение. Еще бы, хотел помочь, а нарвался на грубость. – Ты мне не доверишь?

– Я не желаю, чтоб мой маршал метался между долгом и ложной благодарностью, – отрезал сюзерен. – Я дал Ворону время на раздумье. До коронации. Дальше пусть пеняет на себя!

– Так ты с ним говорил?

– Говорил. – Альдо явно не рвался передать подробности, но складка между бровями говорила сама за себя. – Редкостный наглец! Он еще не понимает своего положения.

Алва не понимает? Как бы не так! Это ты ничего не понял, ничему не научился и не видишь, что скоро предстоит выбирать между шкурой и короной. В Эпинэ еще можно было отступить, это не поздно и сейчас, но Альдо вцепился во власть, как бракованная гончая в зайца. Трясет и не замечает, что вокруг – волки. Робер залихватски махнул рукой:

– Ну и пошел он к кошкам. Ты мне лучше скажи, кардинала Талигойского кто встречает?

– А ты откуда знаешь? – подозрительно сощурился Альдо.

– Я Первый маршал или нет? – из последних сил зевнул Иноходец. – Мне доложили о курьерах Эсперадора.

– Никола?

– Он – комендант Олла... Тьфу ты, Раканы. Но что в письме, он не знает.

– Надеюсь. – Альдо откинулся на спинку кресла и лукаво подмигнул. – Но тебе я скажу. К нам едет Левий из ордена Милосердия. Как видишь, обошлось без «истинников», а ты боялся.

– Боялся, – признался Робер, – и сейчас боюсь: так просто они нас не оставят.

– Сколько раз тебе говорить, это мы их оставим, когда будет нужно. – Альдо изловчился и перепрыгнул через разложенные бумаги. – Но сейчас без клириков не обойтись. Мне нужно благословение, и мне нужен жезл, и он будет!

– Не думаешь ли ты, – Робер тоже поднялся, на синем бархате завивался серебряный смерч, предвещая ненастье, – что Эсперадор расстанется с подарком Эрнани Святого?

– Расстанется, – заверил Альдо Ракан, – когда у меня будут меч и корона. Вот тогда можешь есть цивильников с потрохами, я слова тебе не скажу.

– Я – Иноходец, а не ызарг, – копившаяся с утра злость вырвалась наружу, оскалилась и зашипела, – падалью не питаюсь.

– А падаль есть, – засмеялся Альдо, – и ее надо есть, чтоб не воняла, значит, без падальщиков не обойтись. Ладно, я тебя не за этим звал. Пора нанести визит твоей кухне, а то бедняжку совсем забросили.

– Ты собрался к Катарине? – Других кузин у него нет, по крайней мере законных. – Зачем?

– Именно, – подтвердил Его Величество. – За сию особу ходатайствует герцог Окделл, а мог бы и ты.

Сюзерен поправил перевязь и подмигнул. Он был собой доволен, как, впрочем, и всегда.

Луиза остервенело пилила проклятые фрукты, не забывая манерно отставлять мизинец и охать и ахать в подходящих, с ее точки зрения, местах. Груши были приготовлены по всем правилам кондитерского искусства, только вот госпожа Арамона с детства не терпела сладкого.

– Жаль, что госпожа Оллар не принимает посетителей. – Луиза героически проглотила кусок засахаренного кошмара. – И не может поблагодарить господина капитана за заботу. Он такой достойный молодой человек! У него сейчас, наверное, много дел?

– Ужасно много, – подтвердила Одетта и подналегла на серебряный фруктовый ножик. Груша лопнула, плюнув в обидчицу медовым соком. Луиза выхватила платочек и протянула заляпанной дуре.

– Скорей сотрите! А пятна на платье мы сейчас засыплем солью!

– Благодарю, – пропыхтела сластена, вытирая рожу, – вы так любезны.

– Ах, что вы! – пропела Луиза. – Я виновата перед вами. Я отвлекла вас разговорами о ваших родичах, но поймите и меня, вы – особа, приближенная к трону, а я так любопытна...

Приближенная к трону особа благожелательно улыбну-

лась и вновь взялась за фрукт. Если б только она поменьше болтала о своей брюхатой дочери и побольше о политике.

– Да, мой зять ничего не скрывает от моей дочери, – половина груши исчезла в мягкой пасти, – и это меня волнует. Ей в ее положении не стоит знать о некоторых вещах...

А госпоже Арамоне в ее положении знать о них просто необходимо! Значит, будем жевать сладкое и кивать. Кивать, жевать и спрашивать.

– Госпожа Мэтьюс, вы меня пугаете! Что-то случилось?

– К счастью, нет, но Джеймсу Рокслею придется выехать встречать нового кардинала. Это очень опасно.

– Опасно? – квакнула Луиза, слегка открыв рот. – Вы говорите, опасно?!

– На дорогах очень тяжелое положение, – госпожа Мэтьюс, без сомнения, повторяла слова зятя, – в Олларии – трудности с продовольствием, а эти негодные трактирщики и торговцы прячут припасы. Вы не поверите, но за хлебом теперь приходится отправлять солдат.

И почему это она не поверит? Очень даже поверит. Какой дурак повезет товар, если его все равно отберут?

– Благодарю, – будущая бабушка протянула Луизе липкую, пропахшую корицей тряпку, – вы меня так выручили.

– Но бунта не будет? – Луиза двумя пальцами взяла испачканный платок и нечаянно уронила под стол. – Какое счастье, что мы под защитой гвардии! И как замечательно, что гвардией командует Джеймс Рокслей. Ему так идет новый

мундир. Он ведь настоящий красавец! Наверное, он скоро женится?

– Видите ли, – закатила глаза Одетта, – тут есть некоторые сложности. Надеюсь, я могу быть с вами откровенна?

Луиза всем своим видом изобразила, что тайна уйдет с ней в могилу, но услышать о затруднениях семейства Рокслеев не удалось. В прихожей раздался шум, госпожа Мэтьюс всплеснула руками и бросилась к двери, Луиза потрусила следом. Они успели увидеть, как красивый кавалер в белом и золотом отвешивает изысканный поклон сжавшейся в комочек Катарине Ариго.

– Сударыня, мне следовало сделать это раньше, но у меня слишком много дел. Вы мне простите, если я обойдусь без церемоний и представлю себя сам. Я – Альдо Ракан.

Этот?! Глаза Луизы впелись в новоявленного короля. Он и впрямь был хорош. Стройный, высокий, светлые волосы, голубые глаза, на подбородке – ямочка. От таких ангелочков женщины млеют, но Луиза Арамона была стервой и не терпела сладкого в любом виде.

4

Молодая хрупкая женщина съежилась в огромном вызолоченном кресле. На кожаных подушках поместились бы три Катарины, но она была одна. Совсем одна. Напуганная, ничего не понимающая, больная. Лицо неподвижно, руки те-

ребят янтарные четки. Золотистые, как глаза Мэллит, камни дрожат в длинных пальцах...

Робер стоял за спиной Альдо и смотрел на двоюродную сестру, сам не понимая, узнает ее или нет. Он не раз видел Катари сначала девочкой, потом – девушкой, но запомнились лишь алые фамильные платья и светлые, как у матери-северянки, волосы. Косы у бывшей королевы остались прежними, слишком тяжелыми для тоненькой шеи. Платье кухни теперь было черным, а вот лицо Робер забыл на смерть, хотя по всем законам отвечать за эту женщину теперь ему. Если, разумеется, не объявится ее блудный братец, но это вряд ли.

Сбоку что-то зашуршало, наверное, слуги. Бывшая королева вздрогнула, словно очнувшись, бросила четки, торопливо соскочила с кресла.

– Я... Я приветствую... я счастлива видеть потомка Эрнани Святого...

Янтарь соскользнул с гладко выделанной кожи и беззвучно упал на ковер. Альдо галантно поднял четки и протянул собеседнице:

– Успокойтесь, сударыня, вы и ваши дамы в полной безопасности.

Королева моргнула и робко коснулась солнечных бусин. Несчастное существо! Кто же ее так запугал? Уж точно не Фердинанд. Сильвестр? Манрики? Покойные братья? Или все сразу. Жозина говорила: мать Катарини тоже была не из

храбрых.

Альдо взял вцепившуюся в камешки женщину под локоть и подвел к креслу у окна. К счастью, не столь огромному.

– Умоляю, сядьте. – Эпинэ не мог видеть лица сюзерена, но с женщинами Альдо обращался более умело, чем с лошадьми. Его не боялись и ему верили, иногда слишком.

Бывшая королева вымученно улыбнулась и почти упала на парчовые подушки. Альдо самолично подвинул стул и устроился напротив собеседницы.

– Сударыня, я понимаю, вы привыкли к другому положению, но ваш супруг никогда не был законным королем этой страны.

– Я знаю... Но его называли королем, а меня – королевой, только... Только... – Женщина в кресле замолчала, разглядывая обручальный браслет на тонком запястье. – Я была никем... Даже больше, чем никем. Не оправдавшей надежд заложницей, помехой на дороге мужчин, узницей... Нет, Ваше Величество, в моем положении ничего не изменилось. Я ничего не потеряла и ничего не обрела.

– О нет, – мягко поправил Альдо, – вы обрели свободу. Вас выдали замуж насильно, вы и Фердинанд Оллар принадлежите к разным церквям. Этого достаточно, чтобы новый кардинал объявил ваш брак недействительным и вернул вам родовое имя.

– Ваше Величество, – Катарина подняла глаза на гостя, словно прося извинить ее, – я благодарю вас за вашу добро-

ту, но я не могу ею воспользоваться.

– Почему? – Альдо выглядел удивленным. – Вы молоды, хороши собой, вас ждет счастье.

– Ваше Величество, – в голосе женщины слышались тоска и непреклонность, – я согласилась выйти замуж за Фердинанда Оллара и прожить с ним до конца дней своих, когда он был королем. Да, я сделала это по просьбе родных, но добровольно. Меня никто не принуждал. Я дала клятву, и я ее исполню. В мире один Создатель, а девушка лишь единожды может отдать свою невинность... Я перед Создателем и своей совестью – жена Фердинанда Оллара и должна разделить его судьбу, какой бы та ни была.

А Дикон на этот раз прав, Катари и впрямь жемчужина! Не любить мужа, но не оставить его в беде! На такое пойдет не всякая, хотя благородство Катари может спасти ей жизнь, когда вернутся Оллары. А они вернутся.

– Ваши чувства и ваши слова делают честь вам и вашему дому, – наклонил голову Альдо. – Судьба Фердинанда Оллара еще не решена, мы вернемся к нашему разговору позже.

– Это ничего не изменит. – Катарина поднялась, вынудив к тому же царственного гостя. – Я не хочу, чтобы про меня говорили: эта женщина отдала себя королю и отреклась от узника. Если я оставалась с мужем, когда он был на троне, как я могу уйти сейчас? Это... Это бесчестно!

Сюзерен улыбнулся, и Робер понял – ему пришла в голову мысль, от которой он в восторге.

– Сударыня, – Альдо Ракан поцеловал тонкую руку, – вы – истинная талигойская эория, но я – ваш король. Я не позволю вам губить свою жизнь, но вы слишком слабы и взволнованны. Умоляю, сядьте.

Она не спорила. Не потому что сдалась, а потому что все равно сделает по-своему. Через страх, нежелание, отвращение, но сделает. Потому что считает нужным. У некоторых женщин чувство долга превышает всего. Такова Катари, а у Мэллит превышает всего любовь... И та и другая достойны счастья, но есть ли оно в этом мире?

– Эрэа, – Альдо тоже уселся, он в отличие от Катарии разговор законченным не считал, – ваш супруг – враг Талигойи, но вы ни в чем не виноваты. По закону вы должны перейти под покровительство вашего ближайшего родича. Я надеюсь, граф Ариго скоро будет с нами.

Граф Ариго не приехал в столицу, даже когда получил титул. Кузен всю жизнь проболтался в Торке и, говорят, стал настоящим бергером. Вряд ли стоит ждать его сейчас.

– Жермон... – взгляд Катарии затуманился. – Я писала ему, но мои письма не доходили... Окружение моего... моего супруга оторвало меня от всех, кого я любила.

– Забудьте об этом, – потребовал Альдо. – Раз и навсегда. К тому же одного родственника я вам привел. Если я не ошибаюсь, мой Первый маршал – ваш кузен, и он здесь.

Что говорить, он не знал. И Катарина не знала. Эпинэ смотрел в голубые глаза двоюродной сестры, о которой не вспоминал десять лет. Беспамятный подонок! Хорошо, Альдо по просьбе жмущегося за дверью Дикона отправился к бывшей королеве с визитом, ему самому бы это и в голову не пришло. Повелитель Молний барахтался в воображаемом одиночестве, а рядом был человек, женщина, отчаянно нуждавшаяся в помощи и слишком гордая, чтоб напоминать о себе.

– Ну что, родственничек, – хохотнул Альдо, – речи лишился?

Лишился. Сначала совести, а потом речи. Он думал о ком угодно: о южанах, Альдо, Рокэ, повешенном мальчишке, о Моро, наконец, – но не о кухне. И ведь он не один такой! Удо тоже приходится Катарине братом, только троюродным. И тоже забыл. Несчастную девочку бросили в змеиное кубло и там оставили. За ненадобностью.

– Катарина, – слова застревали в горле, – что я могу для вас сделать?

– Ничего, – в голубых глазах появились и исчезли слезы, – у меня все есть... Не беспокойтесь обо мне... Хорошо, что вы пришли... Я хочу тебе сказать. Я все знаю... И про эра Гийома, и про твою матушку... Мне так жаль!

Ей жаль! Вместо того чтобы дать ему пощечину, она плачет о его матери. Робер поднес к губам сухую горячую ручку:

– Катари, я тебя совсем не знал.

– Откуда? – она героически улыбнулась. – Я не была дома со... со свадьбы, а ты?

– Я после Лаик первый раз в Оллари!

– В Ракане, Робер, – добродушно поправил сюзерен. – Ничего, теперь наговоритесь. Эрза, если кузен будет к вам невнимателен, я посажу его в Багерлее как государственного преступника.

– Нет! Только не Багерлее! – Катарина вскочила, тяжелая прическа не выдержала, на худенькие плечи обрушился пепельный водопад. – Простите! Я... Я просто испугалась. Так глупо...

– Это вы простите, – в голосе Альдо звучало весьма несвойственное ему раскаяние, – я неудачно пошутил. Робер – мой лучший друг, мы никогда не сделаем друг другу ничего плохого. Однако, сударыня, если б не моя бестактность, я бы лишился возможности рассмотреть лучшие волосы моего королевства.

– Ваше Величество, – Катари вскинула руки, словно защищаясь, – не говорите так.

– Сударыня, – сюзерен часто прятал смущение то под бравадой, то под игривостью, но откуда знать об этом Катари? – Я – король Талигойи, и я говорю все, что считаю нужным. У вас воистину чудесные волосы.

– Ваше Величество, – сказал, что они друзья, пусть терпит, – на правах опекуна прошу вас не смущать мою кузину. Она слишком мало нас знает и может неправильно понять.

– Увы, – Альдо от души хлопнул Робера по плечу. – Но скоро она узнает нас лучше. Эрэа, я всю жизнь мечтал встретить женщину, в которой добродетель уживается с красотой, и наконец встретил.

Пустой комплимент. Был бы пустым, если б не оскорблял Мэллит, о которой этот вертопрах и думать забыл. Только бы Катарина не приняла все за чистую монету, она и так несчастна.

– Ваше Величество, – пробормотала кузина, – я... Я счастлива видеть вас... И Робера, но я не ждала гостей. Если вы позволите... Я хотела бы привести себя в надлежащий вид.

– Разумеется, – сюзерен встал и поклонился, – в вашем распоряжении будет столько слуг, сколько понадобится. Я надеюсь видеть вас на коронации.

– Ваше Величество, – она снова подняла голову, как тогда, когда отказалась оставить Фердинанда, – я прошу меня освободить от этой чести. Супруга не должна бывать при дворе, когда супруг в Багерлее.

– Как вам будет угодно, – в голосе Альдо раздражение мешалось с восхищением, – но портных и образцы тканей я вам все-таки пришлю.

– Вы очень добры, мне ничего не нужно.

– И после этого кто-то утверждает, что ангелов не быва-

ет?! Что ж, эрэа, мы подчиняемся и уходим, но ненадолго. — Альдо честно поднялся, но до двери не дошел. Лоб сюзерена прорезали две морщинки. О чем-то вспомнил, и, видимо, о чем-то не очень приятном.

— Эрэа, я знаю, среди ваших дам есть девица Окделл.

— Айрис — моя подруга, — глаза королевы внезапно стали молящими, — я ей стольким обязана. Она меня поддерживала... Она и вдова капитана Лаик с дочерью. Если б не они, я бы... не выжила.

— Я рад, что молодая герцогиня достойна отца и брата, — с явной неохотой заверил Альдо. — Ричард писал ей, но не получал ответа. Он полагает, Айрис опасается разлуки с вами.

— Ваше Величество, — личико Катарины посерело. — Мне... Мне дурно. Разрешите мне...

Робер все-таки опередил Альдо, подхватив падающую женщину.

Сюзерен громко требовал лекаря и ругал служанок. Первыми вбежали две дуэньи — толстая и худая, затем в дверях мелькнуло испуганное девичье личико. Костлявая дама с роскошными светлыми косами втиснулась меж Робером и сюзереном и потребовала:

— Ей нужно лечь. Немедленно.

Эпинэ покорно опустил свою ношу на огромную постель. Катарина была без сознания. Хлопнул дверь, пришел врач. Белокурая дуэнья сделала реверанс:

— Сударь, есть вещи, которые женщины скрывают даже от

королей. Прошу вас удалиться.

Глава 7

Ракана (б. Оллария)

399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

1

Сколько можно посылать цветы и записки, когда нужно прийти самому и сказать о своей любви. Громко и открыто! Пусть все знают, что Ричард Окделл любит Катарину Ариго и защищает ее своей честью, своим клинком и своим именем! Катари восхищалась отцом, но счастлива будет с сыном. Они сочетаются браком в Олларии, а потом он увезет жену в Надор, но не сразу. Замок надо перестроить, только сначала придется уговорить мать переехать во вдовью крепость.

Катарина слишком мягка и уступчива, ей нельзя жить под одной крышей со свекровью, да и сестрам пора выйти из-под материнской опеки. Этой зимой в столице опасно, но на следующий год все войдет в свою колею, и невесты из Дома Скал займут подходящее им место. Конечно, лучшей партией для них стал бы Валентин Придд, но породниться со Спрутами?! Робер старше Айрис на тринадцать лет, но это можно было бы пережить, если б не вконец испортившийся

характер. Альдо считает, что Иноходца загубили старые поражения. Он не верит в победу и в свои силы. Говорить с ним все труднее, но руку Катари придется просить или у ее брата, или у Робера, только это случится не раньше, чем Ее Величество избавится от Фердинанда.

Жирного узурпатора, все еще считавшегося мужем Катари, отправили в Багерлее, хотя вернее было бы отправить его в Закат. Каким бы ничтожным ни был Оллар, он – повод для мятежа. Пусть сейчас «навозники» притихли, не следует обольщаться, весной они заявят о себе. За свободу Талигойи придется драться, и до окончательной победы доживут не все.

В дальнем конце галереи раздались голоса и топот, глухо стукнули древки алебард, хлопнули двери – сменился караул. О чем можно говорить столько времени? Юноша не знал, что и думать: Альдо не собирался задерживаться у Катари, только заверить ее в своем покровительстве и разрешить девице Окделл переселиться к брату. Это должно было занять несколько минут, но часы отбивали четверть за четвертью, а король не появлялся. Теперь Ричард ругал себя за то, что не пошел с Альдо, но первая после разлуки встреча не для чужих глаз. Своих дам королева может отослать, а заупрямившихся, буде такие отыщутся, герцог Окделл сумеет призвать к порядку, но короля выйти не попросишь. Знай Альдо правду, он бы не стал мешать, но фамильная сдержанность помешала Дикону открыться даже другу и сюзерену.

В Алатской галерее, соединявшей дворец с Охотничьим флигелем, где разместили Катари, было два десятка забранных витражами окон. Дикон третий раз кряду принимался пересчитывать разноцветные стеклышки, но всякий раз сбивался и начинал заново, а время шло, и к мыслям о Катари подленько приплетались другие, мелкие и нелепые. О горячем вине, куске хлеба с мясом и хоть какой-нибудь скамейке.

Увы, галерея не предназначалась для ожидания, в ней не было мебели – только картины и охотничьи трофеи, хорошо хоть обошлось без кабаньих голов. Злые языки могут извратить все, в том числе и герб, а злых языков в Олларии хватает даже сейчас. Намарал же кто-то на воротах: «Свинья в вороньих перьях». Надпись смыли, осадок остался.

Ричард вздохнул, привалился к стене, стараясь, чтобы вес приходился на спину, и опять принялся считать стекла. Он так и считал, пока в дальнюю дверь не ввалился наглец в лиловой ливрее с корзиной хризантем. Ричард никогда не любил эти разлапистые, пахнущие дымом цветы, но сегодня они казались особенно нелепыми. Хотя чего ждать от Спрутов? Даже хорошо, что Валентин ничего не понимает в цветах.

Лакей Приддов проволок свою корзину мимо Дика, то ли не разглядев его сквозь топорщившиеся цветы, то ли не пожелав разглядеть. Связываться со слугой не хотелось, и Ричард побрел от картины к картине, изображая, что полностью поглощен алатскими забавами. То ли на юге зверье

было крупней, чем в Надоре, то ли художник перестарался, но оскалившиеся черные и бурые чудища не уступали размерами лошадям, на которых они вопреки здравому смыслу бросались. От нечего делать юноша принялся считать гончих и обнаружил одну лишнюю ногу, втиснувшуюся между еловым пнем и здоровенным охотником в распахнутой на груди шубе. Юноша хмыкнул над просчетом давным-давно умершего мазила. Пятая собачья лапа была забавным казусом, а вот его собственные ноги дошли до предела. Топтаться на одном месте трудней, чем идти, особенно когда на тебе парадная обувь. Ничего не скажешь, выглядит она красиво, но высокие изогнутые каблуки превращают черные с золотом сапоги в орудие пытки.

Из апартаментов Катари вышла толстая дура в сборчатом платье, приняла корзину, глупо хихикнула и исчезла. Спрут тоже уполз, останавливать его Ричард не стал – нельзя опускаться до расспросов, как бы ни хотелось узнать, кто эта толстуха и почему вышла именно она.

Юноша мужественно добрался до конца галереи, за скрещенными алебардами Полуденных гимнетов виднелись лестничная площадка и уголок Голубиной гостиной с диванами, креслами и придворными. Еще нарвешься на кого-нибудь, от кого не отцепиться, и вообще, он слишком долго ждал, чтобы уйти. Хорош Повелитель Скал, не может часок постоять! Ричард Окделл решительно направился к окну, выходящему в один из «висячих» садилов, разбитых пря-

мо на крышах.

Золото витражей не могло скрыть низких серых туч, рас-
трепанной сухой травы, пустых ящиков. Летом тут, без со-
мнения, было прелестно, но сейчас южные растения и клет-
ки с птицами вынесли, фонтанчики иссякли, и только стату-
ям осень была нипочем. Обнаженные юноши и девушки яв-
но не желали спасти свою душу, изнурая плоть. Интересно,
потребуется новый кардинал убрать «гальтарскую бесовщину»
или закроет на нее глаза? Хорошо, что Левий из ордена Ми-
лосердия, он наверняка знал Оноре.

Только б Его Высокопреосвященство не разделил судьбу
епископа, ведь на дорогах полно предателей и просто граби-
телей. Джеймс выехал навстречу кардиналу, но не слишком
ли поздно? Нужно было сделать это самому еще неделю на-
зад. В дороге люди сходятся быстро, он бы рассказал Левию
о Катарине Ариго, а так Его Высокопреосвященство утонет
в политике и коронационных торжествах, до него не добе-
решься.

– На красоток любишься?

От неожиданности Дикон вздрогнул. Так всегда бывает,
когда ждешь слишком сильно.

– Ваше Величество!

Альдо казался довольным, а Робер откровенно расстроен-
ным. Что-то случилось? Альдо сжал плечо Окделла.

– Ты был прав, Дикон, Катарина Оллар – удивительная
женщина. Будь она хоть на четверть столь же красива, как

благородна, я б не устоял.

Да что он понимает в красоте?! Ракан – умница, благороднейший человек, истинный вождь, но в женщинах не разбирается. Ему подавай смазливых алаток и алые розы, разве он оценит прелесть фиалки или гиацинта?!

– Я могу навестить Ка... мою сестру? Я хочу взять ее к себе.

– Почему бы и нет? – Альдо как-то поскуchnел. – Мы твою сестрицу не видели, но Катарина знает, что я не намерен лишать ее общества девицы Окделл.

– Можно я пройду к... к сестре прямо сейчас?

– Дикон, – сюзерен нарочито вздохнул, – ты – Повелитель Скал и опекун всех женщин своего рода. Тебе не нужно никакого разрешения, чтоб забрать Айрис.

2

Слава Создателю и Катари, сахарный красотун и его хмурый приятель убрались к кошкам. И неважно, с чего Катари взбрело в голову грохнуться в обморок, главное, она свалилась вовремя. Луиза поправила подушку, на которую опиралась позеленевшая королева, и доложила:

– Герцог Придд прислал хризантемы.

– Пусть госпожа Одетта поблагодарит герцога, – проблеяла Катарина и судорожно сглотнула. Подозрение, что обморок был самым что ни на есть настоящим, усилилось. Вот так

и бывает – врешь, врешь да и наведешь на себя порчу! Болезни липнут к притворщикам, как мухи к дохлятине, простолоудинки это знают, а дворянки корчат из себя страдалиц, пока не доиграются.

– Ваше Величество, – Луиза почитала за благо наедине величать Катарину прежним титулом, – Альдо Ракан весьма учтив, он разрешит пригласить лекаря.

– Нет! – прошептала Катари, но шепот весьма походил на крик. – я... Я им не верю!

Может, она и права. Жалует Альдо, не пожалует какой-нибудь генерал или посол. И вообще Леворукий знает, чего доктора суют в свои тинктуры! Уж если в святую воду яд подсыпали, лекарство тем более отравят и не чихнут, а Катарина Ариго нужна Луизе живой. Пока хитрохвостая кошка при сливках и подушках, они с девочками в безопасности. Госпожа Арамона укоризненно покачала головой.

– Как угодно моей королеве, но плоды кошачьей розы я вам заварю. Сама.

– Спасибо, – улыбнулось бывшее величество, – кошачья роза – то, что нужно... И еще крупноцвет...

А рвотное-то зачем? Неужели и вправду травят, но чем? Все едят и пьют одно и то же, да и отравителей вокруг не видеть. Не Одетта же!

– Хорошо, Ваше Величество.

– Мы будем пить его все вместе...

Или рехнулась, или что-то подозревает, а чутье у ведьмы

лисье. Что ж, от крупноцвета еще никто не сдох, а зеленую морду она как-нибудь переживет. Да и Селине сейчас красота не нужна, не те времена.

– Как прикажет Ваше Величество.

– Милая Луиза, – Катарина укоризненно покачала головой, – как я могу приказывать? Я прошу...

Просит она... Мать тоже «просила», особенно при господине графе, но попробовал бы кто-то не сорваться по просьбе госпожи Аглаи с места, он жалел бы об этом месяц! Талигу повезло, что девица Кредон не вышла замуж за короля, хотя будь маменька помоложе, лучшей пары Ракану не найти.

Госпожа Арамона со злостью отпихнула кресло, на котором только что сидел мальчик-розанчик, и принялась за цветы. Когда в спальню ввалилась Одетта, капитанша держала в руках жбан с хризантемами, вполне годящийся для убийства.

– В приемной герцог Окделл, – глазки будущей бабушки вращались, словно у влюбленного рака. – С разрешения Его Величества.

– Милая Одетта, – Катарина завозилась среди своих подушек и вновь схватила рукой за горло, – милая Одетта... Я нездорова, попросите герцога прийти завтра.

Толстуха вышла. Катарина откинулась назад и прикрыла глаза. Луиза расценила это как желание остаться одной и выскочила из комнаты. Любопытство сгубило кучу баб и кошек, не говоря о мужиках, но, пока не наступит конец света,

носы в замочных скважинах не иссякнут.

Госпожа Арамона давно облюбовала дверцу, которой пользовались истопники, зажигавшие камины, выходящую в нишу, отделенную от приемной тяжелым бархатным занавесом. Луиза с детства примечала то, что могло сгодиться, и вот оно сгодилось.

О том, что Окделл вернулся вместе с Раканом, Луиза знала. Попробовала бы она не знать, если брат Айрис заваливал Катарину мелкотравчатой дрянью, но поглядеть на бывшего оруженосца Ворона не получалось. Катари не желала никого принимать, а из апартаментов выпускали только Одетту. Надо полагать, после тараканьего визита что-то изменилось, и хорошо... Луиза извелась и от неизвестности, и от безделья, не считать же делом вышивание осточертевших розочек и возню с цветами.

3

Толстая дама в платье с оборками звалась госпожой Мэтьюс и находилась в родстве с Рокслеями. Это было странно – Рокслеи славились худобой и узкими лицами, отец шутил, что его вассалы портят Скалам всю породу и им место в Доме Молнии. Доживи герцог Эгмонт до сегодняшнего дня, он был бы счастлив и за Талигойю, и за сына, но, будь жив отец, что бы было с Катари?! Смогла бы она преодолеть девичью влюбленность или так бы и страдала всю жизнь о же-

натом Повелителя, который никогда не запятнает себя изменой? Даже любя.

– Монсеньор, – Одетта Мэтьюс колыхнула юбками, что, видимо, означало реверанс, – госпожа Оллар нездорова, но, если она завтра будет чувствовать себя лучше, она вас примет.

Завтра?! Еще один день без Катари! А если она и завтра не сможет? Или не захочет?

– Что с Ее... с вашей госпожой?

– Она дурно спала ночь.

И только? Нет, здоровье ни при чем! Катари больно показываться тем, кто знал ее раньше. Она всегда думала о других, о Создателе, но не о себе, и ее столько раз предавали. Юноша едва удержался от того, чтоб схватить родственницу Джеймса за топорщащиеся оборки.

– У меня очень важные известия, – это было ложью или не было? – Я должен ее увидеть.

– Мне очень жаль, – пропыхтела дуэнья, – это невозможно. Госпожа Оллар проводит время в молитвах, она не принимает даже врача.

В молитвах? Она и раньше молилась день и ночь, не за себя – за братьев, за Талигойю и за... Окделлов. И вот теперь ее молитвы услышаны, но сама Катари чувствует себя одинокой и незащищенной. Если ее не остановить, она уйдет в один из вновь открытых монастырей. Уж не об этом ли она столько времени говорила с Альдо?! Нужно что-то делать, и

немедленно, иначе будет поздно!

Толстуха сделала еще один реверанс, прощальный. И Ричард решился:

– Сударыня, королева больна, я понимаю, а моя сестра?

– Ваша сестра? – дама выглядела озадаченной. – Что ваша сестра?

– Айрис, Айрис Окделл здорова?

– О да, – кругленькие, темные глазки растерянно заморгали, – герцогиня Айрис здорова.

– Я должен ее видеть. Приказ короля!

– Монсеньор, – пропела дуэнья, – я сейчас же ее приглашу.

Оборчатая туша с неожиданной прытью метнулась к двери, всколыхнулись бархатные занавески, запахло пылью.

Ричард пригладил волосы и поправил шпагу. Айрис... Сестренка, плакавшая над мертвой лошадыю. Девочка, у которой достало мужества последовать за опальной королевой в Багерлее. Айри всегда была смелой и преданной, она должна быть счастлива! Пусть она выросла в нищете, сейчас у нее будет все, и только самое лучшее. Она так жалела о Бьянко, надо купить ей такого же! Или нет, белый линарец будет напоминать о старых неприятностях, а вот серый в яблоках... Серый конь для сероглазой девушки – как раз то, что нужно! И неважно, что среди линарцев эта масть встречается редко, для сестры Повелителя Скал торговцы в лепешку расшибутся. Так же, как и для супруги. Вот Катари и впрямь пристало

ездить на белоснежной длинногривой кобылице.

В особняке Штанцлеров Ричард видел картину, изображающую свадьбу Лорио. Юная Беатриса так походила на Катари! Те же нежность, чистота и мужество. Герцог Окделл закажет для своей королевы такие же подвески, только не из серебра Боррасок, а из золота Окделлов. И достойного невесты коня тоже найдет. Белые мориски – неопишуемая редкость, но у Катари в день свадьбы будет именно белая мориска с вплетенными в гриву фрезиями и колокольчиками.

– Монсеньор, герцогиня Айрис Окделл счастлива видеть своего отважного брата.

Айрис влетела, словно за ней кто-то гнал. Щеки сестренки разругались, глаза блеснули. Наль прав, она в самом деле стала славенькой! Как же давно они не виделись! Но изгнанник вернулся с победой. Ричард бросился навстречу, готовясь подхватить девушку на руки, но Айри увернулась. Дикон не успел ничего понять, а сестра с воплем «ызарг поганый!» с маху ударила его по щеке.

4

Ричард обалдело тряс головой, а раскрасневшаяся Айрис налетала на брата, словно разъяренная воробиха. И не просто налетала.

– Свинья! – Звуки пощечин были громкими и нелепыми, словно повар отбивал мясо. – Свинья из вонючей лужи!

Трус! Предатель! Тварь болотная!

Герцогиня колотила герцога по лицу, а дуэнья ее не оставляла. Понимала, что надо, но стояла и наслаждалась. Пусть хоть один «победитель» получит по заслугам не когда-нибудь «потом», а сейчас.

– Гадина! – худые пальцы вцепились в светлые вихры. – Ты мне не брат! – В двери мелькнула и пропала физиономия Одетты с открытым ртом. – Я тебя убью, убью, убью! – Град ударов, неловких, нелепых, но сильных и злых, очень злых. – Отправляйся в Закат! – Подсвечник с камина отправился в голову Ричарду, белые свечи падают вниз весенними сосульками, катятся по полу...

– Ты хуже «навозника»! – Айрис по-лошадиному топает ногой и вздергивает подбородок. – Ты сам навоз... Чтоб ты сдох! Кукушонок! Клещ собачий!

Если братец – полный ызарг, неприятностей не оберешься, а нет – подерутся и помирятся. Айри давно пора было сорвать злость, и лучше на родиче, чем на раканыше.

– Свиныя кошачья! Изменник... Жаба бородавчатая! Клялся, да?! Клялся?!!

Сбоку громко охнули, нелепо и глупо защebetала морискилла. Дура-птица! Луиза наконец взяла себя в руки. Бить морды – дело благое, но делать это надо с умом. Капитанша опрометью выскочила в коридорчик и помчалась к законной, добропорядочной двери. В проеме, оставив сборчатый зад, торчала Одетта, Луиза отпихнула тещу родича Рокслеев и

ворвалась в приемную. Герцог Окделл удерживал разъяренную сестру за руки, на щеке Повелителя Скал алели свежие царапины. Айрис вырывалась неумело, по-жеребьячи отчаянно, не прекращая ругаться.

Девушка то замолкала, словно проваливаясь в невидимый ухаб, то выкрикивала новые оскорбления. Морискилла щебетала, слуги и стражники подслушивали, даже не особо скрываясь.

– Тварь... Какая же ты погань, Дикон. – Если она будет так орать, то начнет задыхаться. Святая Октавия, она уже дышит, как утопленница. – Ты его каблука не стоишь! Урод неблагодарный... Я убью тебя, слышишь. И Ракана-таракана твоего убью... Задушу...

Тараканов не душить надо, а травить, но поди объясни это разбушевавшейся дурехе, даже если она кругом права.

– Айрис, Ричард! – Сейчас братца с сестрицей новым криком не остановишь, нужно говорить спокойно. Раздельно и спокойно. – Успокойтесь, как вы себя ведете?

– Я его убью! – Айри не слышала, не желала слышать, в ее глазах не было слез, только ненависть. – Ты не будешь жить, слышишь, ты?! Не будешь! И как тебя такого земля носит?! И твоего поганца белобрысого.

– Айрис! – Вопль брата мало чем отличался от визга сестры. – Как ты смеешь оскорблять...

– А как ты жить смеешь, паскуда?! – выпалила Айрис. – И почему тебя только в Варасте ызарги не сожрали!

– Заткнись! – Лицо Повелителя Скал пошло такими же пятнами, как у сестры.

– Гадина! – взывала Айрис, изворачиваясь даже не кошкой, а змеей. Зубы герцогини впились в удерживавшие ее руку, пальцы Ричарда разжались, девушка вырвалась и немедленно вцепилась обеими руками в ненавистное лицо. Одна рука соскользнула и ухватилась за герцогскую цепь, вторая рвала лицо, ухо, волосы.

– Закатная тварь! – так мычат очумевшие быки и одуряченные мужья. Арамона тоже так орал, когда не знал, что делать. И Ричард не знает!

Повелитель Скал рванулся, с кухонным лязгом лопнула герцогская цепь, юноша пошатнулся, девушка отлетела к стенке и зашипела. Луиза, сцепив зубы, кинулась к камину, ухватила рокслеевский веник вместе с вазой и швырнула между сыном святого Эгмонта и его же доченькой. Грохнуло, как из хорошей пушки. Ваза разлетелась вдребезги, выплеснувшая вода окатила дерущихся, мерзко и сладко запахло лилиями. Ричард Окделл раздавил каблуком жирно хрустнувший стебель, и наступила тишина, прерываемая судорожным дыханием и тиканьем часов.

– Айрис, – всплывшая в гостиную Катарина Ариго была бледно-зеленой, как раздавленные бутоны, – вы мне нужны, но сначала вам следует поправить прическу. Герцог Окделл, я буду рада видеть вас завтра. Госпожа Арамона, могу я вас попросить проводить герцога?

– Разумеется, Ваше Величество, – скучным голосом произнесла Луиза. – Монсеньор, прошу вас.

Бывший оруженосец герцога Алвы устался на нее, как на выходца. Повелитель Скал был мокр, как мышь, оторванный воротник открывал шею с тщательно замазанным юношеским прыщом и оставленной лопнувшей цепью багровой полосой. Еще восемь вспухших полос украшали щеки, а левое ухо стремительно приобретало свекольный оттенок. Для юной девы Айрис проявила незаурядную сноровку.

– Герцог, – промурлыкала бывшая королева, – если вы не сможете нанести мне визит завтра, приходите в любое удобное для вас время. Я буду ждать.

Окделл очнулся. Зыркнул на стоящую среди осколков сестру, попытался поклониться, поскользнулся на некстати подвернувшейся свече. Катарина этого не заметила, как не замечала ни луж на полу, ни расцарапанного лица.

– Сударь, – напомнила о себе госпожа Арамона, – разрешите вас проводить.

Ричард шумно выдохнул и побрел к двери вслед за Луизой. Что творилось сзади, капитанша не видела, но там что-то звякнуло. Хриплый крик «Убирайся к кошкам!» слился с каким-то свистом, золотая змеюка смачно хлестанула Ричарда Окделла по спине, свалилась вниз и оказалась все той же герцогской цепью. Повелитель Скал поднял изувеченную регалию, его лицо перекосило то ли от ярости, то ли от боли. Госпожа Арамона ловко подняла занавес, за которым скры-

балась пресловутая дверца, и самочинно взяла Окделла за локоть.

– Монсеньор, сюда.

Молодой человек тупо оглянулся и остался стоять. Пришлось его подтолкнуть. Повелитель Скал являл собой весьма жалкое зрелище, но Луиза была далека от сочувствия. Капитанша с наслаждением оторвала б кабаненку уцелевшее ухо, но не выпускать же из апартаментов Катарины мокро-го исцарапанного герцога, будь он четырежды свиньей. Придется сушить, штопать и запудривать...

5

Леворукий бы побрал эту дрянь! Устроить такое! При Катарии! И что только на дуру накатило?!

– Здесь ступенька, сударь, – предупредила белобрысая страхолюдина, которую он откуда-то знал. Она все видела. И сборчатая толстуха видела, и стражники, и Леворукий знает сколько слуг и служанок, но на слуг герцог Окделл мог не оглядываться. На слуг, но не на Катарии.

Предстать перед своей королевой с расцарапанным свихнувшейся кошкой лицом! Эту тварь мало убить, но что сделано, то сделано.

– Монсеньор, думаю, будет лучше, если я зашью ваш воротник и обработаю ваше лицо квасцами. Такие царапины иногда гноятся.

Еще бы, когти у Айрис наверняка ядовитые, как у закатной твари, а уж язык!

– Монсеньор, вы согласны? Тогда лучше снять камзол. Я его просушу, пока буду заниматься воротником, но сначала – лицо.

– А потом? – язык сам спросил, Ричард о «потом» не думал.

– Потом я запудрю ваши щеки. Уверяю вас, ничего не будет видно.

Зато будет слышно, слуги обязательно проболтаются, и не только слуги. Айрис визжала, как резаная. Скоро весь дворец узнает, что Айрис Окделл назвала своего брата предателем. Его, готового умереть за дело Раканов и Талигойю?!

– Выпейте, – рука в черном рукаве протянула Ричарду стакан, – это вас успокоит.

– Что это? – переспросил юноша, недоверчиво разглядывая пахнувший чем-то противным отвар.

– Кошачий корень, – пояснила уродина, – он успокаивает. Делать герцогу Окделлу нечего, кроме как пить всякую дрянь. Ричард брезгливо скривился, и щеки ответили острой болью.

– Я не стану это пить, – юноша решительно поставил стакан на столик.

– Как вам угодно, – женщина равнодушно пожала костлявыми плечами, – но учтите, будет больно.

Дик угрюмо кивнул. Эта боль не шла ни в какое сравне-

ние с тем, что было, когда ему чистили рану на руке, но она унижала. Честные раны мужчину украшают, но такое!

Смоченный чем-то жгучим тампон из корпии коснулся щеки, но Ричард даже не вздрогнул, хотя казалось, что его сунули лицом в костер. Кто же эта вдова? А, кем бы ни была, главное, ей доверяет Катари.

— Монсеньор, теперь вам придется ждать, пока просохнут ваши вещи, а я с вашего разрешения займусь вашим воротником.

— Вы очень любезны. Надеюсь, я смогу отблагодарить вас за вашу помощь.

Час назад Дик бы добавил, что Повелители Скал не забывают оказанных им услуг, но выходка Айрис опозорила всех Окделлов. Святой Алан, сестрица безумна или больна, но разве это остановит сплетников? И что теперь прикажете с этой кошкой делать? Может, выдать ее за Наля? Но кузен при всей своей суетливости и невзрачности хороший человек. Не стоит привязывать его на всю жизнь к гадюке, хотя любовь зла. Что ж, если Реджинальд, зная все, попросит руки Айрис, он ее получит.

Глава 8

Вараста. Тронко

399 года К.С. 20-й день Осенних Волн

1

Спроси кто виконта Валме о разлуках год назад, Марсель бы с чистой совестью сказал, что, не будь расставаний, он бы повесился. В самом деле, что могло быть хуже родителей или любовниц, от которых нельзя сбежать, да и от приятелей рано или поздно устаешь. Валме знать не знал, что значит кудахтать от беспокойства и сморкаться, глядя в спину уходящим, за что и получил. Кошка-судьба подсунула неунывающему виконту Ворона с его дуэлями, войнами и кардиналами, и понеслось... Муцио, Дерра-Пьяве, Луиджи, маэстро Гроссфихтенбаум, дядюшка Шантэри, прекрасная Франческа, – все они откуда-то выскакивали, отгрызали кусок сердца и пропадали с глаз, но не из головы. И это не говоря об утреннем чуде, паре заплаканных принцесс и заварившем всю кашу герцоге, болтающемся Леворукий знает где.

Виконт потрепал по шее прижившегося у него Бронку и во всеуслышание заявил:

– Найду – убью!

– Марсель, – Чарльз Давенпорт в кожаном варастийском плаще держал под уздцы белолобую Манчу, – кого ты хочешь убить?

– Тебя! – огрызнулся Валме. – Если утонешь, можешь не возвращаться.

– Не паясничай, – Чарльз был серьезней дворового кота, собравшегося лезть в кухонный ларь, – мы не можем знать, когда встретимся и встретимся ли. Я должен убить Джеймса Рокслея и полковника Морена. У тебя тоже есть долги. Кто? Я могу встретить этих людей?

– Можешь, если в зеркало посмотришься. – Ну нет у виконта Валме таких врагов, чтоб из-за них гнать коня через полстраны, а друзья, раздери их кошки, есть, и один как раз в поход собрался. – Ладно, поехали.

Ничего нет глупее проводов. И лицемернее. Хорошо, если есть дело, которое можно обсосать, а если нет? Остается нести всякую чушь о погоде и красотах.

– Адуаны уже ждут, – Чарльз оглянулся на приютивший их дом, – наверное.

Через полчаса Давенпорт уедет, исчезнет, утонет в мокрой степи. В Варасте провожают до последней рогатки, дальше – дурная примета. В Варасте не любят прощаний, их нигде не любят.

– Конечно, ждут. – Еще можно уехать вместе, только что делать Марселю Валме у Лионеля Савиньяка? – У Дъегаррона не забалуешь. Генерал – человек душевный, только вот

злить его не надо.

Злить вообще никого не надо, даже Марселя Валме, пусть он и не кэналлиец.

– Мир вам, дети мои!

Епископ Варастийский и Саграннский восседал на могучем гнедом мерине и являл собой воистину великолепное зрелище. Особенно для пешего.

– Что смотрите, чада? – спросил Его Преосвященство и почесал мизинцем опаленный винным пламенем нос. – Покаяться хотите?

– Не совсем, – Марсель вскочил в седло, отрешаясь от дурных предчувствий и прочей чепухи. Хорошо, что заявился Бонифаций, иначе б они с Чарльзом докатились до завещаний и прощальных приветов, а при епископе не попохоронствуешь. Было в Его Преосвященстве нечто древнее, мощное и веселое, запрещающее думать о смерти и прочей чепухе.

– Ты, сыне, обождешь, – Бонифаций прищурился и ловко перехватил поводья, – не сегодня расстаемся, а приятеля твоего я исповедую. На дорожку, а то непорядок.

– В самом деле, Чарльз, – поддержал Его Преосвященство Марсель, сдерживая Бронку, – облегчи душу, а я сзади поеду.

Теньент пожал плечами, отдавая себя на волю Создателя, судьбы и Бонифация. Радости и благолепия на лице приятеля не наблюдалось. Ничего, потерпит.

Марсель поправил шейный платок и потрусил за клириком и его жертвой, искренне сожалея, что не слышит епископских напутствий. Давенпорт от Бонифация с непривычки шарахался, а вот Марсель проникся к епископу неподдельной симпатией. Его Преосвященство при всей несхожести напоминал виконту собственного родителя. Варастийский епископ казался бражником и обжорой, годным лишь на то, чтоб долдонить накрепко вбитые в голову церковные тексты, папенька тоже обожал дурачиться.

На первый взгляд граф Валмон был честным занудой, озабоченным собственным здоровьем и своими астрами, в которые Марсель в детстве запустил козу. О том, что стонущий домосед держит в узде не только собственные владения, но и все графство, сын и наследник узнал только после восстания Эгмонта.

Новым губернатором Эпинэ сделали Фернана Колиньяра, который и завалился в Валмон с визитом. Чего он хотел, Марселю не говорили, но гость стоически слушал хозяйские жалобы на бессонницу, несварение и грозящую ненаглядным астрам черную гниль, которая куда опасней гнили мучнистой. На одиннадцатый день губернатор сдался и уехал, получив в подарок настойку от чрезмерной потливости и завернутую во влажный мох рассаду, а мигом выздоровевший батюшка потребовал кэналлийского и наследника.

– Марсель, – возвестил граф, кромсая холодную оленину, – запомни, что нет ничего хуже сановных дураков со свя-

зями. Я не про оболтусов вроде тебя, ты рано или поздно перебесишься, а про баранов, вообразивших себя морисками. Ездить на них нельзя, но их можно и нужно стричь. Будь добр, собери всю эту лекарскую ерунду и спрячь куда-нибудь. Видеть ее не могу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.